

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1 9 7 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1971

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Илюшин.</i> Из истории русско-польских литературных отношений (К 150-летию со дня рождения Достоевского и Некрасова)	3
<i>И. Киселев.</i> Сотрудничество Академии наук СССР с учеными Болгарии	13
<i>Юзеф Ковальский</i> (ПНР). Польские коммунисты в борьбе за мир и безопасность своей страны (1935—1936)	22
<i>Е. Е. Станкевич.</i> Формирование промышленного пролетариата в Силезии (конец XVIII — первая половина XIX в.)	38
<i>С. А. Виноградов.</i> О некоторых вопросах развития торговли в Сербии в 20—30-х годах XIX века	53
<i>С. А. Шерлаимова, В. А. Хорев.</i> К спорам о Социалистическом реализме	61
<i>Л. А. Зарубин.</i> Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян	70
<i>В. А. Дыбо.</i> О фразовых модификациях ударения в праславянском	77

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Р. В. Булатова.</i> Новые исследования по сербохорватской акцентологии.	85
<i>Л. С. Кишкин, Ю. И. Ритчик.</i> Совместный труд советских и чехословацких историков культуры	91
<i>И. А. Хренов.</i> St. Kalabiński, F. Tych. Czarne powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich	96
<i>А. С. Мильников.</i> Книга о Чешском национальном совете	100
<i>И. Костюшко.</i> Полезные издания	100
<i>К. В. Большакова.</i> H. Rechowicz. Aleksander Zawadzki. Życie i działalność	101
<i>И. К. Горский.</i> Филологический выпуск «Українсько-го слов'янознавства»	103
<i>В. Д. Королюк.</i> О. А. Ганцкая. Народное искусство Польши	104
<i>А. С. Львов.</i> Синайский патерик	107

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1971 г. (продолжение)	110
Содержание иностранных журналов	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н. В. Зуева, Н. П. Данилова.</i> Юбилей видного советского ученого С. А. Никитина	112
<i>В. Мокиенко.</i> День славянской письменности в Ленинградском университете	113
<i>Р. Н. Смирнова.</i> Защита диссертации	114
<i>Т. Судник.</i> <u>Ян Отрембский</u>	115
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1971 г.	116

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. П. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-60, Трубликовский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

А. А. ИЛЮШИН

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(К 150-летию со дня рождения
Достоевского и Некрасова)

В статье будут рассмотрены урбанистические мотивы в творчестве Некрасова и Достоевского, соотносимые — минуя ряд промежуточных звеньев-посредников — с третьей частью «Дядюв» Мицкевича. Эти урбанистические мотивы связаны прежде всего с темой Петербурга в русской и польской литературе — темой настолько обширной и многогранной, что есть смысл сосредоточиться лишь на некоторых ее аспектах, представляющих интерес как в плане типологического сопоставления польских и русских литературных явлений, так и в изучении восприятия Мицкевича нашими писателями.

Поскольку речь идет о Некрасове и Достоевском, между которыми возникали весьма своеобразные творческие контакты, необходимо хотя бы в самой общей форме уяснить характер их писательских взаимоотношений, определивших, в частности, сходные моменты в их трактовке петербургской темы. Обращает на себя внимание односторонность этих контактов, на первый взгляд даже несколько странная. По нынешним воззрениям Достоевский — писатель с мировым именем, фигура огромного значения, глубокие следы его влияния обнаруживаются в литературах XX века: Кафка, Томас Манн, Булгаков и др. Иначе сложилась литературная репутация Некрасова. «Властителем дум» он стал еще при жизни — вопреки бытовавшим тогда легендам о нем как о поэте «слабой формы» (хотя и глубокого содержания), но эти легенды — и в прошлом и в нашем веке — мешали все-таки читателям видеть в Некрасове первоклассного мастера. Тем не менее гений Достоевского все время как бы тянулся к стихам Некрасова — прикаснуться к ним было и отрадно и мучительно. Некрасовская поэзия давала Достоевскому какие-то творческие импульсы, не случайно же в «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Бесах» и в иных произведениях содержатся явные и скрытые реминисценции из Некрасова. Наконец, после смерти поэта Достоевский, произнесший речь на его могиле, написал очерк, в котором исключительно высоко оценил его поэтическое наследие.

Некрасов же не ощущал никакой потребности в творческом общении с Достоевским. Он словно не замечал, что рядом с ним живет гений, создающий огромные духовные ценности, с которыми соизмерять все свое было бы высшей честью. Некрасов как художник немалым обязан Тургеневу,

Чернышевскому (не говоря уж об «учителях» и предшественниках); Достоевскому — ничем¹.

Если вдуматься, не так-то уж это и странно. Значение Достоевского понято и традиции его усвоены лишь в нашем столетии. В прошлом веке, хотя и изобиловавшем из ряда вон выходящими феноменами, но не всегда умевшем соотносить, согласовать их с массовидными явлениями, не было школы Достоевского, в то время как существование некрасовской школы — факт несомненный и обстоятельно исследованный². Это, впрочем, не должно звучать как упрек XIX веку: ведь и до и после были творцы, не оцененные по достоинству современниками и работавшие скорее для правнуков.

Переходя от общего к частному, заметим: Достоевскому случалось пользоваться некрасовскими урбанистическими образами. Классический, общеизвестный пример — сон Раскольниково, когда тот видит загнанную, забитую лошадь. Это явно навеяно сценой из поэмы Некрасова «О погоде»:

Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача...

В данном случае заимствование представляется нам бесспорным. В ряде других случаев установить столь же самоочевидную зависимость Достоевского от Некрасова сложнее. Тем более трудно определить меру воздействия Некрасова на Достоевского в формировании обобщенного образа Петербурга как города роковых страстей, загадок и фантазмагорий, таящих в себе некое демоническое начало, нечто надчеловеческое и бесчеловечное (воплощение чьей-то злой воли). Такое восприятие Петербурга, характерное для обоих русских писателей, а в известной степени и для Гоголя, и для Пушкина, ассоциируется с «Дзядами» Мицкевича, который первым увидел столицу Российского государства в «демоническом» ракурсе и сумел в высокохудожественной форме воплотить эту инфернальность большого города.

Не удивительно ли, что Мицкевич разглядел всю эту дьяволиаду Петербурга раньше многих русских писателей? Пожалуй, скорее закономерно, чем удивительно. Ностальгия страдальца-изгнанника, переживание своей отчужденности, соотнесение своей судьбы с судьбою другого великого поэта-изгнанника — Данте, писавшего в свое время о крутизне чужих лестниц и горечи чужого хлеба (вспомним в этой связи, что Ф. Лист называл Мицкевича «северным Данте»), чувство духовного поединка с огромным, мертвящим, подавляющим тебя городом, к тому же склонность видеть вещи в романтическом ореоле — вот, приблизительно, атмосфера, в которой петербургские предместья могли показаться Мицкевичу чем-то вроде Лимба, а центр — напомнить об адском дне. Для русского же писателя Петербург все-таки прежде всего родной город, с которым связано многое милое сердцу, и русский, естественно, не предрасположен почувствовать себя «на берегах Невы» жертвой беспощадного города-демона. Тем не менее и Пушкин, и особенно Гоголь испытали-таки это чувство (а вслед за ними и Некрасов и Достоевский), однако не раньше, чем творчество Мицкевича вошло в сознание русского общества, и, думается, не без влияния «Дзядов».

Здесь нужно учитывать и то, что Мицкевич, в отличие от русских писа-

¹ Правда, Л. Гроссман подчеркивает, что Некрасов восхищался талантом Достоевского, и считает последнего — едва ли с достаточными основаниями — прототипом Крота в поэме Некрасова «Несчастные» (Л. Г р о с с м а н. Достоевский. М., 1965, стр. 522). Но из этого еще не следует, что творчество Достоевского так или иначе оказывало воздействие на творчество Некрасова.

² Н. С к а т о в. Поэты некрасовской школы. Л., 1968.

телей, не был скован необходимостью оглядываться на цензуру, с требованиями которой, разумеется, не согласовалась трактовка Петербурга как города «нечистой силы». Впрочем, бесцензурная вольная русская поэзия смело игнорировала те же самые «препоны и рогатки», однако же в ней не прозвучали мотивы, которые можно было бы соотнести в этом плане с мотивами Мицкевича. Другое дело — внелитературная, простонародная, старообрядческая традиция XVIII века — традиция суеверных оценок русской столицы, основанной Петром, как дьявольского творения, воздвигнутого приспешниками сатаны. Уместно здесь вспомнить и сходную окраску предславянофильских и славянофильских настроений первой половины XIX века.

В духе романтической иронии Мицкевич писал, что Петербург, вероятно, построен демонами («budowały go chyba Szatany») ³. Отсюда — ощущение нереальности, обманчивой призрачности городского пейзажа. Вспомним вечерний Петербург у Гоголя в «Невском проспекте»: «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется. <...> Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» ⁴. Эту грань реального и фантастического, действительности и миража, особенно остро ощущал Достоевский-урбанист, оставивший примечательнейшие зарисовки Петербурга в своих повестях и романах, в частности — в «Белых ночах», «Преступлении и наказании», «Подростке». Последнее произведение содержит превосходный образец такой зарисовки, акцентирующий призрачность, иллюзорность Петербурга, словно весь этот город — некое бесовское наваждение, которое вот-вот сгинет, рассеется:

«...Считаю петербургское утро, казалось бы самое прозаическое на земном шаре, — чуть ли не самым фантастическим в мире. <...> В такое петербургское утро, гнилое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из «Пиковой дамы» (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип — тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться. Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: „А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметься с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?“».

Это написано в середине 70-х годов, а ведь еще за три десятилетия до работы над «Подростком» Достоевский отдавал себе отчет в своих странных ощущениях призрачно-фантастического начала, скрытого в облике Петербурга. Уже «Белые ночи» (1848 г.) повествуют о «странных уголках» столицы, куда заглядывает не обычное солнце, а «какое-то другое, новое, как будто нарочно заказанное для этих углов», светящее «иным, особенным светом», и во всем этом угадывается «смесь чего-то чисто фантастического, горячо идеального и вместе с тем... тускло-прозаического и обыкновенного, чтоб не сказать: до невероятности пошлого». Словом, в Петербурге, помимо нормальной, всем хорошо известной жизни обычных людей, ютится иная, таинственная жизнь.

³ «Демонизация Петра и его творения» — так охарактеризовал эти слова Мицкевича В. Кубацкий (см. W. K u b a c k i. *Palmira i Babilon*. Wrocław, 1951, s. 30).

⁴ Другие сопоставления урбанистических образов Мицкевича и Гоголя см. в статье: В. G a l s t e r. *Petersburg w pismach Mickiewicza i Gogola*. «O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

Само по себе заявление типа: «есть такие-то и такие-то странные уголки...» — напоминает манеру русской натуральной школы 40-х годов, изучавшей так называемую «физиологию Петербурга», «петербургские углы» и т. п. Но у Достоевского в данном случае проявился интерес не столько к «физиологии» петербургских углов, сколько к мистико-поэтическому любованию ими, к философскому субъективному созерцанию. Именно в этом плане подмечена и двойственность созерцаемого предмета: речь идет не о Петербурге богатых и Петербурге бедных, не о социальных контрастах, охотно фиксировавшихся писателями натуральной школы, а о градациях совсем иного свойства (с одной стороны — Петербург людей с нормальной психикой, реально мыслящих, погруженных в повседневность, и с другой — Петербург «мечтателей», проживающих в странных уголках и освещаемых иным солнцем).

У Некрасова же, напротив, преобладает интерес к социальным контрастам столицы и отсюда — к социальному ракурсу ее двойственности (город богачей и город бедноты). Автор физиологического очерка «Петербургские углы» (1845 г.), Некрасов и в своей поэзии 50—60-х годов продолжал эту линию. Впрочем, появились и некоторые ответвления от этой линии, сближавшие Некрасова с Достоевским и кое-что предвосхищавшие в поэзии Блока, на которого, судя по всему, глубокое впечатление произвели урбанистические зарисовки обоих писателей.

Некрасовский Петербург — «город роковой»; в его предместьях из колоссальных фабричных труб вылетают клубы дыма, «как черные змеи»; в городе, кроме тифа и холеры, свирепствует эпидемия безденежья, и даже один «почтенный мертвец», не говоря уж о живых, озабочен думой: «где бы занять поскорей?». Больные дни, мгlistые вечера, громадная гробница Невы, морозы и туманы — все эти некрасовские картины выдержаны в колорите, характерном и для произведений Достоевского.

В 1856 г. написана поэма «Несчастные». Один из ее «героев» — Петербург, соотносенный с пушкинским Петроградом-Петрополем «Медного всадника». Пушкин, в свою очередь, вспоминал Мицкевича, когда создавал своего «Медного всадника», и таким образом линия преемственности соединяет всех трех поэтов.

Об отношении «Медного всадника» к «Дядям» писали очень многие исследователи. Подробное изложение их взглядов увело бы нас далеко в сторону⁵. Но в нескольких словах — что это были за отношения? Пушкин делал вид, что спорит с Мицкевичем о мелочах: Нева не была покрыта льдом во время наводнения 1824 г., снега не было, «наше описание точнее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта». На самом же деле спор был принципиальный. Негативной оценке Петербурга, данной Мицкевичем, Пушкин противопоставил объективную оценку, показал в русской столице не только город великого человеческого горя, но и город великой красоты, огромного исторического значения. И в той мере, в какой Некрасов как автор «Несчастных» полемизировал с пушкинским «Медным всадником», — в той мере он возвращался к позиции Мицкевича (своего рода отрицание отрицания).

Впрочем, полемизировал ли Некрасов с Пушкиным, или же, напротив, соглашался с его оценкой Петербурга? На этот вопрос трудно дать однозначный, определенный ответ: имеются аргументы и «за» и «против»⁶.

⁵ Назовем одну из последних работ, в которой убедительно трактуется смысл обращений автора «Медного всадника» к Мицкевичу: И. Ф. Б э л з а. Пушкин и польская культура. В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970, стр. 164—165.

⁶ См. К. И. Ч у к о в с к и й. Мастерство Некрасова. М., 1955, стр. 58—62.

В некрасовской поэме есть строки, свидетельствующие как раз, казалось бы, о единомыслии двух поэтов:

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Пленный лирой сладкострунной,
Не спору я: прекрасен ты...

Однако это звучит как вступление, после которого будет сказано какое-то «но»: Петербург прекрасен, но душа в нем болит, «грустная мечта» блуждает не в бальных залах, а «в приютах нищеты печальных», и Некрасов, о тдав должное Пушкину, остается самим собой, т. е. певцом городских трущоб, больниц, тюрем, кладбищ и пр. Да, но ведь и у Пушкина Петербург не сусальный, не безмятежный (вспомним наводнение и его последствия, описанные в «Медном всаднике») ! И тем не менее Некрасов по преимуществу видит в Пушкине певца петербургских красот и, вопреки своему обещанию «не спорить» с ним, все-таки спорит.

Юношу, очарованного блеском столицы, ждет печальная участь: он будет брошен «на красивые плиты» петербургских улиц и площадей, «как из машины винт негодный», после изнурительных лет бесплодной борьбы за существование. Некрасов писал об одиночестве, о загнанности опустошенного и обессиленного человека:

В глухую полночь, бесприютный,
По стогнам города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Заснув под тучею свинцовой,
Тогда предстанет он иным
И, опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьем царственным своим —
Не будет радовать...

Отзвук этих строк слышен в концовке блоковского «Возмездия»: полночь, уснувший город — и одинокий, отчужденный человек, бредущий по пустынной площади. Отметить такую связь тем более важно, что у Блока этот мотив вновь обращает нас к польским ассоциациям: герой «Возмездия» испытывает «некрасовское» ощущение своей потерянности не в Петербурге, а в Варшаве. Не случайно исследователь В. Ледницкий назвал заключительную часть «Возмездия» — «польской поэмой Блока»⁷.

У Мицкевича Петербург — зимний, холодный. Но свои зимние впечатления поэт komponует таким образом, что между ними неожиданно появляются контрастные представления о чем-то жарком, летнем, раскаленном. Океан крови, масса огненно-рубиновых искр, зеркало средиземных вод, горячее (в перерывах между холодами?) петербургское небо:

Tu zbyt gorące lub zbyt zimne nieba
Srogie i zmienne, jak humor despoty

— подобные контрастные композиции «холодного» и «горячего» весьма характерны для «Дзядов». И не менее — для второй части некрасовской

⁷ Статью с этим названием см. в кн.: W. L e d n i c k i. Russia, Poland and the West. New York, 1954, p. 349—399.

поэмы «О погоде», где на сплошном фоне петербургских морозов то возникает образ полуденной итальянской розы (певицы Бозио), то мерещатся «зловонные костры» и июльская пыль, пропитывающая столицу, то полыхают пожары («Небо вспыхнуло заревом красным...»).

Строительство Рима, отмечает Мицкевич, потребовало больших средств и трудов; строительство Петербурга — крови и слез, растоптанных человеческих жизней, и повинен в этом Петр I. «Петр для Мицкевича — олицетворение единоличной, деспотической воли, самодержавия в его, современном поэту, военно-деспотическом, европеизированном обличе»⁸.

Некрасов, так же как и Пушкин, чтит Петра, повторять мысль Мицкевича, он, разумеется, не стал бы; однако в стихотворении «Железная дорога» есть сходное сопоставление римского Колизея и русской железной дороги. О Колизее и других шедеврах Запада иронический вопрос генерала: «Что же, все это народ сотворил?» — остается без ответа, хотя ясно, что «все это сотворил» именно народ и что генеральская ирония неуместна. О железной же дороге сказано прямо, что она построена на народных костях.

Мицкевич противопоставляет Петербург Риму, Венеции (и Лондону и Парижу, о которых речь идет тремя стихами выше следующего афоризма):

... ludzi ręką był Rzym budowany,
A Wenecyją stawili bogowie,
Ale kto widział Petersburg, ten powie,
że budowały go chyba Szatany.

И тем же городам противопоставляет Петербург Некрасов, вернее — героиня «Русских женщин» княгиня Трубецкая, которая, покидая русскую столицу, обращается к ней с такими словами:

Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того красой ты не прельстишь...

Заметим, что здесь, помимо перечисления одних и тех же городов, обоими поэтами употреблена сходная синтаксическая конструкция: «kto widział... ten» — «кто видел... того».

Возможно, все это и случайные совпадения. Но, с другой стороны, нет ничего невероятного в том, что Некрасов читал третью часть «Дядюв» (причем именно по-польски). Есть немало фактов и свидетельств в пользу того, что Некрасов живо интересовался Польшей, ее культурой и литературой, в частности Мицкевичем и Словацким⁹. Известно, что поэт считал свою мать полькой — это видно по незавершенным отрывкам из поэмы «Мать» (1877 г.). О ее происхождении приходится говорить осторожно: не «была полькой», а «считалось, что она полька», ибо подлинные документы, которые могли бы подтвердить это, не сохранились, единого мнения по данному вопросу среди специалистов нет¹⁰, и новейшие архивные изыс-

⁸ Б. Ф. Стахеев. Третья часть «Дядюв» А. Мицкевича (к характеристике идейного содержания драмы). «Ученые записки Института славяноведения», М., 1954, т. 8, стр. 283.

⁹ См. Ю. Д. Левин, Г. Б. Рабинович. Некрасов и первый русский перевод «Мазень» Ю. Словацкого. В кн.: Некрасовский сборник. М.—Л., 1960, стр. 179—207.

¹⁰ Так, польское происхождение Е. А. Некрасовой (в девичестве Закревской) отрицает В. Евгеньев-Максимов в кн.: Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I, М.—Л., 1947, стр. 64—77.

кания¹¹ о семье Некрасовых не прибавляют новых аргументов ни в пользу, ни в опровержение этой версии. Но важнее всего отношение к пей самого Некрасова, его ощущение (пусть даже иллюзорное) своей кровной связи с Польшей.

Как уже отмечалось, важным фактором в отношениях Некрасова к Мицкевичу было своего рода «присутствие» Пушкина между ними. Логика здесь несложная, и в самом упрощенном виде она сводится к такой схеме: спорить с Пушкиным — значит, согласен с Мицкевичем. Все необходимые оговорки, извиняющие прямолинейность такого суждения, уже сделаны. Теперь интересно было бы указать, что это суждение в какой-то мере применимо и к Достоевскому, хотя и в несколько ином плане.

В приведенной выше обширной цитате из «Подростка» упоминается Пушкин, его «Пиковая дама». Достоевский-урбанист намеренно соотносит свою концепцию Петербурга с пушкинской. К Пушкину он — так же как и Некрасов — относится восторженно, но (опять-таки как и Некрасов) не исключает возможности полемики с ним. В «Дневнике писателя» (1876 г.) Достоевский несочувственно цитирует стихи из «Евгения Онегина» (отрывки из путешествия Онегина) и следующим образом их комментирует:

«Что, устрицы пришли? О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать...

Вот эта-то «обжорливая младость» (единственный дрянной стих у Пушкина потому, что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой)».

Достоевский словно не замечает или не хочет замечать, что эти пушкинские стихи, живописующие одесский быт, вполне созвучны петербургским картинам в первой главе «Евгения Онегина». Модная нега, роскошь, обильная прихоть, «обжорливые» наслаждения дарами европейской кухни — весь этот мир петербургских аристократов, торжествующих свою «младость», показан без иронии, которая спасала бы, по логике Достоевского, пушкинские стихи от «дрянного» любования сытостью и роскошью. Однако не будем здесь решать эту задачу «за» или «вместо» Достоевского: ведь ему-то, возможно, слышалась ирония в первой главе «Онегина» и даже во вступлении к «Медному всаднику», и такое — пусть странное — восприятие примиряло его с Пушкиным? Так или иначе, Достоевскому не понравилась «похвала» черноморским устрицам, а похвалы роскошным петербургским обедам («Евгений Онегин») и холостым пирушкам («Медный всадник») он не почувствовал.

Пушкин был искренне очарован Петербургом, и его чувство менее всего похоже на «очарованность» кролика под взглядом удава: Пушкину Петербург не казался городом-удавом. Достоевский, напротив, чувствовал гипнотическую, покоряющую силу города, которая давит на человека; «...съежился перед ним и так и замер на месте, не отрывая от него глаз, как кролик от удава», — эти слова Достоевского, сказанные по другому поводу, удивительно подошли бы к его урбанистической философии, к характеристике отношений города и горожанина.

Любовь-ненависть Достоевского к Петербургу — сложное чувство. Одушевленные им урбанистические картины сопоставимы с произведениями некоторых писателей, запечатлевшими Петербург разных эпох — на

¹¹ А. Ф. Т а р а с о в. Новые архивные материалы о семье Некрасовых (Грешнево). В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1968.

протяжении почти столетия. И так же, как в приведенных выше примерах с Некрасовым, его предшественниками и последователями, — прежде всего всплывают имена Мицкевича и Блока — двух поэтов, творчество которых в ретро-перспективных ассоциативных пересечениях соприкасается с миром Достоевского. Что касается XX века, то здесь, наряду с урбанизмом Блока, продолжавшего традицию Достоевского, следует упомянуть имена А. Белого и Брюсова, урбанистические мотивы которых в ряде случаев звучат в сходном ключе.

Сопоставление Достоевского с Мицкевичем¹² трудно вести в том же плане, в каком речь шла о близости к Мицкевичу Некрасова. Пожалуй, у Достоевского резче, чем у кого-либо из предшественников и современников, подчеркнута идея фантастического, как бы деформирующая реальные пропорции и очертания Петербурга.

Хотя этот фантастический элемент у Достоевского-урбаниста восходит к поэтике романтизма¹³ и опосредствованно связан с творчеством романтика Мицкевича, чувствуется, что Достоевский без особой симпатии относился к духу польского романтизма. Как правило, пародийно-карикатурный оттенок дает о себе знать в произведениях писателя, когда он касается польской темы. Так, в эпилоге романа «Идиот» Аглая выходит замуж за эмигранта, польского графа, который, оказывается, вовсе не граф и вообще человек сомнительный. «Пленил он Аглаю необычайным благородством своей истерзавшейся по отчизне души...» Как видим, здесь иронически варьируются мотивы романтической ностальгии, которыми окрашена поэзия Мицкевича.

В этом нет ничего странного. Писатели любят высмеивать то, чем когда-то или даже только что увлекались. Романтизму в этом смысле особенно «повезло»: ему многие отдали в свое время дань и многие его за это клеймили, едва ли сознавая, что он вовсе не изжит, что обаяние его стиля все еще властительно. «Огненные» и «невыразимые» взгляды, скрещенные на груди руки, ужасная немая борьба в душе и пр. — всеми этими романтическими штампами охотно пользуется Достоевский; и тем более охотно высмеивает романтический стиль.

Достоевского не могла удовлетворить романтическая концепция Петербурга еще и потому, что в его творчестве складывалась совершенно иная концепция, опирающаяся на другие историко-литературные традиции. Речь идет о так называемом карнавальном мироощущении, присущем Достоевскому¹⁴. Окрашенная им художественная трактовка Петербурга равно противостоит и классицистическим панегирикам в честь «Северной Пальмиры», получившим наибольшее распространение в XVIII в., и романтическому ниспровержению зловещего кумира, угаданного в Петербурге Мицкевичем.

В свете карнавального мироощущения «стогна» Петербурга (слово «высокого штиля», употреблявшееся и панегиристами, и романтиками, и Некрасовым) преобразуются в шумные карнавальные площади, на которых разыгрываются универсальные и общечеловеческие мистерийные сцены, рвутся иерархические перегородки, разъединявшие людей и мешавшие им вступить между собой в вольный фамильярный контакт, подвергаются все-

¹² О явных и скрытых реминисценциях из Мицкевича в произведениях Достоевского см. статью В. Ледницкого «Достоевский и Мицкевич» (W. L e d n i c k i. Russia, Poland and the West. New York, 1954, p. 295—348).

¹³ Из последних работ, затрагивающих проблему «Достоевский и романтизм», см. одноименную статью Р. Г. Назина в кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти профессора А. Н. Соколова. М., 1971, стр. 346—356.

¹⁴ М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, стр. 135—241.

народному осмеянию и развенчанию индивидуальные претензии героя-сверхчеловека, умирает-возрождается в непрерывном амбивалентном процессе жизнь. Не будем подробно анализировать эту городскую карнавальную стихию в романах Достоевского: в книге Бахтина, на которую мы сослались, все это сделано на самом высоком уровне. Исследователь связывает поэтику Достоевского с традициями народной культуры античности, средневековья и Ренессанса, но в то же время указывает и русскую традицию, на которую опирался Достоевский, — традицию карнавализованных произведений Пушкина и Гоголя.

Думается, применительно к русскому XIX веку можно с большими или меньшими основаниями говорить о весьма широком круге литературных явлений, несущих в себе отзвуки карнавального мироощущения. И, что особенно интересно, в этот круг частично входит и творчество Некрасова, автора эпопеи «Кому на Руси жить хорошо?» и поэмы «Современники». Последнее произведение заслуживает преимущественного внимания, поскольку в нем звучит петербургская тема.

Но нет оснований считать, что карнавальные мотивы «Современников» навеяны творчеством Достоевского: у Некрасова они варьируются иначе, нежели в романах Достоевского. Сходство обнаруживается лишь в чисто типологическом сопоставлении двух писателей, исключающем постановку вопроса о каком бы то ни было влиянии одного на другого.

В духе карнавальной поэтики Некрасов изображает пиры в роскошном петербургском «трактире», где собрались «юбиляры и триумфаторы», рыцари первоначального накопления, герои биржи — короче, столпы молодого русского капитализма. Все они — в фамильном контакте друг с другом, маски благопристойности срываются, при этом бесчинствует типичный карнавальный шут — князь Иван, господствует атмосфера веселого изобилия — вопреки тому, что общий тон мрачный, угрюмый. Прорываются характерные карнавальные вольности и непристойности, например, упоминание о человеке с таким лицом, по которому, перепутав, можно его высечь, — низведение лица в область «материально-телесного низа» (термин Бахтина). Скопец предлагает основать центральный дом терпимости, «специалист» по *орошению* лугов, растратив казенные деньги, *орошает* слезами счастья грудь жены, когда ему удается спастись от суда, и множество нелепостей творится в этом трагикомическом духе. Петербургский трактир становится ареной карнавальных действий.

Достоевский не без любования относился к петербургской аристократии, причем привлекало его именно ее «вырождение». Аристократ обаятелен, когда он появляется на фоне петербургских трущоб и «клоак», бродит по притонам, якшается с публикой самого низкого пошиба. Все это дает особый привкус похождениям Свидригайлова и Ставрогина — привкус опять-таки карнавальный: барство и аристократизм, сохраняя свой лоск и блеск, приобщаются к низам, к «грязнотце», к изнанке жизни.

У Некрасова в «Современниках» есть отчасти сходная ситуация: миллионеры, финансовые воротилы поют бурлацкую песню, преобразуются в мужиков. Это одно из проявлений их цинизма, однако же их «разбойничий хор» способен вызвать чувство «умиления», — признается Некрасов. Таковы уже законы карнавального мировосприятия: развенчание неотделимо от увенчания, смерть от рождения и т. п.

Итак, если многое связывает урбанистические образы Некрасова и Достоевского с традициями романтизма и, в частности, с творчеством Мицкевича, то немало существует и пунктов отталкивания русских писателей от этих традиций. Мицкевич — и как романтик, и как сатирик, отдавший дань гротеску, не вовсе чужд стихии карнавала. Однако в его петербургских картинах не чувствуется карнавальной закваски. Но, подводя итоги,

хотелось бы подчеркнуть именно то, что не разъединяет, а напротив, роднит наших писателей с Мицкевичем: приемы «демонизации» Петербурга, сходные контрастные композиции урбанистических образов, общее неприятие панегиризма в отношении к русской столице. Отмеченные совпадения ряда моментов в петербургских описаниях у Мицкевича и Некрасова убеждают в том, что творческие контакты польского поэта с нашей литературой имели место не только в 20—30-е годы XIX в., но и в последующую эпоху. Снятие цензурного запрета с произведений Мицкевича (кстати, оно не касалось III части «Дзядов», долгие годы остававшейся под запретом) не ослабило к нему интереса: сразу же хлынул целый поток переводов его поэзии на русский язык; но не менее значительным фактом в истории русско-польских литературных отношений было то, что «линия Мицкевича» прочерчивалась в живом русском литературном процессе (т. е. не только на периферии переводческих экспериментов) и коснулась творчества Некрасова и Достоевского.

И. КИСЕЛЕВ

СОТРУДНИЧЕСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР С УЧЕНЫМИ БОЛГАРИИ

В настоящее время сотрудничество АН СССР с болгарскими учеными по весьма широкому кругу проблем в области естественных и общественных наук осуществляется главным образом на основании прямого Соглашения о сотрудничестве между АН СССР и Болгарской академией наук от 1958 г. Формы его самые разнообразные, начиная от простого обмена информацией и кончая проведением совместных работ при соответствующем разделении труда. Помимо прямых межакадемических связей институты АН СССР имеют контакты с болгарскими учеными также в рамках комиссий СЭВ и по программе исследования и мирного использования космического пространства «Интеркосмос». Кроме того, АН СССР принимает в своих институтах болгарских ученых и специалистов для ознакомления с работой советских научных учреждений, повышения квалификации, стажировки и прохождения аспирантуры по просьбам различных советских министерств и ведомств. Последние в таких случаях выступают в качестве посредников между своими ведомственными партнерами в Болгарии и Академией наук СССР. К числу ведомств с советской стороны прежде всего относятся Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Государственный комитет по внешним экономическим связям при Совете Министров СССР, Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство здравоохранения СССР, Государственный комитет по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР. Основным партнером АН СССР в Болгарии является Болгарская академия наук (БАН), с которой уже более двух десятилетий поддерживаются постоянные тесные связи научного и научно-организационного характера.

На X съезде БКП Тодор Живков, касаясь научного потенциала Болгарии, говорил: «Ныне Болгария располагает сравнительно мощным для ее условий и возможностей научным потенциалом, охватывающим 111 институтов и научных звеньев Болгарской академии наук, 26 высших учебных заведений, 49 научно-исследовательских институтов и проектных бюро, более 40 ведомственных институтов и баз технического развития. Сейчас в сфере научной деятельности работает около 55 тыс. человек, в том числе 13 тыс. научных работников»¹. В докладе далее указывается на быстрый рост ассигнований на развитие науки. В 1960 г. расходы на научные исследования и техническое развитие составляли 0,5% национального дохода, а в 1969 г. их доля возросла до 1,8%.

БАН — высшее научное учреждение Болгарии. В Академии работает около 6 тыс. человек, в том числе 1500 научных сотрудников. Это и есть те

¹ «Правда», 21 апреля 1974 г.

люди, которые наиболее активно сотрудничают с советскими учеными. Разумеется, многие из ученых БАН работают также в вузах страны и других государственных организациях. При этом возникает вопрос, не является ли круг лиц и учреждений в Болгарии, непосредственно связанных с АН СССР, сравнительно узким. По-видимому, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. А может ли быть расширен круг партнеров АН СССР в Болгарии? Мы видим по крайней мере два направления решения этой проблемы. Во-первых, открыты широкие возможности включения в сотрудничество с болгарской стороны высших учебных заведений. Это прежде всего относится к самому широкому сотрудничеству в области общественных наук, а также к сотрудничеству в области естественных наук по проблемам поискового и теоретического характера. И, во-вторых, необходимо активнее увязывать работы академических институтов и вузов с задачами развития народного хозяйства, с проблемами, разрабатываемыми отраслевыми научно-исследовательскими институтами. Это имеет огромное значение в условиях проходящей в мире научно-технической революции, на что обратило особое внимание Международное совещание коммунистических и рабочих партий (Москва, июнь 1969 г.)².

Говоря о целесообразности привлечения к сотрудничеству с АН СССР внеакадемических научно-исследовательских учреждений, было бы неправильно считать, что до сих пор в нем участвовали только академические институты. Отнюдь нет. И по естественным и по общественным наукам в сотрудничестве принимали и принимают участие неакадемические учреждения. В Болгарии, так же как в СССР и других социалистических странах, научную работу в области общественных наук ведут, кроме академических учреждений, вузы, учреждения при ЦК БКП и при МИД Болгарии, а также архивы, библиотеки и музеи.

Одной из широко практикующихся форм связей является обмен информацией и литературой. Так, Институт научной информации и Фундаментальная библиотека по общественным наукам АН СССР (ИНИФБОН) осуществляет широкий книгообмен с 38 организациями Болгарии, причем регулярный книгообмен ведется с 1948 г.

В библиотеку БАН, библиотеку Софийского университета, Библиотеку им. Кирилла и Мефодия высылаются все издания АН СССР по общественным наукам. В другие болгарские научные центры посылаются литература по общественным наукам за послевоенные годы, микрофильмы литературы довоенной (по запросам), справочные издания и бюллетени. Болгарские организации со своей стороны стремятся высылать в ИНИФБОН АН СССР не только всю выходящую сейчас в стране литературу по общественным наукам, но и научные издания за довоенные и первые послевоенные годы. В 1970 г., например, из Болгарии поступили комплекты болгарских газет и журналов за 1900—1920 гг. Оживленный книгообмен проводится также непосредственно между родственными институтами АН СССР и БАН. Литературой пользуются широкие круги читателей, поэтому такая форма связей обеспечивает интересы большой массы людей, в том числе специалистов и учащихся.

Издательства академий периодически проводят обмен выставками научной литературы, которые обычно привлекают многочисленных посетителей. Последняя выставка болгарской научной литературы проводилась осенью 1969 г. в Москве, Киеве и Ленинграде и была приурочена к 100-летию Болгарской академии наук. Президент БАН академик А. Балеvский писал академику М. В. Келдышу в письме от 11 марта 1970 г.: «Раз-

² «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 303.

решите мне от имени Болгарской академии наук и лично от себя выразить Вам сердечную благодарность за оказанное содействие и исключительное гостеприимство в организации юбилейных выставок Болгарской академической книги в Москве, Ленинграде и Киеве осенью 1969 г. Успех этих выставок дает нам основание верить в то, что они содействовали развитию наших взаимных связей и в области академического книгоиздания».

Важной формой сотрудничества являются поездки ученых для чтения лекций и докладов, для консультаций и экспертиз. При этом выступления бывают узко специального характера, предназначенные для ограниченной аудитории, и научно-популярного характера, представляющие интерес для широкой публики. Практикуются выступления по радио, телевидению, в печати.

АН СССР и БАН широко практикуют взаимные приглашения для участия в научных конгрессах, съездах, конференциях, симпозиумах. В последние пять лет представители АН СССР ежегодно участвовали в 25—30 научных конференциях, проведенных в Болгарии, а болгарские ученые — в 40—50 конференциях, организованных АН СССР. В 1970 г., например, 345 болгарских ученых приняли участие в 53 конференциях в СССР, в том числе во II Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам адсорбции, XV Международной рочестерской конференции по физике высоких энергий, XIX Всесоюзной конференции по эмиссионной электронике, Международном симпозиуме по сварке и спецметаллургии, Всесоюзной конференции по космическим лучам, V Международном конгрессе экономической истории, XIII Международном конгрессе исторических наук, Симпозиуме по моделированию народного хозяйства и др.

Около 250 представителей АН СССР в 1970 г. приняли участие в 27 конференциях и симпозиумах, проходивших в Болгарии, в том числе в Международном симпозиуме на тему «Славяне и средиземноморский мир» (VI—X вв.), Симпозиуме по проблемам клеточной пролиферации, Международной конференции по конструктивной теории функций, III Международном социологическом конгрессе, III Европейском симпозиуме по сейсмостойкому строительству, Симпозиуме по теме «Комплексная автоматизация производства с использованием вычислительной техники» и т. д. В работе конференций участвуют с обеих сторон ученые и специалисты независимо от их ведомственной принадлежности.

В 1969—1970 гг. важное место в сотрудничестве АН СССР и БАН занимала подготовка и проведение мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 25-летию освобождения Болгарии от фашистского ига, 25-летию победы советского народа над фашистской Германией, 150-летию со дня рождения К. Маркса и Ф. Энгельса, 100-летию Болгарской академии наук.

Так, например, 4—6 сентября 1969 г. в Софии проходила научная сессия, посвященная 25-летию социалистической революции в Болгарии. В работе сессии приняла участие представительная делегация советских ученых. 29 августа 1969 г. в Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась научная сессия Института славяноведения и балканистики АН СССР, которая проводилась при участии Общества советско-болгарской дружбы.

В апреле 1970 г. делегация президиума БАН во главе с президентом А. Балевским приняла участие в юбилейном Общем собрании АН СССР, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Группа советских ученых выезжала в мае 1970 г. в Софию для участия в юбилейной научной сессии, приуроченной к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и 25-летию Высшего механико-электротехнического института им. В. И. Ленина.

Работа всех этих сессий освещалась в советской и болгарской печати, в передачах радио и телевидения.

В 1970 г., как и в предыдущие годы, видные советские ученые выезжали в Болгарию для чтения лекций, консультирования, участия в конференциях и т. д. Среди них вице-президенты АН СССР М. Д. Миллиончиков и А. П. Виноградов, академики Н. М. Жаворонков, Е. М. Жуков, Б. М. Кедров, президент АН Литовской ССР Ю. Ю. Матулис, президент АН Эстонской ССР А. Г. Веймер и др. Многие из них выступали с лекциями и докладами по ленинской тематике. К ленинскому юбилею советскими и болгарскими учеными, а также учеными ряда других социалистических стран были подготовлены совместные труды, сборники, статьи.

Совместные работы, которые проводятся на двусторонней основе, т. е. в работах участвуют только ученые СССР и Болгарии, и на многосторонней основе, когда в работах участвуют кроме советских и болгарских ученые других социалистических стран, с каждым годом приобретают все большее значение. На многосторонней основе разрабатываются крупные проблемы, имеющие важное научно-теоретическое, народнохозяйственное и идеологическое значение и представляющие интерес для нескольких социалистических стран. В работе над такими проблемами обычно принимают участие крупные национальные коллективы ученых и специалистов, работающих как в академиях наук, так и в министерствах и ведомствах.

На IV Международном съезде славистов (Москва, 1958 г.) была принята рекомендация о составлении Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА). Председателем Комиссии ОЛА был избран чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов. В работе принимают участие советские ученые, сотрудники АН СССР, АН УССР, АН БССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР, ряда педагогических институтов РСФСР, БССР, УССР, Молдавской ССР, а также представители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Австрии и Италии. ОЛА является одной из крупнейших работ в области славянского языкознания. Эта работа имеет большое значение для сравнительно-исторического и типологического изучения славянских языков, для исследования их происхождения, развития, типологии, общности и различий.

Совместная работа «Идеологическая борьба в условиях мирного сосуществования двух мировых систем» посвящена исследованию одной из актуальнейших современных проблем. В ее разработке принимают участие историки, философы, экономисты, работники учреждений СССР, Болгарии и др. социалистических стран. В крупных научных мероприятиях, проводимых проблемной комиссией, участвуют также видные деятели международного коммунистического движения, крупные теоретики-марксисты разных стран мира. На состоявшейся в январе 1970 г. в Москве международной теоретической конференции «Возрастание роли ленинизма в современную эпоху и критика антикоммунизма» выступили с докладами кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев — «Ленинизм и идеологическая борьба против антикоммунизма» и секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев — «Борьба против антикоммунизма — важное условие успеха революционных сил современности».

Продолжается работа ученых академий наук социалистических стран над проблемами «История Великой Октябрьской социалистической революции» и «Исследование современного империализма». Советские и болгарские ученые совместно с учеными ряда других европейских социалистических стран ведут работы по проблеме «Исследование европейской безопасности», а также изучают современные политические, экономические и социальные процессы на африканском континенте. При Болгарской ака-

демии наук с 1967 г. функционирует Научно-исследовательский центр по изучению стран Азии и Африки, созданный при консультативной помощи советских ученых. Многосторонний характер имеют также ежегодные совещания директоров институтов философии и социологии, совещания редакторов философских журналов, директоров литературоведческих институтов и институтов государства и права академий европейских социалистических стран, директоров экономических институтов стран — членов СЭВ. На них происходит обмен информацией, согласовываются и координируются планы научных исследований и совместных работ. Совещания способствуют объединению усилий ученых братских стран как в разработке марксистско-ленинской теории, так и в борьбе с разного рода буржуазными концепциями. Советские и болгарские ученые неизменно принимают самое активное участие во всех таких совещаниях.

Некоторые проблемы в области общественных наук разрабатываются советскими и болгарскими учеными также в рамках комиссий Совета Экономической Взаимопомощи: «Научные основы управления и организации промышленного производства», «Общетеоретические и экономические основы развития науки и техники», «Разработка эффективной системы научно-технической информации стран — членов СЭВ на основе методов и средств комплексной механизации и автоматизации процессов обработки, поиска, выдачи и передачи ее на расстояние» и др. По всем этим вопросам наряду с учеными академий ведут работы научные сотрудники многих внеакадемических учреждений. При этом объем их участия определяется степенью собственной заинтересованности, а также авторитетом и активностью руководства национальной части той или иной проблемной комиссии. Активную работу с 1962 г. ведут болгарские ученые по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». За это время в Болгарии изданы десятки научных трудов, книг и сборников, посвященных Октябрьской революции, ее международному значению и ее влиянию в Болгарии. Опубликованы работы, показывающие роль Великой Октябрьской социалистической революции в развитии классовой борьбы и революционного движения в Болгарии, роль Болгарской коммунистической партии в борьбе за идеи Октября, участие болгарских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в России. Издана библиография по истории Октября. Сотни статей по этой проблеме опубликованы в газетах и журналах. В Болгарии проведены многочисленные научные конференции и сессии, посвященные 50-летию Великого Октября.

Широкое сотрудничество между институтами АН СССР и БАН ведется в области общественных наук также на двусторонней основе. Наиболее активно ведется работа по истории, литературоведению, философии. По этим дисциплинам традиционные связи существуют более 20 лет, т. е. со времени реорганизации в 1949 г. БАН и установления между АН СССР и БАН прямых связей. Уместно вспомнить, что одной из первых крупных работ, подготовленных советскими историками при содействии болгарских коллег, была двухтомная «История Болгарии» (М., 1951—1955). Заметное место в творческом содружестве советских и болгарских историков занимает трехтомная публикация документов и материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (М., 1961, 1964, 1967). Трехтомник готовился совместно учеными СССР и Болгарии. В настоящее время ученые обеих стран готовят публикацию документов и материалов «Советско-болгарские отношения в 1917—1970 гг.». Сборник будет издан в СССР и Болгарии.

Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт истории БАН и историки ряда других европейских социалистических стран в течение нескольких лет разрабатывают проблему «История захватнической политики германского империализма в отношении народов Центральной,

Восточной и Юго-Восточной Европы». По проблеме проводятся симпозиумы, материалы которых публикуются затем в сборниках. Первый сборник издан несколько лет тому назад, сейчас завершается работа над вторым томом. Значительная работа проводится советскими и болгарскими учеными по проблеме «Общественно-политические, революционные и культурные связи народов СССР и Болгарии». Тесные связи установились между советскими и болгарскими этнографами и археологами. Как известно, болгарские авторы (21 чел.) подготовили главу «Болгары» для тома «Народы зарубежной Европы», являющегося частью фундаментального издания Института этнографии АН СССР «Народы мира». Работа над томом велась с 1956 по 1964 г. В течение 1971—1975 гг. намечено создание трехтомного труда этнографов ряда социалистических стран по этнографии славян. Предполагается, что болгарские ученые примут участие в подготовке тома «Южные славяне».

С 1961 г. советские и болгарские ученые проводят совместные археологические экспедиционные работы по проблеме «Древняя история Юго-Запада СССР и Балканского полуострова». Экспедиция ведет широкие полевые исследования раннеземледельческих поселений Восточной Болгарии. Эти поселения в силу своих природных условий и близости к передовым культурным центрам Передней Азии сыграли большую роль в распространении на территории европейского континента земледелия и скотоводства. Эти памятники имеют также существенное значение для изучения начального периода земледелия и скотоводства на Европейской части СССР. Надо отметить, что природные условия Восточной Болгарии обусловили существование здесь весьма долговременных поселений, развивавшихся на одном и том же месте тысячелетиями. Наслоившиеся друг на друга остатки поселений составляют культурные слои мощностью до 15 м. Эти слои этап за этапом отражают ход человеческой истории на протяжении нескольких тысячелетий. За пределами Балканского полуострова в Европе столь долговременных поселений данной эпохи нет. Поэтому раннеземледельческие поселения Болгарии могут служить важнейшим стратиграфическим и историко-культурным эталоном для Восточной и Центральной Европы. Статьи по отдельным итогам работ опубликованы в советской и болгарской научной печати, а также в Англии, Австрии и Чехословакии. Материалы исследований докладывались и обсуждались на международных научных конференциях в Софии (1966), Праге (1967 г.), Пловдиве (1969 г.), Нитре (1970 г.).

Научный сотрудник Института этнографии АН СССР Л. Маркова в течение года работала в Институте этнографии БАН. Научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР А. Улупян во время десятимесячной стажировки в Институте истории БАН завершил работу над кандидатской диссертацией «Национально-освободительная борьба болгарского народа в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг.» и успешно защитил ее. За последние годы несколько научных сотрудников институтов Отделения истории АН СССР выезжали на шестимесячные стажировки в БАН.

Как следует из краткого обзора проблематики сотрудничества АН СССР с БАН в области истории, сотрудничество ведется по многим актуальным вопросам, представляющим взаимный интерес. Вместе с тем наблюдается недостаточное внимание к теоретическим и методологическим проблемам исторической науки. По-видимому, этот вопрос заслуживает обсуждения на одном из ближайших заседаний Комиссии историков СССР и Болгарии. Как известно, Комиссия была образована АН СССР и БАН в 1967 г. и провела свое первое заседание в Софии в июне 1968 г. Уже на этом заседании был выработан план наиболее важных совместных мероприятий ис-

ториков СССР и Болгарии на 1968—1970 гг. Можно с удовлетворением констатировать, что этот план в основном выполнен. На заседании Комиссии в мае 1970 г. был разработан и принят план деятельности Комиссии на пятилетие 1971—1975 гг. Очередное заседание Комиссии состоится в Москве. В работе Комиссии участвуют историки СССР и Болгарии, представляющие различные ведомства. Таким образом деятельность Комиссии по своему значению и влиянию выходит за пределы Академий наук. Учитывая положительный опыт ее работы, АН СССР и БАН договорились о том, чтобы она расширила сферу своей деятельности и постепенно превратилась в Комиссию СССР и НРБ по общественным наукам. При ней создаются секции по филологии и философии. Смысл реорганизации Комиссии заключается в том, чтобы усилить координацию работы ученых-обществоведов СССР и Болгарии, повысить эффективность совместных научных работ, сконцентрировать внимание и усилия ученых на важнейших идеологических проблемах.

Исключительно тесные связи поддерживаются уже третье десятилетие между АН СССР и БАН в области философии. Болгарские ученые вместе с советскими учеными принимали участие в подготовке многих фундаментальных трудов, монографий, сборников. Достаточно упомянуть подготовку болгарскими учеными разделов по Болгарии для шеститомной «Истории философии», изданной АН СССР, написание ими главы по Болгарии для сборника «Марксистско-ленинская философия и социология в европейских социалистических странах» (М., 1965). В совместном сборнике ученых социалистических стран «Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки» (М., «Наука», 1970) помещены четыре статьи болгарских авторов. Завершается работа над совместным советско-болгарским трудом «Ленинские принципы исследования истории философии и критики современной буржуазной философии».

В 1967—1968 гг. институты философии АН СССР и БАН провели совместные двусторонние симпозиумы по теории отражения. 27—31 мая 1969 г. в Болгарии состоялся международный симпозиум «Ленинская теория отражения и современная наука», посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в котором участвовали ученые Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Симпозиум фактически подвел итоги работы по созданию совместного советско-болгарского труда «Ленинская теория отражения и современность», который издан в 1969 г. в Болгарии на русском и болгарском языках. В нем разработаны коренные проблемы марксистско-ленинской теории отражения в свете развития и достижений современной науки и общественной практики. Вся работа по подготовке труда была пронизана духом коллективизма и товарищеской взаимопомощи: совместно была составлена программа исследований, на заседаниях в Москве и Софии были обсуждены и отредактированы материалы всех глав. Главы, написанные советскими авторами, редактировались болгарскими философами и наоборот. В состав редколлегии, возглавлявшейся академиком Т. Павловым, входило 4 советских ученых.

Болгарская академия наук регулярно организует научные конференции, симпозиумы, школы по различным проблемам философии. Так, в мае 1970 г. в Варне функционировала летняя школа по теме «Ленинский этап в развитии марксистской философии», в работе которой приняли участие представители СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. Ведущие философы социалистических стран прочли циклы лекций по актуальным вопросам философии, причем на основе лекций проводились широкие дискуссии. Задачей школы являлось обсуждение актуальных теоретических проблем, а также совершенствование молодых философских кадров социалистических стран. В 1971 г. состоялись занятия второй летней

школы в Варне. В дальнейшем эта летняя школа будет работать ежегодно.

В июне 1970 г. в Болгарии был проведен советско-болгарский симпозиум на тему «Предмет и система марксистско-ленинской этики», в работе которого приняли участие 7 советских и 12 болгарских ученых. Достигнута договоренность об участии болгарских ученых в подготовке раздела об эстетической мысли в Болгарии для четырехтомного коллективного труда «История эстетической мысли», который готовится Институтом философии АН СССР. Несколько сборников, касающихся различных философских проблем, готовится совместно учеными СССР, Болгарии и др. социалистических стран.

В конце октября 1969 г. в Москве проходил советско-румыно-болгарский симпозиум на тему «Проблема человека в современной философии». На симпозиуме был дан анализ проблем о месте человека в различных современных философских концепциях, состоялся обмен мнениями по ряду актуальных и еще недостаточно исследованных проблем человека в марксистско-ленинской философии и намечены перспективы дальнейшей совместной работы в этой области. Второй трехсторонний симпозиум философов состоялся осенью 1970 г. в Румынии.

Болгарские авторы принимают участие в написании разделов для таких трудов института философии АН СССР, как «Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазных фальсификаций марксизма-ленинизма», «Проблемы развития и применения социального знания при социализме» и др. Институт философии АН СССР широко использует такую форму сотрудничества, как приглашение болгарских ученых для длительной работы (1—2 года). За последние 5 лет в Институте философии АН СССР работало 8 болгарских ученых, причем часть из них подготовила или защитила кандидатские или докторские диссертации. Так, Л. Кунева подготовила докторскую диссертацию «Этическое и эстетическое», Г. Стойчев — докторскую диссертацию «Религия в сфере общественного сознания», Т. Вылов — монографию «Структура и функция социального объекта», Стефан Васильев докторскую диссертацию «Теория отражения и художественная специфика».

Установилось регулярное сотрудничество также между учеными-юристами АН СССР и БАН. Болгарские ученые явились авторами отдельных разделов таких трудов Института государства и права АН СССР, как «В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве» (М., «Наука», 1969), «Ленинский декрет „О земле“ и современность» (М., «Наука», 1970). В обоих сборниках участвуют также ученые ряда других социалистических стран. Завершена работа ученых братских стран над коллективным трудом «Аппарат управления социалистического государства». Ведется подготовка еще нескольких коллективных трудов. Широкое сотрудничество с болгарскими коллегами проводится учеными-экономистами. При этом со стороны АН СССР в работах участвуют Институт экономики мировой социалистической системы, Институт экономики, Центральный экономико-математический институт, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. Совместно разрабатывается одна из важнейших проблем — о социалистической экономической интеграции. Только в текущем году АН СССР проведены по этой проблеме две научные конференции с участием ученых Болгарии и других социалистических стран на темы «Актуальные проблемы экономической интеграции социалистических стран» и «Правовые основы социалистической экономической интеграции».

В 1970 г. ЦЭМИ АН СССР по просьбе Госплана НРБ оказывал научно-методическую помощь НИИ Госплана НРБ и Институту труда НРБ в раз-

работке системы вариантных расчетов сводных показателей развития народного хозяйства страны. Экономисты АН СССР и Болгарии проводят и другие совместные исследования.

Активно сотрудничают советские и болгарские литературоведы. Разрабатывается такая важная проблема, как «Закономерности развития мировой литературы, взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур». В 1970 г. в издательстве «Наука» вышел труд чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Маркова «Генезис социалистического реализма», посвященный проблемам становления литературы социалистического реализма в Болгарии и других славянских странах и вкладу славянских литератур в мировой литературный процесс. Продолжается совместная работа над подготовкой и изданием памятников древнеболгарской письменности.

Еще в 1965 г. между АН СССР и БАН была достигнута договоренность о публикации в Болгарии подготовленного к печати кандидатом филологических наук Е. И. Деминой уникального памятника болгарского языка XVII в. — «Тихонравовский дамаскин». Редактор издания чл.-корр. К. Мирчев.

Первый том этого труда «Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов» выпущен издательством БАН в 1968 г. Это — фундаментальное филологическое исследование состава и текста «Тихонравовского дамаскина» в сравнении с известными дамаскинами на новоболгарском и церковнославянском языках. Второй том, содержащий палеографическое исследование и его текст, издан в Болгарии в 1970 г. Начата работа над последним третьим томом, который будет содержать словарь новоболгарского народного языка XVII в. Институт русской литературы АН СССР и Институт болгарской литературы БАН завершили труд «Козьма Пресвитер в славянских литературах». Продолжается совместная работа над коллективными трудами «Хроника Константина Манассии» и «Русско-болгарские литературные связи».

Болгарские литературоведы участвовали в 1971 г. в научных конференциях, проводимых АН СССР: по проблемам сравнительного изучения славянских литератур, «Достоевский в современном мире», в конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.

Вопросам дальнейшего развития сотрудничества в области общественных наук руководители АН СССР и БАН придают очень большое значение. В пятилетнем плане (1971—1975 гг.) сотрудничества Академий предусмотрена разработка 33 важнейших проблем, из которых третья часть принадлежит общественным наукам. Наряду с продолжением уже упоминавшихся совместных работ предполагается развернуть работы также по некоторым крупным проблемам, имеющим большое теоретическое, практическое и идеологическое значение, таким как «Проблемы управления социалистическим общественным производством», «Рабочий класс в мировом революционном процессе» и др. В докладе на X съезде Болгарской коммунистической партии 20 апреля 1971 г. Тодор Живков подчеркивал, что БКП активно поддерживает линию усиления социалистической интеграции в области идеологической работы. Приведенные выше примеры сотрудничества ученых-обществоведов АН СССР и БАН являются конкретным выражением претворения этой линии в жизнь.

Кроме пятилетнего плана сотрудничества академии составили на его основе конкретный план совместных работ на 1971—1972 гг., содержащий 15 проблем в области истории, философии, экономики, права, литературоведения, языкознания и др. Значительная часть этих проблем является продолжением разработки ранее начатых совместных исследований, завершением совместных сборников и других трудов.

ЮЗЕФ КОВАЛЬСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ КОММУНИСТЫ В БОРЬБЕ ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ СВОЕЙ СТРАНЫ (1935—1936)

Вопросы борьбы за мир и безопасность родной страны приобрели для польских коммунистов в 1935—1936 гг. новое, особо актуальное значение. Однако характерное для их позиции в эти и последующие годы сочетание патриотизма с последовательным антиимпериализмом и интернационализмом имело глубокие исторические корни. Политике национальной розни, шовинизма и империалистической агрессии они всегда противопоставляли принципы международной солидарности трудящихся, идею борьбы за свержение господства эксплуататоров, за социализм, связывая с ним надежды на прочный мир, свободу и дружбу народов. Польские коммунисты доказали делом верность этим принципам, особенно в 1919—1920 гг. когда вопреки преследованиям и националистическому угару выступили против агрессии польских правящих классов в отношении молодой Советской Республики. Их революционная и интернационалистская позиция означала тогда одновременно защиту подлинных национальных интересов польского народа. Другое дело, что в силу ряда причин польские коммунисты не сумели еще в то время сформулировать и разъяснить свое отношение к вопросу национальной независимости Польши. Это, как известно, было сделано лишь в 1923 г. II съездом КПП, который впервые с ленинских позиций дал анализ польской действительности, указал на роль рабочего класса как выразителя подлинных интересов польского народа, вскрыл теснейшую связь между его революционной борьбой за социализм, его интернационалистской позицией и упрочением государственной независимости Польши.

В последующие годы, в период внутривнутрипартийной борьбы в КПП после V и VI конгрессов Коминтерна, вследствие усиления сектантских тенденций в КПП некоторые важные положения II съезда КПП были на рубеже двадцатых и тридцатых годов подвергнуты необоснованной ультралевоу критике и признаны ошибочными. В эти годы КПП не сумела свою революционную и интернационалистскую политику сочетать с борьбой за демократические требования, с правильным отношением к вопросу о государственной независимости и к национальному самосознанию народа, как этому учил II съезд. И этот съезд и IV конференция КПП (декабрь 1925 г.), подчеркивая идею независимости Польши и считая Верхнюю Силезию и Поморье несомненно польскими землями — несмотря на проживающее там меньшинство немецких пришельцев, — не выдвигали для этих земель лозунг права на самоопределение, этот лозунг относился лишь к Западной Украине и к Западной Белоруссии. Однако на рубеже 20-х и 30-х годов, особенно в период V и VI съездов, КПП — как и другие компартии европейских капиталистических стран с национальными меньшинствами и в соответствии с направленными

против так называемой версальской системы установками Коммунистического Интернационала — выдвинула лозунг самоопределения и для тогдашних западных окраин Польши, что весьма критически оценивалось широкими слоями населения, особенно ввиду усиления германского империализма и его антипольских претензий. Борьба же компартии Польши за демократические требования, а также ее сотрудничеству с КПС и другими прогрессивными антисанационными силами препятствовала распространяемая тогда в КПП — как и во всем международном коммунистическом движении — ошибочная концепция «социал-фашизма» и замазывание различия между фашизмом и буржуазной демократией.

Фашистский переворот в Германии, приход к власти самой оголтелой, разбойничьей группы немецких империалистов, лихорадочное перевооружение Германии и ее подготовка к военной агрессии резко изменили международное положение. В связи с этим мировое и польское коммунистическое движение постепенно стали на путь выработки новой стратегии с целью объединить все демократические и миролюбивые силы для совместной борьбы против фашизма и подготавливаемой им новой мировой войны.

Польские коммунисты с самого начала включились в борьбу против опасных для дела мира происков гитлеровской Германии. КПП резко осудила процесс постепенного сближения диктаторского «санационного» режима с III рейхом, начавшийся с подписания польско-германской декларации о ненападении в январе 1934 г., призывая к расторжению этого пакта¹. КПП предполагала, что вместе с этой декларацией заключено тайное германо-польское соглашение, предусматривающее совместную агрессию обоих государств против Советского Союза². Такие же предположения высказывали представители компартий и демократической общности других стран Европы³. Впоследствии в дипломатических архивах не обнаружено документов, которые содержали бы такое соглашение или взаимные обязательства. Однако с заключением польско-германской декларации о ненападении внешняя политика правительства, представляемая ее руководителем Ю. Беком, фактически все больше находилась в фарватере Берлина, хотя Бек и вся «санационная» пропаганда, ссылаясь на заключение в 1932 г. польско-советского пакта о ненападении, пытались ее изобразить как «независимую» политику «равновесия» между Советским Союзом и Германией. Оказывая политическую и дипломатическую поддержку империалистическим планам III рейха, идя на ряд односторонних уступок под гитлеровским нажимом и одновременно отклоняя все предложения и все возможности дружественного сотрудничества с Советским Союзом, Бек и его коллеги тешились иллюзиями, что взамен Гитлер будет уважать территориальную целостность Польши,

¹ «Precz z antysowieckim paktem wojennym polsko-niemieckim» (Odezwa KC KPP, luty, 1934), AZHP, 158/II c/VII—1934; «KPP w obronie niepodległości Polski», Warszawa, 1953, s. 194—197; «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», t. VI. Warszawa, 1967, s. 197—200.

² «Dokumenty i materiały...», s. 198; A. C z a k o w s k i. Polska na drodze ku wojnie antysowieckiej. «Nowy Przegląd», 1935, № 3, III—IV, s. 247—248; «Burżuazja japońska jawnie i bezczelnie prowokuje wojnę z ZSRR» (Odezwa KC KPP, wrzesień, 1934), AZHP, 158/II c/VII—1934; «KPP w obronie niepodległości Polski...», s. 207.

³ Касаясь германо-польской декларации 1934 г., П. Тольятти в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна отмечал: «Это — тайный пакт и этот возврат к методам тайной дипломатии также является заслугой национал-социализма. Все это означает, что, подписывая этот пакт, польский фашизм примкнул к плану территориальной экспансии Германии на Восток, к преступному плану вторжения в Советскую Украину и ее колонизации (см. Э р к о л п. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М., 1935, стр. 28).

будет считаться с ее интересами в Гданьске и поддержит великодержавные замыслы «санационных» правителей, направленные против Литвы и Чехословакии. Близорукость и пагубность этих расчетов была полностью подтверждена ходом событий, которые доказали историческую обоснованность борьбы КПП за расторжение сотрудничества «санации» с гитлеровцами. Одновременно КПП решительно высказывалась за участие Польши в Восточном пакте («Восточное Локарно»), проект которого, выдвинутый французским министром иностранных дел Ж. Л. Барту, был энергично поддержан Советским Союзом. «Мы требуем, чтобы польское правительство немедленно подписало Восточный пакт, гарантирующий неизбежность западных границ СССР, а также неизбежность границ Польши и балтийских государств»⁴ — говорилось в упомянутом воззвании ЦК КПП от сентября 1934 г. Как известно, проект Восточного пакта был отклонен сначала правительством Германии, а затем «санационным» правительством в сентябре 1934 г.

В 1935—1936 гг. борьба коммунистов и других миролюбивых сил против гитлеровских военных планов вступила в новую фазу, так как немецкие фашисты в это время значительно усилили политическую и военную подготовку к новым захватам. 16 марта 1935 г. они ввели всеобщую воинскую повинность, позволявшую увеличить численность вермахта до 600 тыс. солдат. Германская военная промышленность заработала вовсю. Гитлеровские агенты развернули в соседних с Германией странах подрывную деятельность по подготовке их захвата Германией. «Эта работа проводится в Австрии, Чехословакии, Польше, в Гданьске, в прибалтийских государствах, в датском Шлезвиге, Эльзасе, Люксембурге и даже в Голландии и во Фландрии...»⁵, писал тогда видный публицист и теоретик КПП Ю. Брун. Под давлением этих событий французское правительство заключило 2 мая 1935 г. пакт о взаимопомощи с Советским Союзом, выступавшим последовательным защитником принципа коллективной безопасности. Примеру Франции последовала Чехословакия, заключив с СССР договор о взаимопомощи 16 мая 1935 г.

Разработанная VII конгрессом Коминтерна стратегия единого пролетарского и антифашистского народного фронта создала новые возможности и перспективы объединения усилий коммунистов, социалистов, демократов и других прогрессивных элементов для успешной антифашистской борьбы. Обоснованные в докладах Г. Димитрова и П. Тольятти задачи борьбы за мир в защиту свободы и независимости народов затрагивали вопросы, имевшие жизненное значение для Польши. «Заключая договор с кликами, правящими в Польше, германский национал-социализм ни на одну йоту не отказался от своих антипольских требований, — подчеркнул в своем докладе П. Тольятти, указывая, что гитлеровские хозяева Германии намерены еще раз поставить под вопрос национальную независимость польского народа, еще раз подвергнуть его угрозе насильственного раздела»⁶. Решения конгресса указывали, что в странах, находящихся под угрозой фашистской агрессии, коммунисты должны быть «в первых рядах борьбы за национальную независимость...»⁷.

Генеральный секретарь компартии Польши Ю. Лещинский-Ленский в своем выступлении на VII конгрессе верно передал настроения широких слоев польского народа, заявляя: «Народные массы Польши, перенесшие

⁴ «Burżuazja japońska...».

⁵ J. Brun. Walka dokoła paktu wschodniego. «Nowy Przegląd», 1935, № 4, V. s. 340—341.

⁶ Э р к о л и. Там же, стр. 28—29.

⁷ «Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 42.

иго германской оккупации, знают, что германский империализм — это смертельный враг независимости польского народа»⁸. Предостерегая от пагубных последствий «санационной» внешней политики, он указал, что поддерживаемая польским правительством политика гитлеровской экспансии на восток «... проводилась бы за счет крови польских трудящихся при вассальной зависимости Польши от гитлеровской Германии»⁹. Политике германского империализма Ю. Ленский противопоставил отношение В. И. Ленина и большевистской партии к борьбе польского народа за национальное освобождение, подчеркивая, что «...единственным последовательным сторонником независимости Польши является СССР»¹⁰. Он заявил также, что «коммунисты в своей агитации за народный фронт должны прежде всего выступать против присоединения Верхней Силезии к фашистской Германии и разоблачать демагогию немецких фашистов, обещающих рабочим всякие блага под господством Гитлера»¹¹.

Борьба против политики сговора с гитлеровской Германией стала стержневым элементом платформы антифашистского народного фронта, выдвигаемой польскими коммунистами. В своей декларации, призывавшей к свержению «санационного» режима, серьезно ослабленного массовым бойкотом антидемократических сеймовых выборов в сентябре 1935 г., Центральный комитет КПП заявлял:

«Мы неуклонно боремся против антисоветского военного сговора санационной клики с правительством Гитлера, смертельным врагом независимости народа. Борьба против авантюристской внешней политики санации, за свержение ее господства является сегодня одновременно борьбой в защиту независимости польского народа. Между интересами трудящихся Польши и социалистическим строительством в Советском Союзе нет никаких противоречий. Политика советского государства была всегда политикой мира и борьбы против империалистического ига. Российская революция первая признала независимость польского народа»¹². Эти мысли проводились и в других тогдашних партийных документах, определявших задачи партии по осуществлению новой стратегии и тактики, намеченной VII конгрессом Коминтерна¹³ и особенно в резолюции IV пленума ЦК КПП от 20 февраля 1936 г.¹⁴, а также в изданном этим пленумом «Манифесте»¹⁵. Резолюция IV пленума ЦК КПП предусматривала органическое сочетание борьбы в защиту независимости с борьбой против фашизма, патриотизма с интернационализмом как внутри страны, так и на международной арене.

«... Борясь против военных сделок Бека с Гитлером, — говорилось в резолюции, — наша партия защищает дело мира и национальной независимости, так как авантюристская политика санационной клики обрекает Польшу на вассальную зависимость от гитлеровской Германии; мы ком-

⁸ «Wystąpienia delegacji polskiej w dyskusji nad referatem tow. Dymitrowa. Przemówienia tow. Leńskiego, Bronkowskiego i Henrykowskiego», Warszawa, 1935, s. 19—20.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., s. 20.

¹¹ Ibid., s. 21.

¹² «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski 1935—1938». Warszawa, 1968, s. 51.

¹³ «Do wszystkich OK, KD i komórek, do KC KPZU, KC KPZB i KC KZM w Polsce». Okólnik KC KPP, XI, 1935; «Zadania KPP w świetle uchwał VII Kongresu Międzynarodówki Komunistycznej». Uchwała KC KPP, XI, 1935. Ibid., s. 78—84.

¹⁴ «O konsekwentne przeprowadzenie linii VII Kongresu Międzynarodówki Komunistycznej» (Rezolucja IV Plenum KC KPP, 20 II 1936). Ibid., s. 112—126.

¹⁵ «Do walki przeciw sanacyjnym ciemnościom ludu, zdrajcom narodu, podpalaczom wojennym» (Manifest uchwalony przez IV Plenum KC KPP, 20 II 1936). Ibid., s. 127—137.

мунисты не позволим, чтобы наша страна стала плацдармом и проходным корридормом для гитлеровских генералов, стремящихся поработить как наш народ, так и народы Советского Союза»¹⁶.

Внешняя политика правительства, политика сотрудничества с гитлеровской Германией, отрицательно оценивалась и другими оппозиционными партиями, прежде всего ППС и СЛ (Стронництво людове). Так, состоявшийся в декабре 1935 г. конгресс СЛ резко осудил внешнюю политику правительства, проводимую Ю. Беком, как политику односторонних уступок притязаниям Берлина, требуя сближения с Францией и Чехословакией и добрососедских отношений с Советским Союзом¹⁷. Еще резче критиковала прогитлеровскую политику Бека ППС, которая высказывалась также против антисоветских планов германских фашистов и авантюристских предложений некоторых польских реакционеров типа В. Студницкого, С. Мацкевича или князя Сапеги, открыто ратовавших за совместный с Гитлером «поход на Восток»¹⁸. Не только коммунисты, но также ППС и СЛ осудили агрессию фашистской Италии на Абиссинию. Однако в отличие от коммунистов, выступавших за массовую антифашистскую борьбу с целью свержения «санационной» диктатуры и искоренения таким образом ее пагубной для Польши прогитлеровской политики, большинство руководителей ППС и СЛ, хотя и не мирились с «санационным» режимом, но и не речались вступить на путь массовой революционной антифашистской борьбы. Они систематически отклоняли предложения компартии Польши образовать вместе с ней единый рабочий и антифашистский народный фронт, создать таким образом могучий рычаг, способный свергнуть «санационное» господство и привести к коренному изменению внутренней и внешней политики Польши. Лишь левые, радикальные элементы ППС и людовцев — особенно из среды социалистической молодежи ОМТУР и Союза крестьянской молодежи «Вици» — активно поддерживали идею народного фронта. СЛ и ППС видели путь упрочения безопасности Польши прежде всего в ее переходе к сотрудничеству с западными, буржуазно-демократическими государствами, особенно с Францией, в то время как коммунисты и находящиеся под их влиянием революционно настроенные рабочие и крестьяне главный оплот мира в борьбе против гитлеровского и любого империализма видели в Советском Союзе.

Лозунги борьбы против прогитлеровской внешней политики правительства в защиту национальной независимости, за коллективную безопасность и сотрудничество с СССР раздавались во всех массовых кампаниях, проводимых коммунистами — неоднократно с участием левых пепезовцев и радикальных людовцев — во второй половине 1935 и в 1936 гг. Так было во время массовых выступлений и политических забастовок против реакционного избирательного закона и «санационной» конституции летом 1935 г.¹⁹, в акции массового бойкота парламентских выборов в сентябре того же года²⁰, в период выступлений против фашистской агрессии на Абиссинию²¹, в массовой кампании в пользу амнистии для по-

¹⁶ Ibid., s. 119.

¹⁷ «Materiały źródłowe do historii ruchu ludowego 1931—1939», t. III. Warszawa, 1966, s. 245.

¹⁸ См. j m b. Faszyzm to wojna. «Robotnik», 1935, № 259, 22 VIII; M. N i e d z i a ł k o w s k i. Polityka p. Becka. Różnice zasadnicze. Ibid., № 291, 20 IX; K. C z a p i ń s k i. Na wschód. Ibid., № 203, 7 VII; e g o ж е. Szkodliwe brednie. Ibid., № 24, 22 I 1936; j m b. Hitler a Sowiety. Ibid., № 94, 22 III 1936 и др.

¹⁹ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 32—35; «List Sekretariatu Krajowego KC KPP do Biura Politycznego KC KPP z 14 VI 1935» (далее SK do BPKC KPP). AZHP, 158/V—3/44; «Sprawozdanie z pertraktacji z OKR PPS». Ibid. 878/5/k. 61—62.

²⁰ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 41—44.

²¹ Варшавские комсомольцы вместе с членами социалистической молодежной организации ОМТУР в начале сентября 1935 г. устроили несколько бурных уличных

литических заключенных на рубеже 1935 и 1936 гг.²². Идеей борьбы с фашизмом и войной была проникнута опубликованная в октябре 1935 г. декларация революционных и левых демократических писателей, ставших на платформу антифашистского народного фронта²³. Лозунги борьбы с гитлеровским империализмом и соглашательской политикой правительства, за укрепление безопасности Польши и сотрудничество с СССР раздавались на рабочих митингах, массовках и демонстрациях во время крупнейшей забастовки лодзинских текстильщиков в марте 1936 г.²⁴, охватившей около 130 тыс. рабочих, на едиnofронтных конференциях и рабочих собраниях в связи со всеобщей забастовкой в Кракове 23 марта 1936 г.²⁵, в выступлениях коммунистов и заявлениях КПП по поводу кровавой полицейской расправы над рабочими Львова в апреле этого же года²⁶. Мощные едиnofронтные первомайские демонстрации 1936 г., особенно в Варшаве, Лодзи, Домбровском угольном бассейне, в Верхней Силезии, Кракове, Львове, в Люблинском воеводстве, проходили под знаком протеста против прогитлеровской политики правительства Костялковского—Бека, солидарности с мирной политикой СССР. Демонстранты требовали заключения пакта о взаимопомощи с Советским Союзом, Францией и Чехословакией в интересах защиты независимости Польши²⁷. Созванный по инициативе коммунистов Антифашистский конгресс работников культуры (Львов, 16—17 V 1936 г.) с участием В. Броневского, В. Василевской, Л. Кручковского и многих других прогрессивных деятелей культуры отмечал в своей резолюции, что в момент, «когда главный фашистский вдохновитель новой империалистической резни в безумной гонке вооружений стремится к завоеванию независимых народов, угрожая также независимости польского народа, в момент, когда хищнический японский империализм совместно с немецким фашизмом и фашизмом других стран... посягает на свободу СССР ..., собравшиеся констатируют, что борьба против империалистической войны за мир является первой обязанностью всех прогрессивных работников культуры»²⁸.

В марте 1936 г. гитлеровская Германия, разорвав Локарнские соглашения, ввела свои войска в Рейнскую область, не встречая отпора со стороны западных держав. Гитлеровские агенты усилили свою подрывную работу в Австрии, Чехословакии, Польше, о чем, в частности, свидетельствовал судебный процесс над 119 активистами подпольной гитлеровской организации в июне 1936 г. в Катовицах, готовившей вооруженное вы-

---

демонстраций против фашистских агрессоров, в том числе перед итальянским посольством в Варшаве. Среди арестованных полицией демонстрантов был секретарь ЦК ОМГУР, левый деятель ППС С. Дюбуа (см. «*Towarzysz*», 1935, IX—X, s. 6; «*Ilustrowany Kurier Codzienny*», № 254, 13 IX 1935, s. 14).

²² Характеризуя настроения участников пятитысячного митинга трудящихся Львова (14 XII 1935 г.), на котором наряду с резолюцией, требующей амнистии для политзаключенных, была также принята резолюция, одобряющая антиимпериалистическую и антигитлеровскую политику СССР, выступивший на митинге М. Нашковский отмечал в своих воспоминаниях: «Каждое горячее слово ораторов действовало буквально как взрыв в напряженной до предела обстановке, заглушалось возгласами. Чувствовалось, что эта энергия масс долго накопчилась» (см. *M. N a s z k o w s k i. Niespokojne dni. Wspomnienia z at trzydziestych. Warszawa, 1958, s. 77—78.*

²³ «*Lewar*», № 12, 11 X 1935.

²⁴ «*Z pola walki*», 1936, № 1, X, s. 36, 41.

²⁵ *Ibid.*, s. 64.

²⁶ «*Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...*», s. 160—163.

²⁷ SK do BPKS KPP. 15 V 1936. AZHP 158/V-3, t. 53; «*Czerwony Sztandar*», 1936, № 4, V; AMSW, Komunikat informacyjny Komisarjatu Rzadu, № 62, 2 V 1936.

²⁸ «Антифашистский конгресс работников культуры во Львове в 1936 г. Документы и материалы». Под ред. П. С. Козлянюка. Львов, 1956, стр. 42, 44.

ступление с целью оторвать Верхнюю Силезию от Польши и присоединить ее к III рейху²⁹. Однако, хотя властям пришлось арестовать и судить гитлеровских террористов, внешняя политика правительства по отношению к гитлеровской Германии осталась прежней. В мае 1936 г. правительство З. Костялковского было заменено правительством генерала Ф. Складковского, причем руководителем внешней политики Польши остался и в дальнейшем полковник Ю. Бек. Соглашательский, прогитлеровский характер этой политики проявился в попустительском отношении правительства к гитлеровским провокациям в Гданьске. Уже в 1935 г. польские коммунисты указывали на захватнические планы гитлеровской Германии в отношении Гданьска и Поморья. Овладев сенатом Гданьска, гитлеровцы подавили демократическую оппозицию, фактически упразднили конституцию «вольного города», потребовали пересмотра международного статуса Гданьска, что в июне 1936 г. сопровождалось рядом кровавых нападений на поляков, проживающих в Гданьске. На события в Гданьске ЦК КПП ответил декларацией «Против захвата Гданьска гитлеровскими бандами» от июля 1936 г., в которой говорилось: «Гитлер окружает Польшу. Гитлеровский переворот в Гданьске — это возвешение разделов Польши, это непосредственная угроза независимости нашего народа... Мы, польские коммунисты, поднимаем свой голос против гитлеровского переворота в Гданьске... Вон гитлеровских сатрапов из Гданьска! Требуем немедленной отставки гданьского сената и проведения новых выборов в Гданьске!»³⁰.

В своей декларации ЦК КПП одновременно заклеил позицию «санации», в особенности полуофициальное сообщение МИД от 9 VII 1936 г., из которого вытекало, что правительство не намерено вмешиваться во «внутренние дела Гданьска»³¹.

Конечно, «санационная» верхушка отдавала себе отчет в том, что общественное мнение очень обеспокоено растущим могуществом и усиливающимся натиском гитлеровской Германии, но она не решалась порвать с прогитлеровской политикой. Генерал Рыдз-Смиглы на съезде Союза легионеров выдвинул лозунг «защиты Польши», но понимал его прежде всего как призыв к польской общественности сплотиться вокруг правительства, поддержать его внутреннюю и внешнюю политику. Народные массы уже требовали отставки «санационного» правительства, демократизации внутренней и внешней политики государства как основного условия эффективной защиты независимости. Об этом свидетельствовала резолюция 150 тыс. крестьян, собравшихся на манифестацию в деревне Новосельце 29 VI 1936 г., врученная Рыдз-Смиглы.

Касаясь призыва Рыдза-Смиглы «к защите Польши», ЦК КПП заявлял: «...защитить независимость Польши сможет только правительство, пользующееся доверием трудового народа. Только нация, сорвавшая кандалы фашистской диктатуры, сумеет найти в себе необходимую силу для защиты независимости»³².

ЦК КПП призывал в своей декларации к созданию народного фронта по примеру демократических сил Франции, к борьбе за свержение пра-

²⁹ Центральный орган КПП писал в связи с этим процессом: «Война за Силезию это лишь фрагмент антипольских планов Гитлера. Окончательная цель — это захват даже таких земель, где нет совсем немецкого населения, это превращение нижней расы — поляков в рабов гитлеризма, а Польши — в немецкую колонию» («Czerwony Sztandar», 1936, № 6—7, VII, s. 7).

³⁰ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 173—174.

³¹ «Polska Informacja Polityczna», 9 VII 1936; Ю. Бек и «санационное» правительство не пожелали присоединиться к акции Лиги Наций и в особенности ее члена — СССР, в защиту гданьской конституции, несмотря на предложение М. Литвинова. «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich...», s. 353—354.

³² «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 175.

вительства Складковского—Бека, к заключению пакта о взаимопомощи с СССР, Францией и Чехословакией.

Не желая осложнять отношения с Берлином, правительство не решилось открыто призвать массы к выступлениям против гитлеровских провокаций в Гданьске. Оно рассчитывало, что подготовленные в связи с событиями в Гданьске выступления контролируемой им Лиги морской и колониальной будут достаточно «тактичными» по отношению к гитлеровской Германии и, конечно, лояльными по отношению к «санационному» режиму. Но получилось по-другому. Коммунисты включились в эти собрания и манифестации, превратив их — особенно в Варшаве — в бурные уличные демонстрации, направленные не только против гитлеровских империалистов, но и против пагубной внешней политики Ю. Бека, против всего «санационного» режима, требуя активной защиты страны, сотрудничества Польши с СССР и другими миролюбивыми странами. В Варшаве и некоторых других местах эти патриотические манифестации властям пришлось разгонять при помощи полиции³³.

Польские коммунисты, революционные рабочие и крестьяне не отделяли своей борьбы в защиту мира и независимости от антифашистской борьбы трудящихся других стран. Когда испанский народ поднялся летом 1936 г. на борьбу в защиту республики, КПИ сразу же обратилась с призывом к польским трудящимся поддержать республиканскую Испанию, указывая, что за мятежными генералами стоят фашистские диктаторы Муссолини и смертельный враг Польши Гитлер³⁴. Здесь нет надобности описывать общеизвестную роль польских добровольцев в Испании во главе с генералом «Вальтером» — К. Сверчевским, а также кампанию солидарности польских трудящихся с республиканской Испанией — эти вопросы основательно освещены в польской историографии. Важно лишь подчеркнуть, что польские коммунисты понимали, что победа испанской контрреволюции или — как писал Ю. Брун — «фашистская база в Испании и окружение Франции окончательно развязало бы руки гитлеровскому империализму для захватнической войны на востоке Европы»³⁵, а это означало бы «новый раздел Польши».

Самой широкой кампанией 1936 г. в Польше, направленной против фашистских военных поджигателей за коллективную безопасность, в защиту независимости, на которой мы хотели бы здесь более подробно остановиться, была кампания по созыву Всемирного конгресса мира. Организатором этого конгресса (состоявшегося 3—6 IX 1936 г. в Брюсселе) был Инициативный комитет, в который входили представители 27 стран. Воззвание этого комитета, подписанное М. Капеном, Н. Шверником, лордом Сесилем и другими выдающимися деятелями, было встречено с одобрением радикальной демократической общественностью Польши. Статья журнала «Коммунистический Интернационал» под названием «Всемирный конгресс мира и рабочий класс» была перепечатана в издаваемом во Франции легальном органе ЦК КПП «Вядомости»³⁶

³³ Касаясь этой акции, Краевой секретариат ЦК КПП писал: «Мы должны на фабриках, в профсоюзах и т. д. взять на себя инициативу борьбы против агрессии гитлеризма. Смело выступать как вожди масс в борьбе за мир и в защиту независимости. Митинги и шествия, организуемые Лигой Морской, мы должны использовать как легальную форму для широких народнофронтовых выступлений под нашими лозунгами». Краевой секретариат ЦК КПП подчеркивал: «Наши лозунги определили характер манифестации... Варшавские рабочие и народные массы свели на нет планы Лиги Морской и санационно-эндековское выступление превратили в мощную демонстрацию, направленную против союза Гитлер — Бек. После демонстрации последовала атака полиции». SK do BPKC KPP, 27 VII 1936. AZHP, 158/V—3, t. 54.

³⁴ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 180.

³⁵ «Przegląd», 1936, № 1, IX, s. 23.

³⁶ «Wiadomości», № 3, 25 VI 1936.

и в его нелегальном органе в Польше «Червоны штандар»³⁷. Текст воззвания Инициативного Комитета по созыву конгресса удалось даже опубликовать в органе умеренно-либерального крыла правонационалистической партии Стронництво народове — газете «Курьер варшавский».

Организатором и руководителем кампании по созыву конгресса мира была КПП, с которой сотрудничали левые демократические силы³⁸. По инициативе Краевого секретариата КПП и ЦК МОПР в Польше редакции ряда революционных и левых журналов («Облице дня», «Фронт молодых», «Глос вспулчесны», «Левар», «Угорь», «Хлопске ютро», «Горизонты», «Вельтиберблик») выступили с совместной декларацией, в которой подчеркивалась необходимость объединения писателей, артистов, ученых, прогрессивных общественных деятелей и духовных лиц, широких масс трудящихся для борьбы за независимость страны, неразрывно связанной с делом защиты мира. Авторы декларации заявляли, что «с радостью приветствуют инициативу созыва Всемирного конгресса мира, который должен стать мощной демонстрацией всех сил мира, объявляющих войну войне»³⁹. Декларация призывала к проведению в Польше всеобщего плебисцита мира.

ЦК КПП стремился придать кампании самый широкий характер. В его циркуляре от июля 1936 г. говорилось: «Надо себе отдать отчет в том, что в кампанию в связи с Конгрессом мы должны вовлечь не только те силы, которые мы охватили [акцией] за единый и народный фронт, но проникнуть глубоко в те польские и непольские буржуазные слои, которые по чисто пацифистским мотивам не хотят войны»⁴⁰. При демократической организации — Лиге защиты прав человека и гражданина, председателем правления которой являлся левый деятель ППС, писатель А. Струг, был образован краевой Инициативный комитет мира во главе с заместителем председателя Лиги — Барциковским, выдающимся юристом и левым демократическим деятелем. В состав комитета вошли также два других левых деятеля ППС — писательница В. Василевская, связанная уже тогда с коммунистическим движением, и профессор З. Шимановский; известный деятель КПП, выступавший защитником на судебных процессах коммунистов Т. Дурач и революционный писатель Л. Кручковский; выдающиеся деятели СЛ — С. Тугутт и И. Космовская⁴¹. Деятели ППС и СЛ приняли участие в этом комитете по собственной инициативе⁴², а не как представители своих партий. Краевой секретариат ЦК КПП советовал расширить этот комитет и привлечь к участию в его работе представителей творческой интеллигенции, профсоюзов, женских организаций, Союза бывших силезских повстанцев, пацифистов и т. д. КПП стремилась к тому, чтобы в кампании приняли участие ППС и СЛ, христианские демократы, прогрессивные представители духовенства и т. д.⁴³ и чтобы она таким образом стала одним из рычагов образования широкого антифашистского фронта.

«Санационное» правительство, в особенности министерство иностранных дел, считаясь с популярностью идеи Всемирного конгресса мира и опасаясь антифашистского направления, которое придали бы левые силы этой кампании, старалось заблаговременно перехватить инициативу. Как явствует из материалов КПП, именно по инспирации прави-

³⁷ «Czerwony Sztandar», 1936, № 6—7, VII.

³⁸ SK do BPKS KPP 22 VI 1936. AZHP, 158/V—3, t. 53.

³⁹ «Oblicze Dnia», № 10, 18 VI 1936.

⁴⁰ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 181.

⁴¹ «Кампания конгресса мира в Польше». AZHP, 151/VIII—1, t. 68.

⁴² SK do BPKS KPP 22 VI 1936. AZHP, 158/V—3, t. 53.

⁴³ Ibid.

тельствующих кругов был на базе Федерации польских обществ друзей Лиги Наций образован официальный Комитет мира⁴⁴. Характер этого комитета был не для всех ясен, так как его председателем стал Я. Дембский, правый деятель оппозиционного СЛ, а в его состав вошел позже даже исполняющий обязанности председателя СЛ — М. Ратай⁴⁵. Заправлял же делами этого Комитета бывший деятель крестьянской партии «Вызволена» — адвокат Лыпацевич⁴⁶, связанный с пилсудчиками. Официальный Комитет мира, который не развивал никакой массовой деятельности, пытался на международной арене выступать как выразитель миролюбивых сил польской общественности. Когда в Польшу прибыли деятели парижского оргбюро по созыву конгресса мира Юнг и Додд, представители официального Комитета мира сразу же вступили с ними в контакт⁴⁷, стараясь обеспечить за собой монополию отправки на конгресс угодных правительству делегатов. Часть активистов КПП и левых организаторов кампании по созыву конгресса считала, что нужно сразу же разоблачить официальный Комитет и его истинных вдохновителей. Однако Краевой секретариат ЦК КПП, учитывая большие возможности официального Комитета (в особенности легальную отpravку делегатов на Всемирный конгресс), а также его контакты и связи не только с пилсудчиковской интеллигенцией, но и с частью оппозиционных кругов, предлагал попытаться объединить Комитет при Лиге с официальным Комитетом и таким образом отделить его членов и актив от прavitельственных кругов. Непременным условием ставилось при этом публичное присоединение официального Комитета к антифашистской платформе Всемирного конгресса⁴⁸. Это предложение было поддержано находящимся в это время в Польше представителем парижского оргбюро У. Доддом, который выдвинул его на конференции в Варшаве с участием представителя официального Комитета Лыпацевича и представителей Комитета при Лиге — В. Барциковского, известного прогрессивного социолога профессора С. Чарновского и коммуниста математика профессора А. Райхмана, а также представителей польской и иностранной прессы. Однако это предложение, как и предложение созвать конгресс сторонников мира в самой Польше, было отклонено Лыпацевичем, признавшим лишь целесообразность контактов с массовыми организациями⁴⁹.

Одновременно местные организации КПП и Комитета мира при Лиге защиты прав развернули массовую кампанию по всей стране. Она была с самого начала встречена репрессиями со стороны «санационных» властей, которые производили также давление на руководящие круги ППС и СЛ, дабы помешать их присоединению к Комитету мира при Лиге. Предложения КПП руководителям ППС и СЛ о совместных действиях были этими партиями отклонены. Член ЦИК ППС и главный редактор газеты «Роботник» М. Недзьялковский, который первоначально опубликовал в «Роботнике» одно из воззваний Комитета мира при Лиге и дал согласие войти в его состав, взял обратно свое согласие и больше материалов этого Комитета не публиковал. Более того, ЦИК ППС разослал своим организациям циркуляр, частично опубликованный в газете «Роботник», в котором отказался от участия в брюссельском конгрессе, ссылаясь на то, что он будто бы созывается «безответственными группами

⁴⁴ «Kampania światowego ruchu pokoju w Polsce». AZHP, 151/VII—1, t. 68.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Informacja SK KC KPP z 18—19 VIII 1936. AZHP, 158/V—3, t. 54.

⁴⁸ SK do BPKS KPP 14 VII 1936. AZHP, 158/V—3, t. 53.

⁴⁹ «Конференция печати о Всемирном конгрессе мира». AZHP, 151/VII—1, t. 68.

и лицами», что рабочий класс «ведет самостоятельную борьбу за мир»⁵⁰, и запретил активу и членам ППС участвовать в кампании по созыву конгресса⁵¹. Краевой секретариат ЦК КПП предполагал, что такую позицию руководства ППС и СЛ заняли под непосредственным нажимом «санационных» властей⁵². Однако она объяснялась не только этим. Уже в марте 1936 г. ЦИК СЛ решительно отклонил предложения ЦК КПП о сотрудничестве обеих партий и запретил своим местным организациям вести какие-либо переговоры с коммунистами⁵³. Еще раньше это было сделано ЦИК ППС и подтверждено решением Главного совета ППС от 8 мая 1936 г. Причина этого не только в принципиальных идеологических расхождениях между КПП и ППС. После антифашистских революционных рабочих выступлений в Кракове и Львове весной 1936 г. и кровавых полицейских расправ над ними руководители ППС решительно отклоняли любые предложения коммунистов об обострении борьбы против «санационного» режима, опасаясь, что этим воспользуется группа так называемых полковников, чтобы вернуться к власти и усилить политическую реакцию. Руководители ППС считали, очевидно, обогрешное кровью рабочих правительство Костялковского и даже пришедшее ему на смену более правое правительство генерала Складковского все же «меньшим злом», чем правительство „полковников“. Обострению отношений между ППС и КПП способствовало и то, что наряду с ложными обвинениями против трагически погибших преданных деятелей КПП Е. Сохацкого и Т. Жарского были также выдвинуты обвинения против члена ЦИК ППС З. Зарембы. Тем не менее удалось развернуть широкую кампанию в связи с конгрессом.

По инициативе Комитета Лиги и ее местных отделений, а также организаций КПП состоялись 42 массовые конференции, посвященные конгрессу. В некоторых из них (например, в Кракове, Львове, Сосновце) принял участие У. Додд вместе с представителем Комитета Лиги, коммунистом, кинорежиссером А. Волицей. В Кракове в организации конференции участвовал левый деятель ППС Б. Дробнер, который вместе с писателями Л. Кручковским, Л. Пивоваром, проф. О. Буйвидом, художником Г. Готлибом вошли в состав местного Комитета мира⁵⁴. Там же 22 мая 1936 г. состоялась конференция местных художников и литераторов, которая приняла резолюцию солидарности с платформой конгресса⁵⁵. Во Львове к созыву конференции положительно отнеслись левые деятели ППС во главе с Я. Щиреком⁵⁶. В конференции приняло участие 100 делегатов, представлявших местные профсоюзы, КПЗУ, левое крыло ППС, УСДП, УСРП, «Бунд», присутствовал также христианский демократ ксендз Щигельский, представители местных художников и писателей. Конференция поддержала платформу конгресса⁵⁷. Затем состоялась конференция в Катовицах с участием представителей важнейших предприятий Верхней Силезии⁵⁸. В Сосновце конференция, проходившая 9 VIII 1936 г. и представлявшая 3000 рабочих Домбровского угольного бассейна, выразила свою солидарность с платформой конгресса и избрала 11 делегатов на конгресс, в том числе 9 шахтеров и доменщиков и связанную

⁵⁰ «Кампания конгресса мира в Подлье». Ibid.

⁵¹ «Sprawozdanie z akcji pokojowej». Ibid.

⁵² SK do BPKC KPP 14 VII 1936, AZHP, 158/V—3, t. 53.

⁵³ «Materiały źródłowe do historii ruchu ludowego...», t. 3. s. 262—263.

⁵⁴ «Sprawozdanie z akcji pokojowej». Ibid.

⁵⁵ SK do BPKC KPP 14 VII 1936, AZHP, 158/VII—3, t. 53.

⁵⁶ «Sprawozdanie z akcji pokojowej». AZHP, Ibid.

⁵⁷ SK do BPKC KPP 14 VII, 17 VIII 1936, AZHP, 158/V—3, t. 53, 54.

⁵⁸ Ibid., 151/VII—4, t. 68.

с кругами левых пилсудчиков, инспектора труда — И. Крагельскую⁵⁹. Особенно массовой была конференция в текстильном центре Тешинской Силезии г. Бельско-Бяла, в которой участвовало 350 делегатов, представлявших 10 тыс. рабочих⁶⁰. В Кельцах наряду с коммунистами в конференции участвовали представители Окружного комитета ППС, Окружного совета профсоюзов, ОМТУР, левопилсудчиковского Легиона молодых, Польского национального костела, находящегося в оппозиции к официальному римско-католическому костелу⁶¹. На конференции в Люблине 70 делегатов представляли 22 общественные организации, в том числе Окружной совет профсоюзов и отдельные местные профсоюзы, КПП, ППС, ОМТУР, Легион молодых, Союз польской демократической молодежи, Лигу защиты прав, Союз еврейских кустарей и др.⁶². В создании Комитета солидарности со Всемирным конгрессом в Вильне активнейшее участие приняла группа коммунистов-интеллектуалистов, руководимых Г. Дембинским. В состав этого комитета вошли проф. богословских наук Виленского университета ксендз Г. Хлебович, председатель Общества теозофов Мираль, известная деятельница ППС Е. Врублевская, адвокат И. Загурский, литератор Е. Орда, председатель местного Союза польского харцерства В. Корабиевич и др. Среди подписавших декларации солидарности с конгрессом наряду с деятелями ППС, СЛ, «Бунда», классовых, христианских и пилсудчиковских профсоюзов (ЗЗЗ) были представители католического, православного, еврейского и мусульманского духовенства г. Вильно⁶³.

Кампания охватила всю страну — от Познаньского и Катовицкого воеводств на западе до Полесья и Волыни на востоке. Возникло 32 местных комитета мира⁶⁴. По некоторым подсчетам рабочие составляли около 75% участников кампании⁶⁵. За участие в конгрессе и борьбу за осуществление его платформы высказались горняки силезских шахт «Вавель», «Покуй», «Эминенция», «Флорентина» и др., домбровских шахт «Иовиш», «Сатурн», «Челядзь», «Казимеж» и др., варшавские трамвайщики и рабочие других профессий, общегородская конференция делегатов текстильных фабрик Лодзи, металлисты и деревообделочники Кракова и рабочие других городов⁶⁶.

Вопреки запрету ЦИК ППС в конференциях, собраниях и созданных на них комитетах мира участвовало 5 окружкомов ППС — в Люблине, в Кельцах, в Тешинской Силезии, Кросно и Гродно, а также левые деятели ППС в Кракове и особенно во Львове. Кроме того, в кампании мира участвовали многие райкомы ППС, а также 14 местных отделений ОМТУР⁶⁷.

Точно так же вопреки установке Исполкома Центральной комиссии профсоюзов активное участие в антифашистской кампании мира приняли 6 окружных советов профсоюзов (в Люблине, Кельцах, Бельско-Бялой, Станиславове, Стрые и Гродно), общекраевая конференция профсоюза работников коммунального хозяйства, ряд других профсоюзных конференций и 104 местных организации классовых профсоюзов⁶⁸.

⁵⁹ SK do ВРКС КРР 14 VII 1936. AZHP, 158/VII—3, t. 53.

⁶⁰ «Кампания конгресса мира в Подлье». Ibid.

⁶¹ SK do ВРКС КРР 28 VII 1936. AZHP, 158/V—3, t. 54.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid., 17 VIII 1936. AZHP, 158/VII—3, t. 54; «Komuniści. Wspomnienia o Komunistycznej Partii Polski». Warszawa, 1969, s. 508.

⁶⁴ AZHP, 151/VII—1, t. 68.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ AZHP, 158/V—3, t. 53, 54, 55.

⁶⁷ AZHP, 158/V—3, t. 55.

⁶⁸ Ibid.

Вследствие репрессий властей организаторам кампании очень трудно было устраивать легальные митинги и собрания. Тем не менее удалось провести 142 публичных митинга и собрания, в которых по далеко не полным данным участвовало 64 тыс. человек, в том числе 3 митинга в Лодзи (12 000 чел.), 4 митинга в Домбровском бассейне (4000 чел.), 3 митинга во Львове (2000 чел.) и т. д.⁶⁹

Знаменательно, что в то время как руководство пилсудчиковских профсоюзов (ЗЗЗ) присоединилось к официальному Комитету мира (Я. Дембского), 4 окружных совета этих профсоюзов (в Вильне, Гродно, Барановичах и Лиде) заявили о своей солидарности с антифашистской кампанией мира, проводимой Комитетом при Лиге защиты прав⁷⁰.

Кампания по созыву конгресса мира была развернута коммунистами при участии активистов СЛ и «Вици» также среди крестьян. Вопреки установкам руководящих органов о своей солидарности с платформой Всемирного конгресса мира заявило 77 местных организаций СЛ, 83 местных организаций «Вици», 4 отдела профсоюза малоземельных крестьян, а также ряд местных групп «санационной» крестьянской молодежи организации «Сев». Резолюции, направленные против гитлеровской Германии, политики Бека в защиту независимости, выражающие солидарность с платформой конгресса мира, были приняты митингами 3000 крестьян в Кленове и 3000 крестьян в Бельске (оба Плоцкого повята), 2000 крестьян в Кросно, 2000 крестьян в Жешуве, 1000 крестьян в Велюне и др.⁷¹

Значительным было в этой кампании участие творческой интеллигенции Варшавы, Кракова, Львова. В Вильне заявление о солидарности с конгрессом мира подписало 147 прогрессивных учителей, адвокатов, врачей, журналистов, научных работников и общественных деятелей. В Лодзи о своей солидарности с антифашистской платформой конгресса заявили 73 врача⁷².

Активное участие в кампании приняли трудящиеся всех национальностей. Они подымали свой голос против планов гитлеровского империализма в защиту независимости Польши, требовали сотрудничества с СССР и другими государствами, заинтересованными в построении системы коллективной безопасности, осуждали политику «санационного» правительства, высказывались за объединение антифашистских сил страны.

Вот голос жителей рабочего поселка в Домбровском бассейне: «Собравшиеся 2 VIII 1936 г. жители Стшемещиц Малых в количестве 160 человек выражают самый острый протест против международного фашизма, который готовит новую войну, и постановляют протестовать до тех пор, пока польское правительство не порвет отношений с Гитлером и не заключит договор с Советским Союзом, Францией и Чехословакией»⁷³.

А вот отрывок более пространной резолюции, принятой рабочими г. Сувалки на собраниях профсоюзов, местного совета профсоюзов, местной организации ППС и ОМТУР, в которой говорилось: «Единственный путь предотвращения империалистической войны — это мирное сотрудничество демократических государств и исключение из международного содружества фашистских государств. Поэтому пролетариат г. Сувалки со всей решимостью клеймит прогитлеровскую политику господина министра Бека и стремления определенных санационных кругов вовлечь Польшу в орбиту фашистских государств и в войну против СССР. Соб-

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ SK do ВРКС КРР 17, 19, 25 VIII 1936. AZHP, 158/V—3, t. 54, 55.

⁷² «Кампания конгресса мира в Польше». Ibid.

⁷³ AZHP, 151/VII—1, t. 68.

равшиеся заявляют, что продолжение такой политики принесет Польше гибель и новые разделы. Рабочий класс г. Сувалки будет до конца защищать границы Республики, однако помня свою столетнюю неволю, не пойдет завоевывать чужие земли и не будет угнетать другие народы. Ввиду грозного положения пролетариат г. Сувалки с радостью приветствует Конгресс мира и заявляет о своей с ним солидарности»⁷⁴.

Эти же самые мысли с искренней прямотой высказывали крестьяне из деревни Лузе Вильча Липновского поята: «Мы, крестьяне, объявляем свою думку, что войны не хотим, а только хотим мира и дружбы с государствами, желающими мира, с Францией, Чехами и Советами»⁷⁵.

А общее собрание крестьян — членов СЛ и «Вици» в деревне Ситно, поята Замость (200 чел.), состоявшееся 26 VIII 1936 г., заявило: «Еще не кончились убийства в Абиссинии, еще идут упорные бои в Испании, когда на фоне этих подготовительных маневров фашизм во главе с Гитлером и Муссолини готовит новую мировую резню. Война поглощает детей крестьян и рабочих, не давая им ничего взамен, оставляя разруху и слезы отцов и матерей. Мы хотим мира и будем за него бороться честно и непоколебимо, зная, что борьба за мир — это одновременно борьба против фашизма...»⁷⁶.

В Инициативный комитет мира при Лиге защиты прав поступали аналогичные резолюции из западноукраинских и белорусских сел, например, от 177 крестьян деревни Свитезь Любомельского поята, от 184 крестьян и рабочих Устилуга на Волини, от 36 крестьян деревни Берестовица Гродненского поята и т. д., от еврейских рабочих и бедноты Люблина, Влоцлавка, Плоцка и др.⁷⁷.

Народные массы поддерживали кампанию конгресса, антифашистскую борьбу за мир не только резолюциями, принятыми на собраниях, но и своими подписями на декларациях, в которых выражалась солидарность с этой кампанией. По неполным данным, по всей стране было собрано 37 500 групповых подписей рабочих, крестьян, интеллигенции, которые заявили о своей солидарности с платформой конгресса мира⁷⁸. Знаменательно, что из граждан г. Люблина, опрошенных местным отделением Лиги защиты прав, 5872 человека видели возможность укрепления оборонспособности Польши в заключении пакта о взаимопомощи с СССР, Францией и Чехословакией, и лишь 6 человек не согласились с этим мнением⁷⁹.

На широко разветвляющуюся кампанию по созыву конгресса мира «санационные» власти ответили репрессиями. В ночь с 30 на 31 VII 1936 г. по указанию правительства полиция опечатала помещения почти всех журналов, призывавших к созданию антифашистского народного фронта и к сплочению на платформе Всемирного конгресса мира. В Варшаве были закрыты журналы: «Левар», «Обличе дня», «Пшекруй тыгодня», «Левы тор», в Вильне — «Карта», «Вядомосци роботниче» в Катовицах и «Нова весь» в Направе. «Вся печать, поддерживающая конгресс, закрыта», — сообщил Краевой секретариат КПП в середине августа 1936 г.⁸⁰. Власть закрыли также варшавское отделение Лиги защиты прав человека и гражданина и Польское общество свободной мысли (атеистов), которое

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ «Кампания конгресса мира в Польше». Ibid.

⁷⁹ «Wyniki ankiety». Załącznik do SK do BPKS KPP VIII 1936. Ibid., 158/V—3, t. 54.

⁸⁰ SK do BPKS KPP 17 VIII 1936. Ibid.

принимало очень активное участие в кампании мира ⁸¹. Полиция произвела обыски в книжных магазинах Варшавы, изымая издания, поддерживающие платформу конгресса мира. Одновременно были произведены многочисленные аресты. Например, в Вильне полицейским обыскам и арестам подверглись 150 человек. Закрыты были советы профсоюзов в Барановичах, Новогрудке и ряд профсоюзов в Вильне, Крынках и других городах и местечках ⁸².

Краевой секретариат ЦК КПП, характеризуя в конце августа 1936 г. ход кампании, отмечал: «Акция становится все шире, несмотря на официальный бойкот со стороны ПСС и Стронництва людового и правительственный террор» ⁸³. Секретариат считал, что «акция охватила миллионы людей» и что «по размаху и объему нельзя с ней сравнить кампанию в пользу амнистии для политзаключенных, хотя та кампания протекала в лучших условиях», при этом отмечалось более благоприятное отношение к этой кампании ППС, СЛ и оппозиционной печати и менее острые репрессии правительства ⁸⁴.

По неполным подсчетам в Польше кампания по созыву конгресса мира, главной движущей силой которой была нелегальная КПП, охватила примерно в течение 2¹/₂ месяцев в различных организационных формах свыше 400 тыс. человек, избравших на конгресс 100 делегатов ⁸⁵, что являлось несомненно крупным политическим достижением.

«Санационные» власти отказали в выдаче заграничных паспортов всем избранным антифашистским делегатам ⁸⁶. Официальный Комитет мира Я. Дембского потребовал от делегатов, желающих поехать на Всемирный конгресс в Брюсселе, чтобы они подписали декларации, означающие фактическую поддержку политики Бека ⁸⁷. Представители Комитета мира при Лиге защиты прав это условие решительно отклонили. Представители официального Комитета, которые поехали в Брюссель, не решились появиться на антифашистском конгрессе мира и ограничились, в соответствии с полученной ими инструкцией, передачей в адрес конгресса заявления, одобрявшего «санационную» внешнюю политику ⁸⁸. Подводя итог кампании по созыву конгресса мира в Польше и указывая на волну правительственных репрессий, орган ЦК КПП «Пшеглэнд» писал: «В результате Польша отсутствовала на большом Всемирном конгрессе мира, в котором приняло участие 35 стран. Однако широкая кампания показала, что польский трудовой народ стоит в рядах великого международного фронта борьбы с алчным империализмом, фронта защитников мира.

...Против военных поджигателей и агрессоров, против прогитлеровской политики Бека, за дружбу и пакт взаимопомощи с СССР, Францией и Чехословакией — вот лозунги, которые сегодня являются уже лозунгами миллионных масс польских городов и деревень» ⁸⁹.

Конечно, кампанией в связи с конгрессом мира не исчерпывалась борьба за мир, проводимая в это время Коммунистической партией Польши. Лозунгами этой борьбы проникнуты были все политические кампании, все крупные экономические бои, организуемые тогда поль-

⁸¹ Informacja SKKC KPP 18—19 VIII 1936. Ibid.

⁸² Ibid.

⁸³ SK do BPKC KPP 25 VIII 1936. Ibid.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ «Кампания конгресса мира в Польше». Ibid.

⁸⁶ SK do BPKC KPP 25 VIII, 15 IX 1936. AZHP, 158/V—3, t. 55.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ «Кампания конгресса мира в Польше». Ibid.

⁸⁹ «Przegląd», 1936, № 1, IX, s. 60.

скими коммунистами. Компартия Польши зорко следила за политикой «санационного» правительства, которое осталось на прежних прогитлеровских и антисоветских позициях, несмотря на некоторое улучшение отношений с Францией и связанное с этим соглашение 1936 г. о предоставлении Польше французских кредитов на вооружение.

В воззвании по случаю 18-й годовщины восстановления независимости Польши ЦК КПП вновь заявил: «Только объединение всех народных сил в едином антифашистском фронте, только свержение санации и разгром эндековского фашизма, только победа антифашистской политической демократии и союз со свободными народами Советского Союза, союз с Францией Народного фронта, с демократическими народами Чехословакии — избавит Польшу от призрака гитлеровского нашествия, откроет путь к лучшему, более счастливому будущему»⁹⁰.

Этими идеями руководствовалась Коммунистическая партия Польши в борьбе за мир и защиту независимости родины и после 1936 г. Как известно, вследствие всего комплекса объективных факторов, всего тогдашнего соотношения общественно-политических сил польские коммунисты не были в состоянии повлиять на ход внутренних, а тем более — внешних событий, которые принимали характер все более опасный для дела мира и для судеб Польши. А в 1938 г. вследствие известных трагических обстоятельств не стало и Коммунистической партии Польши. Однако идейно-политический опыт борьбы польских коммунистов за мир, в защиту независимости, за сплочение народных масс внутри страны и за союз с народами СССР и всеми антифашистскими силами на международной арене не прошел даром. В тяжелые годы фашистской оккупации этот опыт в немалой степени помог польским коммунистам — создателям Польской рабочей партии в выработке новой, соответствующей тогдашним условиям, антифашистской, антиимпериалистической концепции борьбы с гитлеровскими оккупантами за национальное и социальное освобождение.

---

⁹⁰ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski...», s. 223—224.

Е. Е. СТАНКЕВИЧ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В СИЛЕЗИИ

(конец XVIII—первая половина XIX в.)

История возникновения и развития рабочего класса в Силезии является сложной и многогранной социально-экономической проблемой, которая вызывает интерес исследователей прежде всего с точки зрения выявления особенностей в процессе формирования пролетариата в этом регионе, который в течение длительного периода был оторван от польских земель. Отдельные аспекты указанной проблемы тенденциозно освещались в трудах буржуазных историков, внимание которых сосредоточивалось главным образом на развитии текстильных промыслов и горно-металлургического производства (работы А. Циммерманна, К. Фране, Г. Фехнера, Г. Бюхзеля, К. Францке и др.). Несмотря на богатый фактографический и статистический материал, которым они располагали, буржуазные исследователи не смогли дать глубокого анализа изучаемых явлений.

Первые шаги к систематическому и всестороннему изучению проблемы формирования пролетариата в Силезии были предприняты только историками народной Польши. Ценным вкладом в историческую науку являются исследования А. Гродека, В. Длугоборского, З. Квасьного, С. Михалькевича, Е. Яроса. Узкие рамки данной статьи не позволяют назвать имена многих других польских историков, занимающихся различными аспектами указанной проблемы. Характерной чертой польской историографии является отраслевой метод исследования, глубокий марксистско-ленинский анализ социально-экономических явлений.

Значительное место в ряду исследований о силезском пролетариате принадлежит монографии советского историка С. Б. Кана, посвященной двум восстаниям силезских ткачей.

Несмотря на довольно обширную литературу, существующую уже в этой области, проблема формирования силезского пролетариата представляется еще недостаточно изученной. Значительные результаты достигнуты в ряде исследований, касающихся отдельных отраслей промышленного производства. Однако всестороннее освещение указанного процесса требует еще дальнейшего изучения.

Материалы, содержащиеся в немецких статистических справочниках, в работах современников, а также изданные в Польше сборники источников позволяют в определенной мере осветить процесс формирования промышленного пролетариата в Силезии.

В 1740—1742 гг. в результате прусско-австрийской войны Силезия вошла в состав прусской монархии Гогенцоллернов, которая тем самым получила важный плацдарм для дальнейшей экспансии на Восток. Кроме того, захват этой богатой полезными ископаемыми и довольно развитой в промышленном отношении области имел для Пруссии также большое

экономическое значение. Специфической чертой Силезии было разнообразие отраслей ремесла, которые не только удовлетворяли местные потребности, но и в значительной своей части производили изделия на экспорт. Следует отметить также далеко продвинувшуюся специализацию ремесленников в отдельных отраслях производства¹, что являлось технической предпосылкой перехода к мануфактуре, которая к началу XIX в. получила уже довольно широкое распространение.

Для текстильной промышленности (сукноделие, производство хлопчатобумажных и дорогих шелковых тканей) характерным было объединение рассеянной и централизованной мануфактур. При этом прядение, а зачастую и ткачество выполнялись кустарями на дому, а отделочные операции — в помещении предпринимателя. Например, для крупнейшего предпринимателя в хлопчатобумажной промышленности Ф. Садебека в 1805 г. работали 1600 ткачей и многочисленные прядильщики в нескольких повятах, а конечные стадии производства выполнялись на принадлежавших ему ситцепечатных предприятиях в Дзержонёвском повяте².

В сукноделии мануфактуры были нерентабельны. В начале XIX в. по свидетельству одного из современников, только высшие сорта производились дешевым мануфактурным способом³. Основную же массу продукции изготавливали ремесленники. В одной только Зеленой Гуре в 1801 г. насчитывалось 638 мастеров-сукноделов⁴.

В полотняной промышленности также преобладали кустари, эксплуатируемые скупщиками и торговцами полотном. Здесь вплоть до середины XIX в. сохранилась старинная «покупная система» («Kaufsystem»), при которой роль купечества ограничивалась в основном организацией оптового сбыта продукции на зарубежных рынках. В 1804 г. в Силезии действовало 32 250 станков⁵, принадлежавших ремесленникам. Sporadически возникавшие в конце XVIII в. в этой отрасли промышленности предприятия не превышали масштабов крупных ремесленных мастерских⁶. Среди них только белильни можно отнести к типу мануфактур. К началу XIX в. в Силезии насчитывалось 162 крупные белильни с числом рабочих 2779 человек⁷. В среднем на одно предприятие приходилось 17 работников.

В других отраслях производства наиболее распространенной была централизованная мануфактура. В начале XIX в. многочисленные предприятия такого типа были во Вроцлаве. К ним относились табачные мануфактуры, производство швейных игл, экипажей, сахарорафинадная мануфактура и другие⁸.

К централизованным мануфактурам можно отнести и предприятия в горно-металлургическом производстве. Здесь также применялось разделение труда. В горнодобывающей промышленности работали рудокопы, забойщики, промыватели руды, грузчики, возчики. В металлургии — литейщики, кузнецы, персонал для обслуживания доменных печей и,

¹ «Generalne tabele statystyczne Śląska». Pod red. T. Ładogórskiego. Wrocław, 1954, s. 118—157, 284—295.

² «Teksty źródłowe do historii Świdnicy i okęgu». Pod red. K. Maleczyńskiego. Wrocław, 1958, s. 56, 57.

³ «Teksty źródłowe do historii Wrocławia». Pod red. K. Maleczyńskiego, t. 1. Wrocław, 1955, s. 7.

⁴ K. F r a h n e. Die Textilindustrie im Wirtschaftsleben Schlesiens. Tübingen, 1905, S. 199.

⁵ H. F e c h n e r. Wirtschaftsgeschichte der preussischen Provinz Schlesien in der Zeit ihrer provinziellen Selbstständigkeit 1740—1806. Breslau, 1907, S. 675.

⁶ «Generalne tabele statystyczne...», s. 165—167.

⁷ H. F e c h n e r. Wirtschaftsgeschichte..., S. 669.

⁸ «Teksty źródłowe do historii Wrocławia», t. II, s. 6—8.

наконец, угольщики, которые обычно работали рядом с металлургическим комплексом и поставляли для предприятия древесный уголь. Сам же производственный процесс основывался на примитивной, ручной технике.

Будучи значительным шагом вперед в развитии капиталистических отношений, «мануфактура, — по словам Маркса, — не была в состоянии ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁹.

Потребность в промышленных товарах, конкуренция английских фабричных изделий диктовали уже в конце XVIII в. необходимость перехода к крупному машинному производству. Первые попытки механизации хлопкопрядения были предприняты в 1793 г. На одном из предприятий во Вроцлаве были установлены ручные станки-джеппи. Однако отсутствие капиталов привело к прекращению производства уже в 1795 г.¹⁰

В начале XIX в. было основано несколько механических шерстопрядилен¹¹, а в 1818 г. появилась первая прядильная фабрика (1000 веретен) в полотняной промышленности¹². Развитие механического прядения шло замедленным темпом приблизительно до начала 40-х годов XIX в. Затем наблюдается, несмотря на некоторые колебания, более интенсивный прирост прядильных фабрик или укрупнение уже существующих. Данные о развитии механического прядения в Силезии в 40-х годах XIX в. представлены в таблице¹³.

Год	Прядение хлопка			Прядение льна		
	число предприятий	число веретен	число рабочих	число предприятий	число веретен	число рабочих
1840	5	9948		5	14 476	
1843	5	36 038		8	25 007	
1846	11	35 524		13	43 138	2945
1848				8	42 000	
1849	6	34 634	1097	13	44 974	2833

В механических бумагопрядильнях наблюдался интенсивный процесс концентрации производства. Если в 1840 г. в среднем на одну прядильню приходилось 1989 веретен, то в 1849 г. — 5772, т. е. почти в три раза больше. Силезские бумагопрядильни были, по-видимому, крупнее таких же предприятий в других прусских провинциях. Так, например, в 1846 г. на одну прядильню хлопка в Пруссии в среднем приходилось 950 веретен, в то время как в Силезии в этом же году — 3229 веретен¹⁴.

Число льнопрядилен увеличилось в Силезии за период 1840—1849 гг. более чем в 2,5 раза, а число механических веретен — более чем в 3 раза.

⁹ К. Маркс. Капитал. Т. I, М., 1949, стр. 376.

¹⁰ W. Długoborski, J. Gierowski, K. Malczyński. Dzieje Wrocławia do roku 1807. Warszawa, 1948, s. 699.

¹¹ K. Frahn e. Die Textilindustrie..., S. 192; «Тексты źródłowe do historii Jeleniej Góry». Pod red. Z. Kwaśnego. Wrocław — Warszawa — Kraków, s. 25.

¹² С. Б. К а н. Два восстания силезских ткачей. М.— Л., 1948, стр. 151.

¹³ Составлена по данным: С. Б. К а н. Два восстания силезских ткачей, стр. 154, 155, 158; K. Frahn e. Die Textilindustrie..., S. 114; «Tabellen und amtliche Nachrichten über den Preussischen Staat für das Jahr 1849». Bd. VI, Berlin, 1855, S. 444—445, 500—501, 522—523.

¹⁴ C. Dieterici. Der Volkswohlstand im Preussischen Staate. Berlin, 1846, s. 256.

В 1843 г. из 15 прядильных фабрик в полотняной промышленности для всей Пруссии¹⁵ 8 крупнейших (в среднем 3125 веретен на одном предприятии) находилось в Силезии.

В шерстяной промышленности в 1849 г. насчитывалось 210 в основном мелких предприятий, на которых действовало 55 398 веретен¹⁶. В среднем на одно предприятие приходилось 263 веретена. По темпу развития механического прядения шерсти Силезия наряду с Рейнскими провинциями занимала ведущее место в Пруссии¹⁷.

Начало промышленного переворота в прядении можно отнести к 30 годам XIX в. — появляются более крупные предприятия, а также наблюдается их постепенный прирост. Однако они все еще не играли решающей роли в производстве. Так, в 1849 г. в Силезии было занято на механических льнопрядильнях 2833 человека, а наряду с ними существовала целая армия кустарей (более 63 тыс. прядильщиков)¹⁸.

В области ткачества до середины 50-х годов XIX в. все оставалось по-старому. Происходил непрерывный рост числа ручных ткацких станков. За период с 1834 по 1845 г. в полотняном производстве их число увеличилось с 20 061 до 24 660, а в хлопчатобумажной промышленности почти удвоилось (с 12 425 до 21 385)¹⁹. В 1849 г. на 122 ткацких предприятия в Силезии приходился 1391 механический станок в хлопчатобумажном производстве при 13 975 ручных. Кроме того, 363 механических станка действовали в шерстяной промышленности и только 4 — в ткачестве льна²⁰.

Основным препятствием на пути промышленного переворота в текстильном производстве Силезии были феодальные отношения, которые мешали росту активности силезской буржуазии, слабой как в экономическом, так и в политическом отношении. Машины и оборудование ввозились из-за границы, что обходилось очень дорого. В 1843 г., например, паровая машина стояла 5000—6000 тал.²¹. Поэтому для силезской буржуазии более выгодной и удобной была эксплуатация кустарей-прядильщиков и ткачей, которые и в конце 40-х годов XIX в. выпускали основную массу продукции.

Технические усовершенствования вводились с конца XVIII в. также и в тяжелую промышленность. Паровая машина впервые в Силезии была применена именно в горном деле в 1788 г. на государственном руднике «Фридрих» в Гарновских Гурах. В первой половине XIX в. паровые машины применялись на некоторых шахтах по добыче каменного угля и цинковых рудниках. Однако труд в горном деле оставался ручным. Машины обслуживали только вспомогательные операции: откачка воды или подъем на поверхность добытого угля или руды²².

Важное значение для металлургии имело применение коксующегося угля. Первая доменная печь, работающая на коксе, была пущена в производство в 1796 г. на государственном металлургическом заводе в Гливицах. Применение кокса в металлургии вызвало повышенный спрос на каменный уголь. Дальнейшему расширению добычи каменного угля способствовало развитие металлургии цинка, получение которого из

¹⁵ Ibid.

¹⁶ «Tabellen und amtliche Nachrichten...», S. 444—445, 500—501, 522—523.

¹⁷ K. F r a h n e. Die Tixtilindustrie..., S. 192.

¹⁸ Ibid., S. 115.

¹⁹ С. Б. К а н. Два восстания силезских ткачей, стр. 170.

²⁰ «Tabellen und amtliche Nachrichten...», S. 1092, 1093, 1101, 1108.

²¹ С. D i e t e r i c i. Der Volkshwohlstand..., S. 257.

²² J. J a r o s. Historia górnictwa węglowego w Zagłębiu Górnośląskim do 1914 r. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 82.

руды стало возможным после изобретения муфельных печей²³. Каменный уголь был необходим также в качестве топлива для паровых машин. А с 1842 г., когда была открыта первая железнодорожная линия Вроцлав—Олава и развернулось дальнейшее строительство железных дорог, потребителем его становится также и транспорт.

Число шахт по добыче каменного угля увеличилось с 1806 по 1847 г. только в Верхней Силезии с 35 до 90²⁴. А добыча угля в Верхнесилезском бассейне за полвека (с 1799 по 1849 г.) увеличилась почти в 24 раза (с 38 546 т до 915 936 т)²⁵. В 40-х годах XIX в. Силезия давала свыше 29% каменного угля, добываемого в Пруссии²⁶.

Наиболее крупными и передовыми в техническом отношении шахтами в первой половине XIX в. были государственные предприятия. На одну только шахту «Король» приходилась в 1849 г. десятая часть добытого в Верхней Силезии угля (80 886 т)²⁷. На мелких частных предприятиях не применялись паровые машины, так как зачастую здесь разрабатывались только верхние пласты угля.

Технический прогресс в металлургии в первой половине XIX в. выразился в применении силы пара и введении метода пудлингования, который получил более широкое распространение в Силезии с 30-х годов XIX в. Этот метод применялся на 76 железоделательных предприятиях из 222, насчитывавшихся к этому времени в Силезии²⁸.

В связи с начавшимся промышленным переворотом в первой половине XIX в. возникла новая отрасль производства — машиностроение. В 1849 г. производством машин и различных частей к ним в Силезии занималось 13 предприятий, среди которых 5, наиболее значительных, находились во Вроцлаве²⁹.

Тяжелая промышленность Силезии в первой половине XIX в. также вступила на путь промышленного переворота. Отдельные элементы этого процесса обнаружили еще в конце XVIII в. В горном деле, однако, применение силы пара не ликвидировало ручной труд, техника добычи еще долгое время оставалась на примитивном уровне. Ручной труд в металлургии также не был ликвидирован с введением паровой машины и новых методов производства. Однако техническое совершенствование предприятий все же происходило, увеличивалась их производительность, появились крупные металлургические заводы, которые определяли в 30—50-е годы XIX в. облик всей тяжелой промышленности Силезии. В качестве примера можно было бы привести завод «Лаура» в Семяновицах, основанный в 1836 г. и принадлежавший графу Доннерсмарку совместно с вроцлавскими банкирами. Здесь была доменная печь, работавшая на коксе, пудлинговая печь, прокатный цех, паровая машина мощностью 270 л. с. и первый в Силезии паровой молот³⁰. Число таких крупных предприятий в металлургии увеличивается начиная с 60-х годов XIX в. С этого времени, по-видимому, и можно говорить о начале промышленного переворота в металлургии. Но этот процесс к середине XIX в. далеко еще не завершился.

²³ A. Battaglia. *Górnictwo śląskie*. Katowice, 1936, s. 18.

²⁴ Z. Kwaśny. *Hutnictwo żelaza na Górnym Śląsku w pierwszej połowie XIX wieku*. Wrocław, 1958, s. 29.

²⁵ J. Jaroś. *Historia górnictwa węglowego...*, s. 23—24.

²⁶ «Statistik des Preussischen Staats». Berlin, 1845, S. 380.

²⁷ J. Jaroś. *Historia kopalni «Król» w Chorzowie (1791—1945)*. Katowice, 1962, s. 163.

²⁸ «Tabellen und amtliche Nachrichten...», S. 456—457, 534—535.

²⁹ *Ibid.*, S. 434, 460, 538.

³⁰ Z. Kwaśny. *Hutnictwo żelaza na Górnym Śląsku...*, s. 89.

В 1849 г. в Силезии 73% общей мощности паровых машин, действовавших в различных отраслях производства, приходилось на тяжелую промышленность и 17,3% — на текстильную³¹. Если в качестве общего критерия промышленного переворота брать применение силы пара, то приведенные данные, по-видимому, свидетельствуют о том, что к середине XIX в. в тяжелой промышленности был достигнут более значительный прогресс, чем в других отраслях производства.

Другой стороной начавшегося в 30-х годах XIX в. в Силезии промышленного переворота было формирование нового общественного класса — пролетариата. К концу рассматриваемого периода, в 1849 г., на различных промышленных предприятиях Силезии было занято более 82 тыс. человек³². Из них 42,3% (около 35 тыс. человек) приходилось на текстильную промышленность и связанные с нею отрасли; 31,1% (более 25 тыс.) — на тяжелую промышленность; 26,6% (около 22 тыс.) были заняты в остальных отраслях производства³³.

Среди лиц, занятых на текстильных предприятиях, 18% (6245 человек) составляли фабричные рабочие-прядильщики³⁴. Ткачество развивалось в форме мануфактуры. В производстве сукна и шерсти рабочие централизованных мануфактур составляли 34% всех работников, занятых в этой отрасли, в ткачестве хлопка — 39%, в производстве льняных тканей — 10%³⁵. Кроме того, в ткачестве насчитывалось более 56 тыс. кустарей³⁶, значительная часть которых являлась работниками рассеянной мануфактуры. Однако они не были учтены прусской статистикой.

По степени концентрации производства ведущее место занимала текстильная промышленность, где были наиболее крупные фабрики и мануфактуры. В среднем на одну хлопкопрядильню в 1849 г. приходилось около 183 рабочих³⁷, а на одну ткацкую мануфактуру в этой же отрасли — 155 работников³⁸.

Крупные предприятия были также в производстве фарфора и фаянса, в сахарной промышленности и отчасти в металлургии³⁹. Значительным был процент мелких мануфактур или предприятий ремесленного типа с числом рабочих от 5 до 15 человек в кожевенном, табачном, крахмальном, пищевом и химическом производствах⁴⁰.

Для силезской промышленности 40-х годов XIX в. было характерным сосуществование ремесла, мануфактуры и фабрики. При этом очень трудно определить грань между крупной ремесленной мастерской и мелкой мануфактурой. Число занятых работников только в небольшой степени может служить критерием при анализе такого рода.

Если говорить о более значительных предприятиях, то в 1849 г. в Силезии на фабриках и мануфактурах с числом рабочих от 50 до 200 человек было занято около 34% всех работников, от 201 до 500 человек — 7,4% и наконец на предприятиях с числом рабочих более 500 человек — 7,6% всех лиц, работающих в промышленности⁴¹.

В общей сложности на крупных предприятиях в Силезии работало

³¹ «Tabellen und amtliche Nachrichten...», S. 454—457, 480—481, 506—509.

³² Ibid., S. 1004—1505.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid., S. 1004—1139, 1425, 1440.

³⁵ Ibid., S. 1058, 1063, 1070, 1092, 1093, 1101, 1106.

³⁶ Ibid., S. 444—445, 496—497, 522—524.

³⁷ Ibid., S. 1036.

³⁸ Ibid., S. 1101.

³⁹ Ibid., S. 1104—1505.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid., S. 392—547.

более 40 тыс. человек. Вместе с рабочими-горняками (около 16 тыс.)⁴² они составляли ядро формирующегося в Силезии промышленного пролетариата.

Основным источником рабочей силы для промышленных предприятий было крестьянство. Об этом свидетельствует прежде всего история горно-металлургического производства, которое сосредотачивалось в Силезии главным образом в сельской местности. Издание горного права в 1769 г., которое устанавливало для крепостных крестьян, изъявлявших желание работать в тяжелой промышленности, ряд привилегий, способствовало наплыву местного сельского населения на государственные предприятия. На частных рудниках и металлургических заводах, принадлежавших в Силезии в основном феодалам, крепостные крестьяне отработывали промышленную барщину. Принудительный крестьянский труд частично применялся на предприятиях помещиков и после отмены в 1807 г. личной зависимости, примерно до 40-х годов XIX в.⁴³, что было связано с замедленным темпом проводившейся регуляции. После соответствующего обучения многие крестьяне становились квалифицированными горняками и металлургами.

В 1818 г. управляющий одним из поместий в Верхней Силезии сообщал, что в Тошецком повете (поместье Бычина) «по крайней мере для 50 [крестьянских] семей труд на металлургических предприятиях и при выжигании древесного угля является основным источником существования»⁴⁴.

Другой современник, характеризуя положение крестьян в Стшелецком повете, писал в 1849 г.: «Наиболее шаткое положение занимают здесь так называемые коморники. Кроме горного дела и металлургии, они нигде не могут найти работу в течение всего года»⁴⁵. Безземельные крестьяне-коморники, по-видимому, были наиболее мобильным слоем среди крестьянства.

Кроме горного дела и металлургии крестьяне находили работу и в других отраслях промышленности. Так, в 1841 г. один из силезских помещиков, сообщая о недостатке свободной рабочей силы в сельском хозяйстве, в качестве одной из существенных причин этого явления указывал на отход крестьян из деревни в город «на все более многочисленные фабрики»⁴⁶.

Другим источником рабочей силы для развивающейся промышленности были ремесленники. В первой половине XIX в. в связи с глубоким кризисом, наблюдавшимся в текстильных промыслах, и прежде всего в полотняном производстве, разоряющиеся ткачи вынуждены были искать работу в горно-металлургической промышленности или на фабриках и мануфактурах⁴⁷.

Иногда ремесленные мастерские перерастали в мануфактуру, а затем в фабрику. В Рацибоже, например, ремесленники прежнего цеха сукноделов в 1836 г. уже являлись работниками суконной мануфактуры, организованной на месте распавшегося цеха. На предприятии был механизирован процесс прядения шерсти⁴⁸.

⁴² S. Michalkiewicz. Struktura śląskiego proletariatu przemysłowego w latach 1849—1875. «Studia i materiały z dziejów Śląska», t. X, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 36.

⁴³ Z. Kwaśny. Hutnictwo żelaza..., s. 204.

⁴⁴ «Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku...». t. I, Wrocław, 1957, s. 13.

⁴⁵ Ibid., s. 123.

⁴⁶ Ibid., s. 15.

⁴⁷ S. Michalkiewicz. Górnictwo węglowe i położenie robotników w Zagłębiu Wałbrzysko-Noworudzkim w pierwszej połowie XIX wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 118.

⁴⁸ S. Golačowski. Studia nad miastami i wsiami śląskimi. Opole, 1969, s. 27.

В то же время значительная часть ремесленников как в текстильном производстве (ткачи), так и в других отраслях легкой промышленности, попадая в экономическую зависимость от торгового капитала, становилась фактически работниками рассеянной капиталистической мануфактуры.

В условиях недостатка квалифицированных кадров в Силезии Высшее горное ведомство было вынуждено привлекать горняков и металлургов из-за границы, в первую очередь из различных областей Германии. В первой половине XIX в. роль заграничных кадров была уже менее значительна. Они привлекались в основном тогда, когда осваивались новые методы производства (например, английские специалисты — при введении метода puddlingования в металлургию)⁴⁹. По большей части из заграничных квалифицированных кадров состоял технический и руководящий персонал горно-металлургических предприятий (штейгеры, механики, надзиратели и др.) Среди рабочих как подсобных, так и квалифицированных преобладало местное население. Так, в 1817 г. на государственный рудник «Фридрих» было принято 36 человек. Около 60% из них (21 человек) составляли рабочие, происходившие из Силезии, 25% — из других польских земель, остальные были из Чехии, Украины, Германии, Венгрии. Характерно, что среди принятых на работу силезцев трое были профессиональными горняками, а один — сыном горняка-инвалида⁵⁰.

Рабочие, занятые в горном деле и металлургии, занимали особое место в составе силезского пролетариата. Это было связано прежде всего с той организацией производства, которая сложилась в указанных отраслях промышленности еще во второй половине XVIII в. Руководство Высшего горного ведомства сыграло здесь большую роль в формировании кадров квалифицированных горняков и металлургов. Кроме того, эта группа пролетариата имела свой особый правовой статут, изданный в 1769 г., согласно которому государство предоставляло горнякам и металлургам ряд привилегий (освобождение от крепостной зависимости и повинностей в пользу феодалов, от государственных налогов, набора в армию и других обязанностей). В течение первой половины XIX в. эти привилегии или потеряли свое значение, или были ликвидированы. Важнейшим преимуществом горняков и металлургов по сравнению с рабочими в других отраслях промышленности оставалось право на получение пенсий и пособий по болезни. Для этой цели еще в 1769 г. было создано так называемое «Братское общество», которое представляло собой кассу взаимопомощи «рестровых» горняков и металлургов под руководством Высшего горного ведомства. Основную часть фондов этой кассы составляли денежные взносы ее членов — рабочих. В первой половине XIX в. размер пенсии квалифицированных горняков и металлургов составлял 1 талер — 1 талер 10 сер. гр. в зависимости от семейного положения. Размер пенсии для инвалидов, имеющих возможность дополнительного заработка (прядание, ткачество и т. п.), колебался в пределах 25—15 сер. гр. в месяц⁵¹. Это были ничтожные суммы. Их величина не изменялась в течение ряда лет, в то время как цены на продовольствие непрерывно возрастали.

Право на социальное обеспечение, которое получали члены «Братского общества», требовало от них слепого повиновения горным властям. Если рабочий совершал какой-нибудь проступок, то он терял свои права на получение пенсии или пособия по болезни и даже выплаченные им

⁴⁹ Z. K w a ś n y. *Hutnictwo żelaza...*, s. 202—203.

⁵⁰ «Wybór tekstów źródłowych do historii kształtowania się klasy robotniczej na ziemiach polskich w XIX wieku». Pod red. N. Gąsiorowskiej. Wrocław. 1958, s. 14—16.

⁵¹ K. F r a n z k e. *Die oberschlesischen Industriearbeiter von 1740—1886*. Breslau, 1936, S. 31.

взносы в кассу «Братского общества»⁵². Таким образом, это была организация, служащая интересам господствующего класса. Функции социального обеспечения горняков и металлургов, которые она выполняла, были призваны способствовать привлечению рабочих в тяжелую промышленность, которая укрепляла военный потенциал Пруссии.

Рост численности рабочих в горно-металлургической промышленности, возникновение классовых противоречий между пролетариатом и предпринимателями вызвали с конца XVIII в. появление дисциплинарных уставов для рабочих (1795, 1826, 1833, 1844 гг.)⁵³.

Устав 1833 г. предназначался для горно-металлургических предприятий всей Силезии. От предыдущих уставов он отличался тем, что в нем не упоминалось о телесных наказаниях⁵⁴. За различные провинности устанавливались денежные штрафы от 1 сер. гр. до 2 тал., перевод на низко оплачиваемую работу, арест, привлечение к судебной ответственности или увольнение⁵⁵.

Согласно уставу, к категории наиболее тяжких преступлений относился отказ от тяжелой работы (п. 14), недобросовестное выполнение обязанностей (п. 17, 18, 19), неповиновение начальству (п. 16)⁵⁶. Характерным для устава является наличие некоторых пунктов, в которых отражаются тенденции к внеэкономическому принуждению, свойственные феодальному обществу. Устанавливались тяжелые наказания за сопротивление переводу на другое предприятие (п. 15), а также денежные штрафы за пропуски утренней молитвы (п. 1), шахтерских праздников и похорон (п. 12)⁵⁷.

Прусские чиновники стремились к введению в горно-металлургическом производстве суровой казарменной дисциплины, к созданию здесь организации, напоминающей армию.

Дисциплинарные уставы и регламенты издавались в Силезии с конца XVIII в. как для различных отраслей промышленности, так и для отдельных предприятий⁵⁸. В 1812 г., например, был введен регламент для частных стекольных заводов в Еленегурском повете, который просуществовал до 40-х годов XIX в.

В ряде параграфов этого документа проводился принцип защиты частной собственности. § 19 гласил: «Если рабочие причиняют умышленно или по недосмотру убытки владельцу, то они должны их возместить»⁵⁹. Предпринимателю предоставлялось право вычестить нужную для этого сумму из заработной платы рабочего⁶⁰.

При поступлении на завод рабочий должен был предъявить характеристику от своих прежних хозяев о своем поведении и паспорт (§ 1). Если такие документы отсутствовали, предприниматель должен был сообщить об этом в полицию (§ 5)⁶¹. Получение отрицательной характеристики при увольнении в значительной степени затрудняло для рабочих возможности дальнейшего трудоустройства.

Прием на работу производился на основании заключения между рабочим и предпринимателем устного или письменного контракта, в

⁵² «Śląsk w pierwszej połowie XIX w...», t. I, s. 195.

⁵³ J. J o Ń c z y k. O niektórych formach uzależniania robotników od przedsiębiorcy na Górnym Śląsku 1790—1870. «Czasopismo prawnohistoryczne», t. 7 1955, s. 217.

⁵⁴ «Wybór tekstów źródłowych do historii kształtowania się klasy robotniczej...», s. 117.

⁵⁵ Ibid., s. 117—118.

⁵⁶ Ibid., s. 118.

⁵⁷ Ibid., s. 117.

⁵⁸ J. J o Ń c z y k. O niektórych formach uzależniania..., s. 216.

⁵⁹ G. L a n g e. Die Glasindustrie..., S. 119.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid., S. 117.

котором указывалась величина заработной платы (§ 49)⁶², а также перечислялись дисциплинарные взыскания в виде штрафов (§ 51)⁶³.

В то же время, согласно § 63, если рабочий покидал предприятие до истечения срока контракта, его возвращали на завод в принудительном порядке⁶⁴.

Рабочие имели право покинуть предприятие, получив предварительно разрешение от ландрата, «если их жизнь и здоровье находятся в опасности из-за жестокого обращения с ними владельца предприятия или его представителей»⁶⁵ (§ 60, п. 1), если они утаивают его заработную плату или в случае тяжелой болезни (§ 60, п. 1, 2)⁶⁶. Указанный параграф регламента основывался на так называемом «Уставе о челяди», изданном в 1810 г. По-видимому, телесные наказания были в этот период довольно распространенным явлением даже на капиталистических предприятиях. «Устав о челяди» не запрещал их применение, а только несколько ограничивал.

Приведенные регламенты характерны именно для мануфактурного периода. В них еще в значительной степени проявляются правовые нормы, присущие феодальному способу производства (внеэкономическое принуждение, ограничение личной свободы работника, применение телесных наказаний и т. д.).

Продолжительность рабочего дня на предприятиях зависела от отрасли производства. В угледобывающей промышленности с конца XVIII в. практиковался 12-часовой рабочий день, который был утвержден законодательно 1 января 1816 г.⁶⁷ При этом эффективное рабочее время составляло 9,5 часа⁶⁸. Существовало две смены — дневная и ночная. В течение первой половины XIX в. были ликвидированы многочисленные в феодальный период праздничные дни. Если в конце XVIII в. многие горняки в Валбжихско-Новорудзком бассейне работали менее 200 дней в году, то во второй четверти XIX в. — около 300 дней⁶⁹.

На цинковых рудниках в первой половине XIX в. рабочий день продолжался 9 час. Ночная смена устанавливалась только тогда, когда необходимо было выполнить срочные работы⁷⁰. Очевидно, это было связано с более вредными условиями труда здесь, чем в угледобывающей промышленности.

В металлургии в 40-х годах XIX в. продолжительность рабочего дня в летнее время составляла 11 час., зимой — 10 час.⁷¹ Но уже в 50-х годах XIX в. в Бытомском повете в металлургической промышленности работали по 12 час.⁷²

На мануфактурах в легкой промышленности в 40-х годах XIX в. рабочий день в среднем продолжался 10—12 час.⁷³ При этом многие мануфактуры и фабрики, например во Вроцлаве, работали и в воскресенье.

Вопросам гигиены труда не уделялось почти никакого внимания даже в тех отраслях производства, где это было особенно необходимо (цинковые

⁶² Ibid., S. 122—123.

⁶³ Ibid., S. 123.

⁶⁴ Ibid., S. 125.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ S. Michalkiewicz. *Górnictwo węglowe...*, s. 154.

⁶⁸ J. Jaros. *Historia górnictwa węglowego...*, s. 222.

⁶⁹ S. Michalkiewicz. *Górnictwo węglowe...*, s. 158, 250.

⁷⁰ H. Solger. *Der Kreis Beuthen in Oberschlesien*. Breslau, 1860, S. 169.

⁷¹ «Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku...», t. I, s. 188.

⁷² H. Solger. *Der Kreis Beuthen...*, S. 172.

⁷³ A. Schneer. *Über die Zustände der arbeitenden Klassen in Breslau*. Berlin, 1845, S. 25.

заводы, металлургия олова и серебра и др.). Известно, например, что средняя продолжительность жизни рабочих, занятых в металлургии цинка, не превышала 45 лет ⁷⁴.

Анонимный автор одной из статей в «Breslauer Volksspiegel» писал в 1846 г. об условиях труда на металлургических предприятиях: «На железодельных заводах рабочие с более крепким здоровьем доживают до 50 лет, в редких случаях — больше; в то же время в других отраслях металлургии уже в 30-летнем возрасте становятся жертвой своего труда» ⁷⁵. В качестве наиболее яркого примера он приводил шлифовальный цех одного из государственных металлургических заводов, где производилась посуда из чугунного литья. Среди металлургов были распространены легочные болезни (силикоз, туберкулез).

Не лучшим было положение и в угледобывающей промы пленности. Главным бичом для горняков была сырьсть. Поэтому к профессиональным болезням здесь относились ревматизм, артрит, воспаление дыхательных органов ⁷⁶. На государственной шахте «Король» в 20—40-е годы XIX в. число заболеваний составляло в среднем 50% по отношению к числу рабочих. В отдельные годы число заболеваний было значительно выше среднего показателя. В 1848 г. они составляли 74% по отношению к числу рабочих, а вместе с заболеваниями в результате несчастных случаев на производстве — 111% ⁷⁷.

В 40-х годах XIX в. в связи с общим промы пленным подъемом и усилением интенсификации труда число несчастных случаев на шахтах и рудниках значительно увеличивается ⁷⁸.

Туберкулез, ревматизм, грыжа, белокровие были распространены среди фабричных и мануфактурных рабочих ⁷⁹. В 20—40-е годы XIX в. Вроцлав, который являлся средоточием многочисленных фабрик и мануфактур, «был единственным среди крупных городов Пруссии, в котором смертность населения превышала рождаемость» ⁸⁰.

В первой половине XIX в. в горном деле и металлургии в основном была распространена сдельная система оплаты труда. При этом забойщик получал в среднем 9—10 сер. гр. в день, а подсобный рабочий 6—7 сер. гр. на подземных работах и 5 сер. гр. на поверхности ⁸¹. Наиболее высоко оплачивался труд занятых на шахтах ремесленников и механиков, обслуживающих паровые машины. Если до 1845 г. они получали 10—12 сер. гр. в день, то после повышения в этом году заработной платы в горном деле механик, например, в Валбжихско-Новорудзком бассейне получал 15 сер. гр. за смену ⁸². Для подсобных рабочих заработная плата была повышена только до 7 сер. гр. ⁸³.

В металлургии в первой половине XIX в. квалифицированный рабочий получал в среднем 10—12 сер. гр. в день (2,3 тал. в неделю), а подсобный рабочий — 7—8 сер. гр. в день ⁸⁴.

⁷⁴ H. Solger. Der Kreis Beuthen..., S. 174.

⁷⁵ «Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku...», t. I, s. 185.

⁷⁶ Ibid., s. 194.

⁷⁷ J. Jaros. Historia kopalni «Król»..., s. 168.

⁷⁸ «Wybór tekstów źródłowych do historii kształtowania się klasy robotniczej...» s. 130.

⁷⁹ A. Schneer. Über die Zustände der arbeitenden Klassen..., S. 26—27.

⁸⁰ Ibid., S. 27.

⁸¹ H. Büchsel. Rechts- und Sozialgeschichte des oberschlesischen Berg- und Hüttenwesens 1740 bis 1806. Breslau — Kattowitz, 1941, S. 185; S. Michalkiewicz. Górnictwo węglowe..., s. 192; J. Jaros. Historia kopalni «Król»..., s. 53.

⁸² S. Michalkiewicz. Górnictwo węglowe..., s. 193.

⁸³ J. Jaros. Historia kopalni «Król»..., s. 58.

⁸⁴ Z. Kwaśny. Hutnictwo żelaza..., s. 224.

В 40-х годах XIX в. более половины недельного заработка забойщика, имеющего семью из четырех человек, уходило только на покупку картофеля и муки.

Заработная плата фабричных и мануфактурных рабочих колебалась в 40-х годах XIX в. в пределах 5—15 сер. гр. в зависимости от квалификации работника и отрасли производства⁸⁵. Особенно низко оплачивался труд женщин (5—6 сер. гр.), подростков и детей (2,5—3 сер. гр.)⁸⁶. Дети моложе 14 лет составляли в 1849 г. 5,7% рабочих в различных отраслях производства (не считая горного дела)⁸⁷. Подростки, которые были старше этого возраста, зачислялись вместе со взрослыми в рубрику «лица старше 14 лет»⁸⁸. Принимая во внимание физическое развитие последних, можно предположить, что число их на различных предприятиях было значительно выше, чем детей младшего возраста. В этом случае дети должны были бы составлять по крайней мере около 12% всех рабочих. Женщин в промышленности было занято в 1849 г. 28,9%⁸⁹. Как и дети, они работали в основном в текстильном производстве⁹⁰.

Начало фабричного законодательства о труде детей и подростков на промышленных предприятиях относится в Пруссии к 1839 г., когда был издан по этому поводу первый устав. В § 1 этого документа указывалось: «Дети до 9 лет не должны приниматься на фабрики или рудники, металлургические заводы и дробильные предприятия (Pochwerke)»⁹¹. Рабочий день для детей моложе 16 лет ограничивался, согласно § 3 данного устава, 10 часами⁹². Кроме того, запрещались ночные и сверхурочные работы, а также работа в выходные и праздничные дни (§ 3, 5)⁹³.

Но устав 1839 г. не всегда выполнялся даже на государственных предприятиях⁹⁴. На частных фабриках, заводах и рудниках дело, по видимому, обстояло еще хуже.

Со второй половины XVIII в. в горно-металлургическом производстве получили довольно широкое распространение рабочие колонии, т. е. специальные поселки для горняков и металлургов, которые были расположены поблизости от промышленных предприятий. Это было необходимо для того, чтобы гарантировать рудникам и заводам постоянных рабочих. С этой же целью рабочим выделялись небольшие земельные участки. Наличие крохотного подсобного хозяйства несомненно помогало рабочему пережить трудные периоды, связанные с повышением цен на продукты или приостановкой работы предприятия. Но в свою очередь оно привязывало рабочего к заводу и руднику точно так же, как дом или квартира, полученные от предпринимателя. Все это в известной степени должно было оказывать отрицательное влияние на степень активности рабочего класса в борьбе с эксплуатацией, а также давало возможность предпринимателю контролировать личную жизнь рабочего⁹⁵.

Потрясающее описание тех ужасных условий, в которых существовали поденщики и другие представители городских низов, оставил В. Вольф

⁸⁵ A. S c h n e e r. Über die Zustände der arbeitenden Klassen..., S. 22, 25.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ «Tabellen und amtliche Nachrichten...», S. 1018—1135.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ «Wybór tekstów źródłowych z historii państwa i prawa polskiego». Pod red. J. Sawickiego, t. II, Warszawa, 1953, s. 234.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ «Wybór tekstów źródłowych z historii kształtowania się...», s. 160.

⁹⁵ J. J o Ź c z y k. O niektórych formach uzależniania..., s. 240.

в своей знаменитой статье «Казематы». Она была напечатана 18 ноября 1843 г. в «Breslauer Zeitung».

«Но ошибся бы тот,— писал В. Вольф,— кто бы предположил, что нищете можно встретить только в казематах или что именно здесь она наиболее значительна. Здесь сконцентрировались только все те явления, которые в десятках тысяч бедных квартир нашего города увидеть может каждый, кто только пожелает попасть в нужное место»⁹⁶.

Статья В. Вольфа имела огромное значение прежде всего потому, что в ней впервые в Силезии необычайно остро была поставлена проблема положения пролетариата, которая вызвала в то время большой резонанс в обществе. Но в 40-х годах XIX в. и сам пролетариат заявил о своем существовании в ряде выступлений, направленных против эксплуатации и угнетения. Тяжелое материальное положение пролетариата в Силезии явилось объективной основой зарождения здесь рабочего движения.

Предвестником классовой борьбы эпохи капитализма явилось стихийное восстание ткачей 1793 г., направленное против торговцев пряжей и скупщиков полотна. Волнениями и «беспорядками» был охвачен весь район Судетского Предгорья. Восстание удалось подавить только при помощи войска. Это было первое массовое выступление предпролетариата в феодальный период. Оно свидетельствовало о зарождении нового социального антагонизма между трудом и капиталом.

Развитие капиталистических отношений в промышленности в течение первой половины XIX в., которое в текстильных промыслах низводило самостоятельных товаропроизводителей до положения наемных работников рассеянной мануфактуры, вело к усилению противоречий и к возникновению новых социальных конфликтов между купцами-капиталистами и ткачами.

В начале 30-х годов в связи с неурожаем и снижением цен на полотно происходили выступления ткачей в отдельных повятах. Они требовали снижения цен на продукты питания и повышения ставок, которые они получали от купцов за полотно⁹⁷.

Интересен в этом отношении рапорт одного из жандармов Дзержонёвского повята. Он сообщал о намерении большой группы ткачей отправиться в Беляву, чтобы потребовать у крупнейших купцов повышения платы за полотно. Жандарм предлагал ткачам «изложить свои жалобы легальным путем» и указывал на то, «что применение с их стороны силы не принесет им никакой пользы». Ткачи же заявляли, что «наиболее результативным» было бы непосредственное изложение их претензий самим купцам. Струдом уговорив ткачей отказаться от их намерения, предусмотрительный полицейский провел по этому делу специальное расследование с целью узнать имена зачинщиков.

Ему удалось выяснить, что «ткачи Енних и Виттиг ходили от дома к дому, пытаясь уговорить фабричных работников (кустарей-ткачей) участвовать в этом мероприятии»⁹⁸. Полицейский выражал свое убеждение в том, что «ткачи не откажутся от задуманного ими плана»⁹⁹.

Напуганные таким прогнозом прусские чиновники вынудили купцов повысить ставки за полотно. Ткачи Енних, Виттиг и некоторые другие наиболее активные участники готовящегося выступления были арестованы, но через несколько недель их выпустили¹⁰⁰. По-видимому, прусские

⁹⁶ W. Wolff. Gesammelte Schriften. Berlin, 1909, S. 35.

⁹⁷ «Wybór tekstów źródłowych do historii kształtowania się klasy robotniczej...», s. 206.

⁹⁸ Ibid., s. 205—206.

⁹⁹ Ibid., s. 206.

¹⁰⁰ Ibid.

чиновники не хотели обострять недовольство ткачей в той напряженной обстановке, которая сложилась в Силезии, куда проникали известия о революции 1830 г. во Франции.

В 1842—1843 гг. в Силезии произошло новое сокращение текстильного производства, вызванное трудностями сбыта товаров на мировом рынке. Кроме того, это были неурожайные годы. Цены на рожь и картофель увеличились за период 1838—1844 гг. в полтора раза¹⁰¹. Голод и нищета достигли в ткацких округах невиданных размеров.

Тяжелым положением ткачей воспользовались крупные предприниматели, которые не сокращали производство, а развертывали его, снижая ставки ткачей до 2—3 сер. гр. в день. В этом отношении особенно выделялись фабрикант Цванцигер в Петерсвальдау и братья Дириг в Лангенбилау.

Непосредственным толчком к восстанию послужили события 3 июня 1844 г. Когда один из рабочих, распевавших под окнами Цванцигера песню «Кровавый суд», которую В. Вольф позже назвал «Марсельезой» ткачей¹⁰², был схвачен и жестоко избит, толпа рабочих разгромила дом и товарные склады ненавистного фабриканта. 5 июня ткачи направились из Петерсвальдау в Лангенбилау и там разгромили ряд предприятий. Они уничтожили не только имущество предпринимателей, но и оборудование мануфактур с их немногочисленными механическими ткацкими станками.

Восстание удалось подавить лишь после прибытия крупных воинских частей. Более 80 рабочих было арестовано, посажено в крепость или подвергнуто телесным наказаниям¹⁰³.

Движение было стихийным. Его участники не ставили перед собой никаких осознанных политических целей. Они вели борьбу за более сносные условия существования. Наивное разделение фабрикантов на «плохих» и «хороших»¹⁰⁴, вера в короля и прусских чиновников показывают недостаточную еще зрелость рабочих.

Тем не менее восстание силезских ткачей отличалось от более ранних выступлений немецких, английских и французских рабочих, направленных против машин. К. Маркс писал по этому поводу: «Силезское восстание начинается как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания кончают, тем именно, что осознается сущность пролетариата»¹⁰⁵.

Восстание ткачей явилось началом массового рабочего движения в Германии. В самой Силезии восстание получило широкий отклик в народных массах. Характерно в этом отношении заявление одного из железнодорожных рабочих, напечатанное В. Вольфом в парижской газете «Vorwärts»: «Если бы ткачи продержались немного дольше, то беспорядки быстро начались бы и среди нас. Дело ткачей также является и нашим делом»¹⁰⁶. Еще в 1843 г. силезская пресса сообщала о выступлениях рабочих, занятых на строительстве железнодорожной линии Вроцлав — Легница. Они требовали увеличения заработной платы. Только при помощи войска и городской милиции удалось прекратить движение¹⁰⁷.

Значительный отряд пролетариата представляли работники горно-металлургического производства. Однако корпоративная организация в горном деле и металлургии, наличие еще связи рабочих с землей значи-

¹⁰¹ С. Б. Кан. Два восстания силезских ткачей, стр. 290.

¹⁰² W. W o l f f. Gesammelte Schriften, S. 51.

¹⁰³ С. Б. Кан. Два восстания силезских ткачей, стр. 353.

¹⁰⁴ W. W o l f f. Gesammelte Schriften, S. 52.

¹⁰⁵ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. I, стр. 443.

¹⁰⁶ «Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku...», t. I, s. 228.

¹⁰⁷ Ibid., s. 227—228.

тельно снижали степень активности рабочих в этих отраслях производства.

В 1846 г. автор одной из статей в «Breslauer Volksspiegel» сообщал: «Выступления из-за слишком низких ставок не случаются среди горняков, но нередко до этого доходит у металлургов. Однако вмешательство жандармов, а в одном случае даже отряда уланов из Бытома, а также последовавшие затем аресты предводителей сделали тщетными эти протесты»¹⁰⁸.

Одно из известных выступлений горняков в первой половине XIX в. произошло в 1847 г. на государственной шахте «Король». Рабочие устроили забастовку, требуя повышения заработной платы. Руководство предприятия было вынуждено перевести зачинщиков на частные шахты.

Число активных участников выступления, по-видимому, было довольно значительным. По сравнению с 1847 г. число горняков на предприятии уменьшилось в последующем году с 391 до 337 человек. При этом от болезней и несчастных случаев умерло в 1847 г. 8 человек. Такого сокращения числа рабочих не наблюдалось на шахте «Король» в течение всей первой половины XIX в. Можно предположить, что большая часть горняков была переведена на частные шахты после забастовки¹⁰⁹.

Рабочие боролись в этот период, как правило, лишь за ближайшие повседневные интересы, они ограничивались «стремлением получать хорошую плату за хорошую работу»¹¹⁰. Однако именно классовая борьба становилась для них той школой, благодаря которой они превращались из «класса в себе» в «класс для себя».

---

¹⁰⁸ Ibid., s. 189.

¹⁰⁹ J. J a r o s. Historia kopalni «Król»..., s. 56, 164.

¹¹⁰ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. IV, стр. 52.

С. А. ВИНОГРАДОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ В СЕРБИИ В 20—30-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Период Второго сербского восстания 1815 г. и первого правления князя Милоша Обреновича (1815—1839 гг.) является одним из важных переломных периодов в истории Сербии XIX в. Ему посвящена обширная научная литература¹.

Однако подавляющее большинство этих работ касается внутривосточной и внешнеполитической истории Сербии. В то же время обобщающих трудов по социально-экономической истории Сербии этого периода совсем нет. Имеются лишь отдельные работы, посвященные сельскому хозяйству, ремеслу и торговле Сербии.

Между тем рассматриваемый период представляет большой научный интерес с точки зрения социально-экономических процессов, развивавшихся в то время в сербском обществе, делавшем первые шаги по пути от феодализма к капитализму. Ввиду крайней общей отсталости Сербии, главной причиной которой было многовековое турецкое военно-феодальное господство, в процессе генезиса капитализма в Сербии одно из ведущих мест принадлежало торговле. Именно в торговле, при отсутствии даже зачатков капиталистической промышленности и слабом развитии ремесла, пробивали себе путь новые капиталистические отношения.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин неоднократно подчеркивали большую роль торговли в возникновении и развитии капиталистических отношений.

Так К. Маркс указывал, что первоначально торговля была предпосылкой для превращения цехового, деревенско-домашнего и феодального сельскохозяйственного производства в капиталистическое².

В настоящем сообщении, посвященном некоторым вопросам развития торговли в Сербии в 20—30-х годах XIX в., помимо обширной югославской литературы были использованы неопубликованные документы из архивов Югославии и СССР. Это документы из Государственного архива Социалистической Республики Сербии в Белграде, Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и Архива внешней политики России (АВПР).

Из опубликованных источников можно назвать небольшую публикацию К. Костица³.

¹ В библиографии Р. Стефановича, опубликованной в 1955 г. в № 2 журнала «Историјски преглед», насчитывается 258 монографий и статей. С учетом же работ, изданных в последующие годы, а также не вошедших по каким-либо причинам в библиографию Стефановича, их общее число достигает 300 названий.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 492.

³ К. Костић. Грађа за историју трговине и индустрије. «Споменик СКА», XVI. Други разред. Београд, 1926.

Торговле в Сербии в период первого правления князя Милоша посвящено несколько работ сербских и югославских авторов. Это работы А. Филиповича⁴, Ж. Живановича⁵, М. Костича⁶, монография Д. Милич-Милькович⁷ и ряд ее статей⁸. В других же работах югославских и советских авторов вопросы торговли в Сербии затрагиваются лишь частично.

Не претендуя на полное освещение этой проблемы, мы попытались показать некоторые основные особенности развития внутренней и внешней торговли Сербии в 20—30-х годах XIX в., а также выяснить пути и обстоятельства формирования торговой буржуазии, зарождения зачатков капиталистических отношений.

Оживлению хозяйственной жизни в Сербии после 1815 г. больше всего способствовала торговля, особенно внешняя. Рост торговли способствовал развитию товарно-денежных отношений в экономике Сербии. Увеличивается товарооборот между городом и деревней, хотя он еще долгое время уступает внешнему товарообороту, в первую очередь с Австрией.

С развитием экономики Сербии и расширением внутреннего рынка росло городское население, увеличивалось число городов и городков. Некоторое представление о торговле Сербии могут дать такие цифры: в 1836 г. в ней имелось 2 тыс. лавок⁹, около 1281 механ (трактиров)¹⁰ и 479 крупных торговцев¹¹.

Внутренняя и внешняя торговля Сербии обычно производилась по суше и по воде (по рекам). Главными торговыми центрами страны являлись Белград, Смедерево, Ужице, Валево, Пожаревац, Шабац, Свилайнац, Ягодина. Белград был крупнейшим центром как внутренней, так и особенно внешней (в том числе и транзитной) торговли.

Пунктами наиболее интенсивного внутреннего обмена были города, расположенные на главных дорогах и речных переправах, где имелись базары и устраивались периодические ярмарки. Самой известной являлась ярмарка в Валево, устраивавшаяся два раза в год. Наиболее знаменитой была здесь ярмарка на Ильин день (в июле по ст. ст.). На ярмарках в основном продавался скот. Так в 1832 г. на ярмарке в Валево было продано 800 лошадей¹². Менее известной, но тоже довольно значительной была ярмарка в местечке Пожега, устраивавшаяся обычно весной¹³. Ярмарки служили связующим звеном для разных краев страны во внутренней торговле, а также для связи внутреннего рынка с внешним.

Главной товарной продукцией в Сербии в рассматриваемый период был скот. Значительная часть его шла на экспорт за границу. Сербские

⁴ А. Филиповић. Право трговања у обновљеној Србији до 1835 године. «Архив за правне и друштвене науке», књ. V. Београд, 1908.

⁵ Ж. Живановић. Трговина и њен развој у Србији и у првој половини XIX века. В его књиге «Србија у ратовима». Београд, 1958.

⁶ М. Костич. О дунавско-савској трговини лађама, лађарима и лађарским цеховима. «Историјски часопис», књ. IX—X. Београд, 1960.

⁷ D. Milić - Miljković. Trgovina Srbije (1815—1839). Beograd, 1959.

⁸ Д. Милич - Мильковић. Аустро-српска трговина 1813—1815 године и покушај оснивања аустриског конзулата у Србији. «Историјски часопис», књ. IX—X. Београд, 1960; е е ж е. О делатности једног истакутог носиоца трговачког капитала. «Зборник музеја Првог српског устанка», књ. II. Београд, 1960.

⁹ F. Culiновић. Državopravna historija jugoslavenskih zemalja XIX i XX vijeka. Druga knjiga. Zagreb, 1954, s. 45.

¹⁰ D. Milić - Miljković. Ibid., s. 163.

¹¹ В. Стојанчевић. Кнез Милош и колонизација Србије. «Историјски преглед», № 1, 1954, стр. 34.

¹² Љ. Протић. Развитак индустрије и промет добара у Србији за време прве владе кнеза Милоша. Београд, 1953, стр. 29.

¹³ ЦГВИА, ф. 439, оп. 1, д. 6, л. 86.

торговцы держали в своих руках весь экспорт скота и продуктов сельского хозяйства, в то время как в розничной торговле в городах и ввозе промышленных изделий из-за границы еще долгое время господствовали греки и цинцары (фракийские влахи).

В. И. Ленин указывал на важную роль, которую играли торговцы и скупщики в процессе разложения натуральных отношений и возникновения и развития капитализма¹⁴. Торговец-скупщик скота был характерной фигурой в экономической жизни Сербии рассматриваемого периода, что наглядно видно из приводимой ниже таблицы¹⁵:

Годы	1816	1822	1829	1832	1833	1837
Количество торговцев скотом	2	104	202	117	45	137

Характерно, что многие сербские торговцы имели свое хозяйство и сами откармливали скот на продажу, как, например, князь Сербии Милош Обренович и его компаньоны по торговле скотом. Так 29 января 1832 г. Милосав Перуничич писал Милошу из Чачака, прося разрешения продать торговцу Симе Милосавлевичу десятину от кукурузы из нескольких сел для откорма 300 свиней¹⁶. Таким образом, «купец становился в качестве купца производителем товаров, промышленником. Промышленник, производитель товаров, становится купцом»¹⁷. Югославский историк В. Стоянчевич указывает, что прослойка торговцев скотом, скупщиков и экспортеров его возникла после 1830 г. по всей Сербии¹⁸.

Решающую роль в развитии товарно-денежных отношений в Сербии и накоплении капиталов в руках городских и сельских торговцев играла торговля с соседними странами (в основном с Австрией) и другими областями Турецкой империи. Два основных пути соединяли Сербию с внешним миром. Первый шел через Боснию к Адриатическому побережью. По этому пути в Сербию доставлялись товары из приморских городов Адриатики, а из Сербии вывозились туда скот и сельскохозяйственные продукты. Второй путь проходил из Греции до долины реки Моравы и по этой долине до Дуная и далее по Дунаю в Южную Венгрию и Австрию. По нему велась торговля Турции, Греции и других прилежащих областей с Австрией, а также торговля самой Сербии с Австрией и Венгрией.

По сухопутным торговым путям Сербия вела обмен с Болгарией, Румелией, Боснией и Словенией; по воде (по Дунаю) — с Банатом, Малой и Большой Валахией, Болгарией и Бессарабией.

При Милоше в Сербии насчитывалось 17 таможен, из которых белградская приносила больше всего доходов, так как Белград был в те годы центром по ввозу колониальных, ремесленных и промышленных товаров¹⁹. Белградский паша держал в своих руках только белградскую таможню. Милош откупил у него за 25 тыс. левов в год таможни на р. Саве (Митровицкую, Шабацкую и Остружницкую) и на Дунае (Вышницкую, Смедеревскую, Дубравицкую, Раменскую и Молдавскую)²⁰. Через эти таможни вывозились в основном скот и продукты земледелия. Белградская таможня была передана сербам в ноябре 1833 г.²¹.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 387—388; т. 3, стр. 358—359.

¹⁵ D. Milić - M iljković. Ibid., s. 335; Љ. Протић. Там же, стр. 15.

¹⁶ Д. Вуловић. Кнежева канцеларија. Нахија Пожешка. 1815—1839. Београд, 1953, стр. 372.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 492.

¹⁸ В. Стојанчевић. Милош Обреновић његово доба. Београд, 1966, стр. 164.

¹⁹ Н. Вучо. Распадање еснафа у Србији. Књига прва. Београд, 1954, стр. 179.

²⁰ АВНР, ф. Посольство в Константинополе, 1830, д. 490/4, л. 104.

²¹ Д. Поповић. Београд кроз векове. Београд, 1964, стр. 393.

Таким образом, к середине 30-х годов XIX в. в руки сербов постепенно перешла вся экспортная, импортная и транзитная торговля. В 1835 г. весь оборот внешней торговли Сербии (экспорта, импорта и транзитной торговли) составлял около 15 млн динаров²².

Благодаря тому что Сербия была расположена на путях торговли Турции с европейскими странами, большую роль для нее, как отмечал Ф. Энгельс, всегда играла транзитная торговля²³. Она способствовала вовлечению в торговый оборот товаров, производившихся сербскими крестьянами и ремесленниками. Главное место в этой торговле занимал транзит товаров, шедших из Константинополя и европейских областей Турции (в первую очередь Румелии) в Австрию и обратно. Немалое значение для Австрии имела транзитная торговля через Сербию по Дунаю и Саве²⁴. Из Белграда отправлялись в Земун (в Австрию) хлопчатая бумага, рис, кофе, шелк, пряности, красители, медикаменты и др. товары²⁵.

Основные внешнеторговые сделки заключались на ярмарках и в пограничных пунктах (сухопутных и речных).

Характеризуя организацию внешней торговли в Сербии, секретарь Милоша Д. Давидович в письме от 14 июля 1830 г. русскому послу в Константинополе писал: «В Белграде есть одно незначительное консульство, которое Милош на имя своего брата Ефрема навсегда откупил. Посредством его все товары, вывозимые из Турции в Австрию, отправляются как бы в роде коммиссионерства»²⁶.

Важнейшими статьями экспорта Сербии были скот, продукция скотоводства, продовольствие, продукты земледелия и разное сырье. Главное место в экспорте занимал скот и, в первую очередь, свиньи. В Австрию ежегодно вывозилось 250—300 тыс. голов свиней по цене от 5 до 8, а иногда и до 30 талеров за пару²⁷. В 1828 г. за вывезенные в Австрию 225 тыс. свиней Сербия получила 7 млн грошей дохода²⁸. Не отказывался Милош и от продажи диких свиней (кабанов) в Земун, что подтверждается документом от 29 января 1822 г.²⁹.

Значительное, хотя и далеко уступающее торговле свиньями место занимала торговля крупным рогатым скотом и, в меньшей степени, овцами и козами. Большая часть крупного рогатого скота вывозилась в Австрию и меньшая — в Турцию, а овцы и козы шли в основном на экспорт в Турцию. Так, по неполным данным в Австрию в 1825—1833 гг. была вывезена 47 251 голова крупного рогатого скота³⁰. Турки в больших размерах закупали этот скот для своих войск. 24 марта 1826 г. А. Симич писал Милошу о закупке белградским визирем волов в Сербии на султанские деньги³¹. Капитан русского Генерального штаба А. С. Розальон-Сашальский, побывавший в 1830—1831 гг. в Сербии, также сообщал о закупке в 1830 г. адрианопольским Гуссейн-пашою 4 тыс. голов крупного рогатого скота на сумму в 360 тыс. пиастров³².

²² М. Б е р и й. Привредна историја Срба. Београд, 1931, стр. 23.

²³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 9, стр. 35.

²⁴ Этому вопросу посвящена статья М. К о с т и ч а «О дунавско-савској трговини, лађама, лађарима и лађарским цеховима».

²⁵ ЦГВИА, ф. 439, оп. 1, д. 6, л. 85.

²⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1830, д. 490/4, л. 104.

²⁷ ЦГВИА, ф. 439, оп. 1, д. 4, л. 19.

²⁸ D. M i l i ć - M i l j k o v i ć. Ibid., s. 193.

²⁹ Државни архив Социјалистичке Републике Србије (далее ДАСРС), ф. Београдски конзулат, $\overline{\text{KK}}$ II-600, л. 10б.

³⁰ D. M i l i ć - M i l j k o v i ć. Ibid., s. 203—204.

³¹ ДАСРС, ф. Београдски конзулат, $\overline{\text{KK}}$ VII-338, л. 1.

³² ЦГВИА, ф. 439, оп. 1, д. 6, л. 84.

Что же касается овец и коз, то также, по неполным данным, их вывоз в Турцию и Австрию составил в 1818—1833 гг. 29 937 голов ³³.

Сербия как скотоводческая страна вывозила также кожи, шерсть, сало, масло, рога. Вывоз кож, направлявшийся в основном в Австрию, по своей стоимости часто занимал второе место после вывоза скота и превышал 250 тыс. штук (главным образом овечьих, ягнячьих и козлиных кож) в год ³⁴.

Продукция пчеловодства (мед и воск) также занимала во внешней торговле страны видное место. Мед вывозился примерно в одинаковых количествах в Австрию и Турцию. Так в 1835 г. Австрия импортировала из Сербии около 250—300 тыс. ока меда и 88 ока воска ³⁵.

Основу для торговли продуктами земледелия составляли кукуруза, ячмень и пшеница. Вначале эта торговля была развита слабо, но с течением времени положение изменилось. В первые годы после победы Второго сербского восстания пшеницу и пшеничную муку ввозили в Сербию из Баната ³⁶. Однако к концу 30-х годов XIX в. Сербия стала сама торговать пшеницей, которую в основном стали возделывать в плодородных краях Посавины. Однако в рассматриваемый период в торговле зерновыми главное место занимала кукуруза, которую крестьяне обычно сдавали в счет десятины. Ею торговали все турки, начиная от белградского визиря, спахии и др. Так, в 1832 г. в пяти нахиях Сербии из десятины зерном за 1831 г. было продано 877 462 ока кукурузы, 144 857 ока пшеницы и 75 364 ока ячменя и овса ³⁷.

Если в торговле кукурузой ведущее место занимал Милош, то в торговле пшеницей наиболее крупным кушцом был один из его компаньонов капитан Миша Анастасиевич. Он закупал пшеницу вблизи судоходных рек, грузил ее на суда и отправлял в Белград. Например, однажды он перевез 3 млн ока пшеницы в низовья Дуная ³⁸.

Однако и сам Милош в крупных размерах торговал мукой, пшеницей и ячменем. Имеются данные о продаже им 10 тыс. ока пшеничной муки 6 декабря 1823 г. ³⁹. Еще в больших размерах продавался ячмень, и в частности, белградскому визирю. Так, 18 июня 1830 г. А. Симич писал Милошу о продаже визирю 100 тыс. ока ячменя ⁴⁰. Из продуктов садоводства в Австрию и Турцию вывозились фрукты и сливовая водка (ракия). Лесные материалы экспортировались в виде дров и строительных материалов в Австрию и Южную Венгрию, дрова поставлялись турецкому войску в Сербии.

Кроме того, за границу вывозились дубовые желуди (для откорма свиней) и смола. Важное место в экспорте занимали желуди. В 1834—1835 гг. их ежегодный вывоз составлял около 1 млн ока и занимал в списке экспортных товаров седьмое место (после вывоза свиней, рогатого скота, шерсти, воска и сала) ⁴¹.

За границу вывозились также рыба, пивявки (для медицинских целей), черепахи и некоторые другие товары (преимущественно продукты охоты,

³³ D. M i l i ć - M i l j k o v i ć. Ibid., s. 205—206.

³⁴ Ibid., s. 210.

³⁵ Ibid., s. 212.

³⁶ Т. Р. Ђ о р њ е в и ћ. Из Србије кнеза Милоша. Културне прилике од 1815 до 1889. Београд, 1922, стр. 3.

³⁷ Д. В у л о в и ћ. Там же, стр. 339.

³⁸ В. С т о ј а н ч е в и ћ. Кнез Милош и Источна Србија. Београд, 1957, стр. 143.

³⁹ ДАСРС, ф. Кнежева канцеларија, $\frac{KK}{VII-III}$, л. 1.

⁴⁰ Там же, ф. Београдски консулат, $\frac{KK}{VII-682}$, л. 1.

⁴¹ D. M i l i ć - M i l j k o v i ć. Ibid., s. 219.

рыболовства, лесного хозяйства). Экспорт занимал ведущее место в торговом обороте Сербии вплоть до начала XX в. Надо также отметить, что экспорт вообще и, особенно, экспорт продуктов сельского хозяйства имел большое значение в развитии внутреннего рынка в Сербии ⁴². Характерной чертой внешней торговли страны являлся огромный перевес экспорта над импортом. Ежегодно Сербия выручала за продажу скота и сырья около 1 млн талеров и только одну треть этой суммы тратила на покупку за границей разных товаров ⁴³.

В импорте Сербии главное место (и по стоимости, и по объему) занимал ввоз соли. Милош установил монополию на ввоз соли, составлявший около 10 млн ока в год ⁴⁴. В архивах Югославии есть немало документов, говорящих о больших размерах этой торговли. Так, 7 июня 1819 г. Г. Попович писал Милошу о закупке для него 1 тыс. ока соли в Нови Саде ⁴⁵. Имеются документы и за более поздние годы, в частности, за 1828 г. В них говорится о закупке Милошем соли у разных лиц, в том числе судна с солью у одного турка ⁴⁶. Однако большая часть соли ввозилась из Валахии. Имеются, например, сведения о договоре бухарестского банкира барона Мейтана о поставке им в 1829 г. Милошу 6 млн ока соли из соляных рудников в Валахии ⁴⁷. На ввоз остальных товаров монополии Милоша не существовало, поскольку они не давали таких доходов, какие давала сербскому князю торговля солью.

Во ввозе товаров из-за границы в Сербию ведущую роль играли городские торговцы, которые закупают товары за границей сами или через своих компаньонов и помощников. Затем эти товары продавались мелкими торговцами-лавочниками. Центром импортной торговли являлся Белград. Для закупки товаров сербские торговцы направлялись на рынки Австрии, Венгрии и различных областей Турции. Импортируемые товары транспортировались по Дунаю и Саве, а также по сухопутным путям. Импорт Сербии сводился в основном к промышленным и «колониальным» товарам (текстиль и металлические изделия). В архивных документах есть данные о закупках в Земуне (в Австрии) железа ⁴⁸ и пшеницы в Валахии ⁴⁹. Из Австрии ввозились также сукна, бумажные и шелковые изделия, полосовое железо и изделия из него, хорошая глиняная посуда, стекло, веревки и другие промышленные товары ⁵⁰. Экспорт из Боснии составляли железная и медная посуда, оружие, ножи, седла и сбруя, доски и строевой лес ⁵¹.

Другой характерной чертой сербского импорта являлся относительно слабый рост его как по стоимости, так и по ассортименту. Объяснялось это тем, что ремесло и промышленность Сербии в основном удовлетворяли нужды населения городов и сел. В селах к тому же было широко развито

⁴² В. Г. Карасев. Основные черты социально-экономического развития Сербии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. В кн. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. V, М., 1952, стр. 227.

⁴³ ЦГВИА, ф. 439, оп. 1, д. 6, л. 85 об.

⁴⁴ D. Milić - Miljković. Ibid., s. 225.

⁴⁵ ДАСРС, ф. Београдски конзулат, $\frac{KK}{II-128}$, л. 1.

⁴⁶ Там же, $\frac{KK}{VII-498}$, л. 1.

⁴⁷ ЦГАДА, разряд 15, оп. 1, д. 702, л. 38.

⁴⁸ ДАСРС, ф. Кнежева канцеларија, $\frac{KK}{VII-85}$, л. 1.

⁴⁹ Там же, ф. Београдски конзулат, $\frac{KK}{VII-442}$, л. 1.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 439, оп. 1, д. 6, л. 85.

⁵¹ Там же, л. 85 об.—86.

домашнее производство, удовлетворявшее потребности крестьян в одежде, обуви и других бытовых предметах.

В 20—30-х годах XIX в. уже существовали широкие экономические связи Сербии в первую очередь с Австрией и Венгрией и различными областями Турции. В самой Сербии постоянно росло число сербских и иностранных торговцев, которые вели заграничную торговлю. Так, если в 1815 г. в стране имелся всего один такой торговец, то в 1833 г. их было уже 61 человек⁵².

Характерной специфической чертой торгового обмена между Сербией и Австрией было то, что в нем доминирующее место занимал обмен между сербской деревней и австрийским городом, уже вставшим на путь капиталистического развития.

В связи с этим представляется обоснованным положение, что развитие капиталистического уклада в отсталой аграрной Сербии следует искать не только на путях создания единого национального рынка, но и в интенсивных экономических связях с более развитой в промышленном отношении Австрией, для которой Сербия, несмотря на государственную разграниченность, играла роль аграрно-сырьевого придатка. Это положение подтверждается и последующим экономическим развитием Сербии на протяжении значительной части XIX в., уже после окончательного утверждения в стране капиталистических отношений⁵³.

«...Внешняя торговля и мировой рынок, — указывал К. Маркс, — являются как предпосылкой, так и результатом капиталистического производства»⁵⁴. Первая часть этой формулы находит яркое подтверждение в развитии торгового обмена Сербии с зарубежными странами в период зарождения в ней капиталистического производства.

И еще одна особенность характеризует обстановку в сербской торговле того времени. Во всей торговле страны как внутренней, так и особенно внешней главную роль играл князь Милош. Как уже упоминалось выше, Милош сосредоточил в своих руках самые доходные статьи сербской торговли, а именно торговлю свиньями, крупным рогатым скотом, кожами, кукурузой. Он монополизировал ввоз соли в Сербию. В 1829 г. Милош имел около 10 млн грошей капитала и получал ежегодно от торговли от 1 до 2 млн грошей⁵⁵. Вскоре он стал самым богатым человеком в Сербии. В истории сербского общества первой половины XIX в. он являлся одним из самых крупных представителей первоначального накопления и первых капиталистов вообще⁵⁶. Из-за различных условий и ограничений, введенных Милошем, вывозом занималось мало торговцев. Так, в 1820 г. во всей стране насчитывалось только 56 таких торговцев⁵⁷. Большинство их к тому же являлось компаньонами князя. Наряду с Милошем вели торговлю городские и сельские торговцы, чиновники, старейшины, богатые крестьяне.

В экономике Сербии еще не существовало резкой специализации, и потому кроме профессиональных торговцев торговлей занимались весьма различные по своему положению люди: ремесленники, крестьяне, а также многие чиновники, судьи и даже священники.

Сербские торговцы в своем большинстве являлись выходцами из деревень и вначале по своему образу жизни мало отличались от крестьян. Это часто были в прошлом зажиточные крестьяне, которые переселялись

⁵² D. Milić - Miljković. Ibid., s. 335.

⁵³ В. В. Зеленин. Социально-экономические отношения в Сербии в период Первого сербского восстания (1804—1813). Автореферат диссертации. М., 1959, стр. 15—16.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. III, стр. 262.

⁵⁵ D. Milić - Miljković. Ibid., s. 292.

⁵⁶ В. Стојанчевић. Милош Обреновић и његово доба, стр. 469.

⁵⁷ М. Ђерић. Там же, стр. 22.

в города и местечки, особенно расположенные по берегам Дуная и Савы, — Смедерево, Пожаревац, Остружницу, Шабац и другие. Заселение городов и *городков сербским населением*⁵⁸ дало возможность сербскому капиталу влиться и в городскую торговлю. Уже в 1833 г., по словам Дмитрия Тирола, некоторые белградские торговцы имели по 200—300 тысяч грошей. Особенно разбогатели торговцы свиньями⁵⁹. В конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. в Сербии, как в деревне, так и в городе, возникает довольно многочисленная прослойка мелкой и средней торговой буржуазии. Сербские торговцы начинают вытеснять из внешней и внутренней торговли греческих и еврейских торговцев и цинцар.

В. И. Ленин отмечал, что характерной чертой капитализма является «возникновение капитала, особенно торгового»⁶⁰. Именно такой процесс проходил в 20—30-х годах XIX в. в Сербии, и югославский историк Н. Вучо справедливо указывает на решающую роль торгового капитала при переходе от феодализма к капитализму в Сербии⁶¹. Напомним, что К. Маркс подчеркивал «преобладающее влияние, какое он (торговый капитал. — С. В.) имел в первый период переворота в феодальном производстве, в период возникновения современного производства»⁶².

Однако патриархально-деспотическое абсолютистское правление Милоша тормозило быстрое развитие товарно-денежного хозяйства и торгового капитала⁶³. Низкий уровень развития торгового капитала в Сербии был причиной того, что он в течение длительного времени выступал в форме торгово-ростовщического капитала. А «торговый и ростовщический капитал, — указывал В. И. Ленин, — есть необходимый момент в развитии капиталистического общества»⁶⁴.

Поскольку торговля в процессе экономического развития страны занимала важное место, то ей и принадлежала большая роль в становлении капиталистических отношений в сербском обществе XIX в. и в формировании сербской буржуазии.

⁵⁸ В период турецкого господства в городах Сербии преимущественно жили мусульмане.

⁵⁹ Д. Поповић. Там же, стр. 397.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 240.

⁶¹ Н. Вучо. Привредна историја народа ФНРЈ до преог светског рата. Београд, 1948, стр. 263.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, стр. 370.

⁶³ Д. Вуловић. Там же, стр. V.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 406.

С. А. ШЕРЛАИМОВА, В. А. ХОРЕВ

К СПОРАМ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

В сегодняшних дискуссиях о характере развития и перспективах мировой литературы центральное место по праву занимает проблема социалистического реализма как первостепенного фактора мирового литературного процесса XX века. При этом большинство исследователей приходит к выводу, что такие важнейшие теоретические проблемы, как генезис социалистического реализма, его соотношение с другими художественными течениями, его сущность как принципиально новой эстетической системы, невозможно решать на материале одной национальной литературы, что необходимо в полной мере учитывать интернациональный опыт социалистического литературного движения. Самого пристального внимания заслуживает в этой связи опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности — славянских стран, где уже в межвоенный период возникли и успешно развивались революционные литературы.

Для общей теории социалистического реализма имеет большое значение как анализ становления национальных социалистических литератур в специфических условиях той или иной страны, позволяющий выявить все многообразие форм социалистического реализма, так и изучение наследия марксистской критики, которая на разных этапах отстаивала принципы новой литературы. Многие из тех вопросов, по которым идет дискуссия и сегодня, были предметом размышлений марксистских критиков и пролетарских писателей уже в начале нашего века, особенно в 20—30-е годы. И принципиально важно проследить, как в теории и практике выкристаллизовывалось понимание социалистического искусства.

Ощутимое воздействие социалистических идей на литературу и первые попытки подойти к проблемам искусства с революционно-пролетарских позиций имеют место в этих странах, особенно в Болгарии и Польше, уже в 80—90-е годы прошлого века. В Польше проблематика литературы и искусства нашла широкое освещение в трудах виднейших марксистов — руководителей СДКПиЛ — Ф. Э. Дзержинского, Р. Люксембург, Ю. Мархлевского. Их работы, в которых они во многом приближались к ленинским решениям философско-эстетических вопросов, подготовили почву для позднейшего усвоения польской революционной интеллигенцией ленинских концепций в области культуры. Польскими марксистами в начале века была выдвинута широкая программа развития реалистического искусства, опирающаяся на прогрессивные национальные традиции.

Подлинный размах процесс формирования новой революционной литературы и марксистской литературной критики получает в зарубежных славянских странах под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции и нового подъема революционного движения во всем мире. Определяющая тенденция этого процесса связана с принципом партийности литературы.

Учение В. И. Ленина о партийности литературы, впервые, как известно, изложенное в его статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), предполагает единство прежде всего двух основных аспектов понимания литературы, включая в себя как высокую партийную принципиальность и бескомпромиссность, рассмотрение литературы как составной части планомерной объединенной партийной работы, так и отрицание шаблонного отождествления литературного дела с другими частями общепролетарского дела, т. е. внимание к специфике литературы.

Ленинская статья обобщила опыт организации литературного дела, который накопила к тому времени партия русского пролетариата и русская марксистская литературная критика. Но она имела и более широкий смысл. *В этой статье Ленин сформулировал основную закономерность развития социалистической литературы.* Эта закономерность проявляется в развитии всех социалистических литератур мира.

Всеобщее значение открытого Лениным принципа партийности литературы подтверждает и анализ формирования марксистской критики в зарубежных славянских странах.

История марксистской литературной критики XX века — это по сути дела история утверждения в ней принципа партийности литературы в ленинском его понимании, история, которая насчитывает несколько десятилетий упорных поисков, порой — драматических столкновений, острых дискуссий и самоотверженного творческого труда. Изучение этой истории ясно показывает, что марксистская критика может успешно выполнять свою высокую функцию лишь овладев принципом партийности литературы в единстве в с е х указанных Лениным моментов, в противном случае возникает опасность односторонности и серьезных ошибок.

На определенном этапе становления марксистской критики имели место, например, тенденции недооценки специфики литературы, тенденции шаблонного подхода к литературному делу, против чего предупреждал Ленин. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые работы болгарских и польских критиков 20-х годов.

Борьба с вульгарным социологизмом, со всякого рода упрощенчеством выступает в истории марксистской критики как закономерность ее формирования, как показатель ее зрелости.

В истории марксистской критики можно отметить и ошибочные теории иного характера. Некоторые чешские критики-коммунисты 20-х годов, исходя из тезиса о специфике литературы, начинали эту специфику абсолютизировать, отделяли литературу от партийной деятельности и настаивали на том, что единственно революционным искусством современности является «чистая поэзия». Такая позиция обрекала марксистскую критику на самоликвидацию, на полное растворение в «беспартийном» авангардизме.

Наибольших достижений марксистская критика зарубежных славянских стран добилась в 30-е годы, которые в целом характеризуются возрастанием ее теоретического и профессионального уровня. В этот период марксистская критика обобщает уже накопленный опыт развития революционной литературы, приступает к осмыслению ее специфических черт, к определению ее метода. В 20-е годы критики, публицисты и писатели обращались преимущественно к ленинским работам по общим вопросам марксистской теории и революционной практики. Теперь марксистская критика славянских стран овладевает богатством философской мысли, заключенным в ленинском труде «Материализм и эмпириокритицизм», глубоко изучает ленинскую критику пролеткультовских ошибок, учение Ленина о связи классово-пролетарского и общенародного, о партийности литературы.

В 30-е годы критики-марксисты создают такие фундаментальные труды по общим проблемам эстетики, как «Теория отражения» и «Общая теория искусства» Т. Павлова, ведущего представителя болгарской марксистской критики и эстетической мысли 30-х годов. Появляются такие серьезные историко-литературные работы, как «Чешская литература XX века» Б. Вацлавека — выдающегося чешского литературоведа-марксиста, как «Социальная родословная польской литературы» и «Двадцать лет польской литературы» И. Фика, видного польского марксистского критика.

Опираясь на ленинское учение о партийности литературы, критики-марксисты смогли творчески подойти к разработке проблемы метода новой революционной литературы. Большую роль здесь сыграл Первый съезд советских писателей, выдвинувший программу социалистического реализма. В определении социалистического реализма, принятом съездом, подчеркивалось, что он обеспечивает «художественному творчеству исключительную возможность проявления творческой инициативы, выбора разнообразных форм, стилей и жанров». Как правильно отмечает современный польский исследователь М. Стемпень, съезд советских писателей «ускорил созревание критической мысли во многих странах, в том числе и в Польше», выдвинул широкую идейно-художественную платформу; принятая им «программа социалистического реализма вывела революционную литературу из тупика пролеткульта и литературы факта»¹.

У зарубежных славянских критиков-марксистов в 30-е годы в самом определении метода новой литературы не было полного единства. Чехословацкие критики Б. Вацлашек, Э. Уркс, К. Конрад, Ю. Фучик, Л. Штолл, так же как и их болгарские соратники Т. Павлов и Г. Бакалов, использовали принятое в советской критике определение — «социалистический реализм». Польские критики И. Фик, Д. Хопенштад, С. Бачинский, П. Хоффман склонны были считать, что это определение в полной мере относится к литературе страны победившего социализма, а применительно к Польше точнее говорить о «пролетарском реализме» либо о «литературе социалистического метода в подходе к действительности». В югославских литературах новое течение, возникшее в самом конце 20-х годов, получило название «социальной литературы» или «социального реализма». В программном и теоретическом осмыслении метода новой литературы сказывалась национальная специфика общественно-политической ситуации в каждой стране (не последнюю роль играла, например, степень жесткости цензуры), но было и много общего в главных, принципиальных моментах, что позволяет говорить о разработке основ нового метода в марксистской критике как об общем процессе.

Одним из центральных вопросов, решавшихся марксистской критикой в 30-е годы, был вопрос об отношении социалистического реализма к другим художественным течениям, вопрос, не потерявший своей остроты и сегодня. Критики-марксисты исходили из того, что художников социалистического реализма объединяют не формальные признаки, а борьба за новые общественные отношения; новая, социалистическая концепция мира и человека. Марксистская концепция литературы складывалась в тесной связи с теорией общественного развития и вытекала из общих принципов научного социализма. Пролетарская литература и критика являлись частью общего фронта революционной борьбы. Концепция нового метода предусматривала широкий диапазон художественных стилей и исканий,

¹ М. С т е м п е н ь. Первый съезд советских писателей в передовой польской критике 30-х годов. В сб.: Революционная литература Польши 20—30-х годов. М., 1962, стр. 102.

категорический отказ от жесткой регламентации художественных приемов, которая была весьма характерна для различных авангардистских течений XX века. Это признавали даже идейные противники пролетарской литературы. Например, польский буржуазный критик Л. Помировский так писал о понимании марксистской критикой новой литературы: «Для того, чтобы стать пролетарским писателем, нужно вначале принять en bloc общие принципы марксизма, касающиеся экономической, общественно-политической, культурной жизни. Тем именно и отличается пролетарская литература от других литературных направлений, что мировоззрение, а не общность формы и стиля, решает вопрос о принадлежности к ней: помещается в ней как бывший футурист Бруно Ясенский, так и „скамандрит“ по форме, „традиционалист“ Владислав Броневский».

Критики-марксисты приветствовали открытие революционными писателями новой действительности, нового героя, противостоящего «гниющему болоту буржуазного аморализма», и связывали с этим вывод о новом, социальном гуманизме пролетарской литературы.

Еще в начале 20-х годов наиболее проникательные представители нового революционного течения в литературе высказывали мысль о необходимости для него реалистического подхода к действительности. Так И. Волькер в 1922 г. противопоставлял пролетарское искусство абстрактному романтизму, который, «поместив высшую идею счастья вне возможностей этого мира, укоренился в пессимизме». «Предметом нашей веры, — писал юный пролетарский поэт, — является не бог и не боги, а человек и мир. Средневековье страстно верило в абстракцию. Мы страстно верим в конкретность. Новое искусство будет поэтому реалистическим»². Но в то же время в творчестве самого Волькера было отчетливо выражено романтическое начало, Волькеру принадлежат слова о том, что его представлению о пролетарском искусстве чешский романтик К. Я. Эрбен, по примеру которого Волькер обратился к жанру баллады, ближе «чем Иван Голл или даже Аполлинер». Характерно, что при этом он не видел противоречия между обращением к творчеству поэта-романтика и требованием реализма нового искусства, сознавая, очевидно, что новое революционное искусство может и должно широко использовать передовые национальные традиции. Именно такая точка зрения утвердилась в марксистской критике в 30-е годы.

Особо стоял вопрос об отношении социалистического реализма к авангардистским течениям. Известно, что в 20—30-е годы многие крупные писатели левой политической ориентации, в том числе и ряд писателей-коммунистов, примыкали к различным авангардистским группировкам, отстаивали авангардистские концепции, рассматривая их как революционный путь развития искусства. По отношению к этим тенденциям марксистская критика допускала порой колебания — от полного их отрицания (как «буржуазно-декадентских») до капитуляции перед ними (некоторые чешские критики середины 20-х годов), но со временем пришла к выводу о необходимости сочетать бескомпромиссную критику авангардистских теорий с чутким дифференцированным подходом к творчеству писателей-авангардистов. Факты говорят о том, что художники, разделявшие революционные взгляды в политике, не могли в области искусства долго оставаться на позициях «чистой лирики». «Экспериментаторство, поиски новых способов экспрессии вырождались в поиски трюков... Формализм — общая основа, на которой встречались все, грозил пустотой», — подводил итоги польского футуризма в 1930 г. А. Ваг. Не случайно решительно порвал с авангардизмом такой значительный революцион-

² J. W o l k e r. Próza a divadelny hry. Praha, 1924, s. 233, 234.

ный польский поэт, как Б. Ясенский, являвшийся лидером польских футуристов. Крупнейший представитель чешского поэтизма и сюрреализма В. Незвал даже в период своих самых шумных отречений от тенденциозного искусства создал ряд произведений с яркой революционной тенденцией.

Показателем зрелости марксистской критики 30-х годов был высокий уровень полемики, которую она вела с авангардистскими концепциями и идеалистической эстетикой. Можно здесь сослаться на спор, который вели в Югославии сторонники «социальной литературы» с левыми сюрреалистами. Подвергая критике сюрреалистские теории, они в то же время применяли по отношению к их сторонникам тактику «открытых дверей», давали им возможность печататься в своих журналах, привлекали к совместным выступлениям как против политической, так и против литературной реакции. В итоге большая часть левых сюрреалистов порвала с этим течением. В Чехословакии сторонники социалистического реализма вели плодотворные споры с чешскими сюрреалистами. Полемика К. Конрада с главой пражского литературного структурализма Я. Мукаржовским способствовала переходу этого крупного ученого на позиции исторического материализма.

В Польше И. Фик в исследовании «Авангард и авангардисты» дал глубокий анализ авангардизма и выявил содержание, вкладываемое в этот термин представителями различных литературных групп. Он отверг несостоятельные претензии формалистов, считавших единственной задачей писателей развитие литературной техники и выдававших себя за революционеров в искусстве. «Подлинный авангард,— писал Фик,— связан с общественным движением, и это является его социальной детерминантой. Новая общественная ситуация вызывает новую организацию человеческих реакций, и это является источником психологических открытий. Наконец, новое содержание требует новых, не искажающих его средств выражения, и здесь открывается поле изобретательности в области художественной экспрессии».

В то же время Фик не отвергал с порога художественных исканий авангарда, он тщательно анализировал те элементы в его программе и творческой практике, которые не имели прямого идеологического звучания, но опосредованно отражали «разрыв с пустым пафосом, размазанным сентиментализмом, мистикой, и в то же время требование рационального подхода к миру», «подчеркнутое требование художественной структуры, продуманной и целесообразной во всех частях». В этой связи Фик видел возможность использовать опыт художников авангарда в строительстве новой эстетики и новой литературы.

Главным в концепции социалистического реализма было выдвижение перед искусством больших общественных целей, принцип верности марксистскому мировоззрению и социалистическим идеалам. «Под пролетарской литературой,— писал И. Фик,— можно понимать единственно и исключительно такую литературу, которая сознательно и целеустремленно участвует в реализации поставленных пролетариатом задач, касающихся ликвидации общественной несправедливости, уничтожения классового строя, проведения общественной перестройки в соответствии с социалистической идеологией, являющейся программой и убеждением борцов за новое, лучшее устройство мира». Важнейшим моментом было требование глубоко изучать и правдиво отражать действительность. И если произведение соответствовало этим основополагающим требованиям, то критиков-коммунистов 30-х годов несколько не смущало наличие в нем «авангардистских» либо сходных с ними стиливых особенностей, собственных творческой индивидуальности того или иного художника.

В дискуссиях 30-х годов критики-марксисты последовательно отстаивали реализм от нападков на него теоретиков сюрреализма, католических писателей и т. д. Вместе с тем теоретики социалистического реализма выступали против регламентации художественных приемов, против нормативности в области формы и в тематике произведений — за яркое творческое дерзание. В 1937 г. С. К. Нейман писал: «Неправда, что нам может прийти по вкусу только определенное содержание. Наоборот, перед писателем-социалистом лежит вся объективная действительность почти в девственном состоянии». И далее: «Неправда и то, что мы можем предписывать социалистическому искусству форму, некий „изм“ ... Социалистический реализм — пока всего лишь указание, всего лишь предупреждение против декадентских форм буржуазной эпохи. Конечно, социалистическая разработка содержания должна быть только реалистической, но реалистической в самом широком смысле слова, представляющей огромную свободу форме»³. Чехословацкий критик К. Конрад неоднократно повторял мысль о том, что «... если только автор не теряет путеводной нити диалектического материализма, пролетарский реализм предоставляет ему полную свободу художественной деформации, художественного воплощения». Но с тем большей силой критик настаивал на высоком художественном качестве новой литературы. «Наш социалистический реализм, — писал он, — хочет быть искусством богатым — богатым ненавистью и страстным протестом, богатым прежде всего д е й с т в и е м. Ибо он есть искусство активное, изменяющее мир — но лишь в том случае, если он — п о д л и н н о е и с к у с с т в о»⁴. Большой заслугой критиков-марксистов 30-х годов была организация ими широкого антифашистского фронта прогрессивной культуры, которая стала возможной лишь благодаря их несектантскому, недогматическому подходу к искусству и его творцам, лишь благодаря ее высокому и заслуженному авторитету.

Теория социалистического реализма формировалась, таким образом, в борьбе на два фронта: с авангардистскими концепциями «чистого искусства» и с догматическими сужениями понятия социалистического реализма. На разных этапах этого процесса менялась интенсивность этой борьбы, но по сути дела она всегда оставалась актуальной.

В конце 40-х — начале 50-х годов в Польше и Чехословакии дали о себе знать тенденции упрощенно-догматического толкования социалистического реализма. Уже в середине 50-х годов они были подвергнуты резкой критике, однако скоро обнаружилось, что от верной исходной посылки — исправления прежних ошибок многие критики очень скоро перешли к кардинальному пересмотру вообще всей эстетической концепции современной литературы. Немалую роль сыграла здесь острота происходившей в этих странах идеологической борьбы, вне влияния которой не могла остаться ни литература, ни литературная критика.

По отношению к 30-м годам мы говорили о том, что наличие в марксистской критике разных терминов для обозначения метода революционного искусства («социалистический реализм», «пролетарский реализм», «социальный реализм» и т. д.) не меняло существа дела, поскольку речь шла о разработке единого метода. В 60-е годы мы наблюдаем нечто обратное: даже вроде бы незначительное изменение термина оказывается симптомом начинающейся ревизии революционных традиций литературы.

Так, в чехословацкой печати с начала 60-х годов взамен термина «социалистический реализм» стал все чаще употребляться термин «социалистиче-

³ С. К. Нейман. Избранное. М., 1958, стр. 580—581.

⁴ К. К о н р а д. Ztvárněte skutečnost. Praha, 1963, s. 254.

ское искусство», как якобы более широкий и способный охватить не только социалистический реализм, который поначалу еще признавался ведущим методом, но и другие художественные методы, базирующиеся на социалистической мировоззренческой основе. Однако с течением времени социалистическому реализму в этих «широких» рамках отводилось все более скромное место, он объявлялся схематичным, художественно себя исчерпывавшим и способным существовать лишь за счет отхода от принципа партийности литературы и основательных авангардистских инъекций. По сути дела речь шла вовсе не о завоевании простора для творческого поиска, связанного с борьбой за многообразное и яркое воплощение высоких социалистических идеалов, а об утверждении «социалистического» искусства без социалистической идейности, об отказе от революционной традиции национальной и мировой литературы, связанной прежде всего с боевым, наступательным социалистическим реализмом 30-х годов.

Об этом, глубоко поразившем чехословацкую литературу процессе с горькой иронией писал в журнале «Творба» В. Достал — один из немногих чешских литераторов, сохранивших верность принципам марксистской эстетики и в ту пору, когда она в Чехословакии, мягко выражаясь, была не в моде. Приведем выдержку из его статьи «Судьбы социалистического реализма у нас»: «Постулат социалистического реализма постепенно исчезал как из официальных документов (что не было бы еще очень большим гандикапом), так и из партийной печати (а тут уже начинало попахивать кладбищем). В предыдущем предложении надо подчеркнуть слово „постепенно“. Отступление стремились проводить как можно незаметнее. Вместо „профанированного“ и „дискредитированного“ социалистического реализма начали поэтому употреблять более компромиссный термин „искусство социалистическое и реалистическое“ (о если бы сегодня добровольно объявился изобретатель этого понятия!). Волк должен был насытиться, а коза остаться целой (как вообще в Чехии принято). Но только волк не пожелал удовольствоваться такой диетой и требовал более основательной пищи. Поэтому примирительный термин начал постепенно исчезать и говорилось уже только о „социалистическом искусстве“, в бездонный мешок которого могло войти уже все, что угодно, особенно если его держали в руках соответствующие люди. Но и на этой линии отступление не остановилось. Защитить Дюнкерк было невозможно. Опустошенный лозунг социалистического искусства был потихоньку заменен постулатом авангардности, то есть понятием еще менее определенным, еще более противоречивым и проблематичным. Но в конце концов и авангардность вышла из моды и настал вожделенный миг неограниченной „творческой свободы“. И сейчас же стало ясно, для кого именно. Более наглядный урок невозможно себе представить»⁵. Повторим вместе с Досталом: более наглядный урок невозможно себе представить.

Единственная подлинно социалистическая литература нашего времени — это литература социалистического реализма. Термины «социалистическая литература», «социалистическое искусство», по нашему мнению, вполне могут употребляться как описательное обозначение литературы социалистического реализма. Но расщепление этих терминов неизбежно влечет за собой теоретическую путаницу, утрату критериев нового искусства, что при определенных условиях может явиться (как это случилось в Чехословакии) базой для ревизии социалистического пути в культуре.

Мы далеки от мысли, чтобы ставить на одну доску всех литературо-

⁵ «Tvorba», 1971, № 23, с. 10.

ведов и критиков, разъединяющих понятия «социалистический реализм» и «социалистическая литература». Многие из них руководствуются самыми благими намерениями, но неточность жестоко мстит за себя. И из уроков, о которых говорилось выше, надо было бы сделать выводы.

Термин «социалистический реализм» после длительного перерыва вновь занял подобающее ему место в партийных документах по вопросам культуры на XIV съезде Коммунистической партии Чехословакии. О поддержке социалистического реализма говорил в отчетном докладе ЦК КПЧ Г. Гусак. В Резолюции XIV съезда записано: «Партия будет поддерживать искусство, основанное на ленинских принципах партийности и народности, на принципах социалистического реализма, разнообразное по жанрам и форме, прочно связанное с интересами и борьбой рабочего класса и всех трудящихся»⁶. Возвращением к термину «социалистический реализм» здесь ясно и недвусмысленно подчеркивается необходимость опираться на славные революционные традиции чехословацкой литературы и на их основе двигаться вперед, к новым горизонтам.

Термин «социалистический реализм» в его подлинном значении вернулся и на страницы чехословацкой печати, где стали появляться работы (например, цитировавшаяся выше статья В. Достала), авторы которых пытаются проанализировать причины глубокого кризиса в чехословацкой литературе 60-х годов, наметить пути выхода из него. Уроки чехословацкого кризиса способствовали обострению внимания к общим вопросам теории социалистического искусства и в целом ряде других стран. За последние годы в этих странах появились многие интересные работы, посвященные формированию революционной, социалистической литературы 20—30-х годов, борьбе за социалистический реализм. Ряд исследователей обращается к опыту развития советской литературы и ее связям с зарубежными революционными литературами. Благожелательный отклик вызывают труды (в том числе вышедшие в СССР), где рассматривается проблематика социалистического реализма в ее историко-литературном и теоретическом аспектах. Можно здесь сослаться в качестве примера на живой интерес, с которым была встречена литературоведами многих социалистических стран вышедшая в 1970 г. книга Д. Ф. Маркова «Генезис социалистического реализма (из опыта южнославянских и западнославянских литератур)». В ней подводятся итоги исследованиям зарубежных славянских литератур XX века, которые проводились у нас в 60-е годы, показано важное место этих литератур в становлении мировой социалистической литературы, делается попытка выявить методологическое значение их опыта для общей теории социалистического реализма. Автор чутко реагирует на ряд важных вопросов, по которым сегодня разворачиваются споры в нашей науке и марксистском литературоведении за рубежом, формулирует свою точку зрения, отстаивает широкую эстетическую платформу литературы социалистического реализма и указывает на участие в ее формировании писателей, прошедших в своем развитии различные художественные школы.

Эти стороны богато документированной монографии Д. Ф. Маркова особенно привлекают внимание рецензентов, в целом высоко оценивающих эту работу. Словацкий литературовед Д. Дюришин подчеркивает в своей рецензии, что выводы Маркова «... кладут конец все еще бытовавшему мнению, будто изучение авангарда наносит вред социалистическому литературоведению и официально нежелательно»⁷.

Болгарский исследователь П. Русев, отмечая, что книга — «успех самого Д. Ф. Маркова как исследователя и в то же время — успех сегод-

⁶ «Rude právo», 31 V 1971, s. 4.

⁷ «Slovenské pohľady», 1971, № 2, s. 127.

няшной науки о литературе вообще», пишет: «Мысль о том, что в социалистическом реализме прежние художественные методы „теряют функцию самостоятельных методов, поскольку входят в орбиту другого мировосприятия“, подробно развитая Д. Ф. Марковым, — одно из самых значительных теоретических достижений труда»⁸. П. Русев замечает также, что наблюдения, сделанные автором монографии на материале литератур южных и западных славян, могут быть подтверждены анализом таких балканских литератур, как румынская, греческая, турецкая и албанская.

Рецензенты отмечают, что исследователю удалось доказать положение о том, что социалистический реализм не возник в результате кризиса критического реализма, что, напротив, критический реализм в XX веке переживает под влиянием социалистической идеологии новый подъем и его лучшие представители переходят на позиции социалистического реализма.

Некоторые положения монографии Д. Ф. Маркова вызывают замечания — из-за своей неразвернутости или потому, что сами рецензенты придерживаются несколько иных позиций. Но даже и не во всем полностью соглашаясь с автором книги, рецензенты, как например Г. Ольховский и Л. Рихтер (ГДР), рассматривают ее как «методологически плодотворный стимул для дальнейшей работы». В свою очередь можно было бы по отдельным вопросам поспорить и с авторами рецензий. Но это выходит за рамки нашей статьи. Мы лишь хотели обратить внимание на проявившуюся в монографии «Генезис социалистического реализма» и откликах на нее тенденцию к постановке кардинальных вопросов теории социалистического реализма на основе глубокого сравнительно-исторического исследования целого ряда национальных литератур с присущим каждой из них национальным своеобразием и особенностями развития. Новые тенденции в разработке теории социалистического реализма отмечают в своей рецензии на книгу Д. Ф. Маркова ученые из ГДР Бауэр, Епихен и Юнгер, которые пишут: «Новые познания в области современных общественных отношений, новый уровень конкретно-исторических и литературно-исторических исследований, использование результатов исследований и методов различных научных дисциплин дают основание высказать уверенность, что теоретические исследования по вопросам социалистического реализма находятся на новом этапе».

Необходимость еще более активизировать исследования проблем социалистического реализма, рассматривая их в неразрывном единстве теории и практики, исторического опыта литературы, особенно очевидна в свете того внимания, которое уделяют литературе и искусству КПСС и братские партии, в связи с той важнейшей ролью, которая принадлежит им в идейном воспитании трудящихся.

В Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде партии Л. И. Брежнев говорил: «Мы за внимательное отношение к творческим поискам, за полное раскрытие индивидуальности дарований и талантов, за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе метода социалистического реализма»⁹. Изучение литературного процесса XX века во всей его многогранности и сложности, изучение реального хода формирования и развития нового метода и его теоретического осмысления в марксистской критике позволяет опровергнуть догматические толкования социалистического реализма, выявить богатство и разнообразие форм и стилей, возникших на его основе. Передовое мировоззрение, высокий гуманистический пафос и свобода творческого поиска обеспечивают социалистическому реализму большое будущее в мировой культуре.

⁸ «Пламя», 1970, № 18.

⁹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 89.

Л. А. ЗАРУБИН

СХОДНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СОЛНЦА И ЗОРЬ У ИНДОАРИЙЦЕВ И СЛАВЯН

В славянском фольклоре и в индоарийских «Ригведе» и «Атхарваведе» сохранились образы Солнца и его спутниц — Зорь. Эти образы восходят к древним представлениям — от первоначальных фетишистских (Солнце в виде кольца, колеса) до позднейших антропоморфных. Наряду с фольклорными и литературными источниками, сохранились также славянские и индоарийские изображения Солнца и Зорь. Однако эти изображения, славянские и индоарийские, между собой до сих пор не сравнивались, и не объяснялся смысл некоторых изображений. Настоящая статья является попыткой восполнить до некоторой степени этот пробел¹.

В статье сравниваются индоарийские памятники скульптуры (I в. до н. э. — XI в. н. э.) со славянскими памятниками скульптуры и живописи. Рассматриваемые изображения подчас примитивны в технике исполнения, но высокопоэтичны и представляют значительный научный интерес.

Обзор дневного пути Солнца (от восхода до заката). В приводимых рисунках (1—3) Утренняя Заря выпускает Солнце на небосвод. В конце этого пути Вечерняя Заря приготовилась встретить Солнце на закате.

Так, в Новгородской Хлудовской псалтыри конца XIII в. (Исторический музей в Москве) на стр. 278 об. древнерусский художник нарисовал миниатюру на тему: «Молящийся всю ночь Исаяя» (рис. 1). Он изобразил двух женщин. Одна из них — огненно-красная (возле нее надпись: «зоря утренняя») — держит в правой руке красное Солнце в виде кольца. В ее левой руке — «лежащий на плече факел, оканчивающийся ящичком, от которого идет светло-зеленая полоса, переходящая затем в темно-зеленую»². Полоса эта заканчивается в правой руке другой женщины зеленого цвета; возле нее надпись «зоря вечерняя». Из складок ее левого рукава выглядывает птица. О том, что утренняя заря, по представлению народа, светлее вечерней, сказано в белорусской песне: «Вичерняя заря — ясна, свитавая (утренняя) — ящо ясьней»³, и в русской песне: «Ложилась я спать в темную вечернюю зорю..., вставала я в красную утреннюю зорю»⁴.

¹ Данная тема отчасти освещается в нашей статье: «Образ Утренней зори в „Ригведе“ и в восточнославянском фольклоре». Краткие сообщ. Ин-та народов Азии АН СССР, 1965, № 80, стр. 33—39. См. также публикации в ж. «Советское славяноведение», (1967, № 3; 1969, № 1), в которых затронуты смежные аспекты славяно-индоарийских соотвествий.

² А. Н. С в и р и н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 38.

³ Е. Р. Р о м а н о в. Белорусский сборник, вып. VIII. Вильна, 1912, стр. 255.

⁴ И. П. С а х а р о в. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. 1836, I, стр. 59.

Восточнославянский фольклор также знает две зари. К ним взывали люди о помощи. Например: «Умоюсь я в утреннюю зорю утренней росой и очерчу себя безымянным пальцем и скажу: „Гой еси ты Заря утренняя и ты Заря вечерняя, пади ты на мою рожь, дабы она росла, как лес высокая, как дуб толста!“»⁵. «Я свою скотину заговариваю, дъвеми зарами — раньней и вечерней — застановляю»⁶.

О том, что кольцо являлось символом Солнца, свидетельствует старинная игра у русских и чехов: «искание золотого кольца — солнца, скрытого ... во мраке зимних облаков и туманов». При этом пели: «Наше золото пропало, оно порохом запало, призаиндевело». В фольклоре можно найти и другие факты, свидетельствующие, что Солнце называлось кольцом⁷.

Барельеф, весьма схожий по сюжету с миниатюрой Хлудовской псалтыри XIII в., был высечен в Индии во II—III вв. н. э. в пещерном храме Nasik⁸. Одна женщина факелом зажгла колесо Солнца, начавшее полет по небу (рис. 2). Другая женщина приготовилась встретить Солнце при его закате. И на некоторых других индийских барельефах изображались две женщины — богини зорь, Уша и Пратюша.

В древнеиндийской «Ригведе» богиня зари Ушас чаще всего показана в образе светозарной красавицы. «В образе юной женщины приходит Ушас» (I, 48)⁹. «Сияет, она, женщина, чудесным блеском» (I, 113). «Приближаешься ты, богиня, смеющаяся, юная» (I, 123). «В образе юной женщины заблестала она, понуждая все живое к деятельности» (VII, 77). «Она — прекрасная женщина, дочь Неба» (IV, 52).

В древнем индоарийском сборнике «Атхарваведе» упоминаются две зари Ушас (VIII, 9, 12). О Солнце в обществе Зорь говорится также в другом гимне «Атхарваеды» (VII, 22, 2).

Антропоморфные богини зорь были известны не только у славян и индоарийцев, но и у ираноарийцев (Уша), греков (Эос), римлян (Аврора), латышей (Аушра), армян, хеттов.

В «Ригведе» находим и древний образ Солнца в виде колеса — I, 130, 9; I, 174, 5; I, 175, 4; IV, 28, 2; V, 62 и др.

Подобное представление сохранилось и в славянском фольклоре. В известные годовые праздники у славян и немцев зажигали колесо, которое, по свидетельству средневековых писателей, принималось за священное изображение солнца. «Русские поселяне, встречая во время масленицы весеннее солнце, возят сани, посредине которых утвержен столб, а на столбе одето вертящееся колесо». У болгар декабрь назывался «коложег», т. е. месяц возжжения солнечного колеса — время, когда нарождается Солнце. В Ишимском уезде говорили про отсталых людей: «Жили в лесу, молились колесу». В народных песнях пели: «Колесом-колесом сонгычо в гору йде», «Сонце колесом у гору идзеть». Солнце называлось колесом в «Эдде» — у англосаксов, шведов, датчан, готов¹⁰.

На резных и раскрашенных воротах словацкой крестьянской усадьбы

⁵ «Библиотека для чтения», 1848, т. XC, отд. III, стр. 57.

⁶ Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. V, стр. 44.

⁷ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, т. I, стр. 205, 213; т. III, стр. 740.

⁸ J. Fergusson, J. Burgess. The cave Temples of India. London, 1880, pl. XXI, 2. Nasik, Dâgaba in Cave III.

⁹ Римская цифра здесь и далее означает книгу, арабская — гимн.

¹⁰ А. Н. Афанасьев. Там же, т. I, стр. 207, 208, 210, 211—213; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 135.

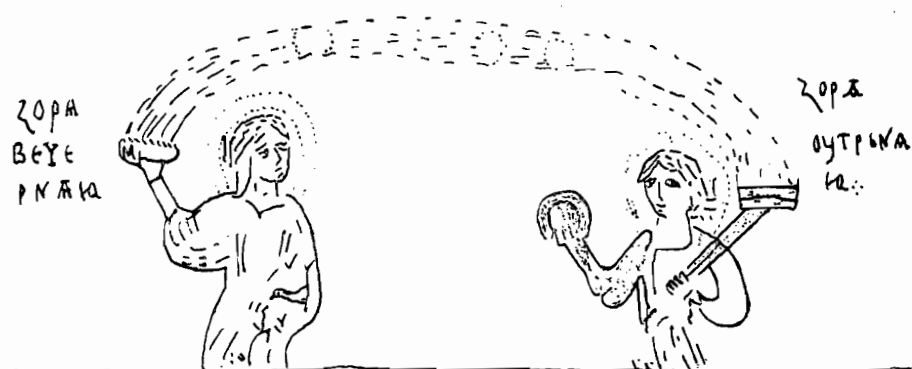

Рис. 1

(Очова у Зволенской Слатины, начала XX в.) изображен восход и заход Солнца, показанного в виде круга (рис. 3). На одном столбе ворот вырезана Утренняя Заря в виде человекообразной фигуры с золотистой головой. Над ней сияние, а еще выше — утреннее Солнце, показавшееся по своей дороге-дуге. На другом конце дуги — заходящее Солнце, которого ждет внизу Вечерняя Заря, над ее головой переливается вечернее сияние¹¹. Там же, кроме того, изображен ряд потемневших солнц, сошедших с небесной дуги. Возможно, что это умершие солнца, о которых много раз говорится в славянском фольклоре¹².

Утренняя Заря выносит Солнце. Еще в одном из гимнов «Ригведы» (V, 80, 1) утверждалось: «Богиня Ушас (Заря) приносит Солнце». «Без Утренней Зорюшки Солнышко не взойдет», — говорила русская пословица¹³.

В одном из белорусских заговоров сказано: «Сегодня з ранку Зара занялася, у неби на порози з Сонцем споткалася; залатые ключи у ручки брала, дубовую дзверку одмыкала, шоуковый полог подымала, соунийко на небо выпускала, добрую дорогу провешчала»¹⁴. Индоарийская богиня зари (Ушас) также утром открывала ворота Неба («Ригведа», I, 48, 15; IV, 51).

На одной из сторон Збручского идола X в. (юго-западная Русь) изображена богиня¹⁵ с солнечным кольцом в руке (рис. 4), таким же как у Утренней Зари в Хлудовской псалтыри XIII в.

Узор на полотенце из Олонецкой губернии (рис. 5) показывает двух зорь, выносящих на руках Солнце¹⁶. Уходят при восходе Солнца звездные птицы. Из славянского фольклора также известны подобные представления о созвездиях¹⁷.

Утренний выезд Солнца на колеснице с конями. У сербов сохранилось предание о золотой колеснице и белых рети-

¹¹ J. V u d r a. L'udowā architectur ana Slovensku. Bratislava, 1958, s. 112.

¹² А. Н. Афанасьев. Там же, т. I, стр. 175, 180, 181, 187; т. III, стр. 732.

¹³ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской области, ч. II. М., 1878, стр. 63.

¹⁴ А. Е. Богданович. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895, стр. 39—40.

¹⁵ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 288.

¹⁶ И. Библин. Народное творчество Севера. «Мир искусства», 1904, вып. II, стр. 285.

¹⁷ Святский. Под сводом хрустального неба. СПб., 1913, стр. 147; Д. Маринов. Народна вера и религиозни народни обычаи. София, 1914, стр. 20.

вых конях Солнца. В польской сказке Солнце ездит в алмазной двухколесной повозке на двенадцати сивках-златогривках. Подобные представления известны также у ираноарийцев, греков, римлян и немцев¹⁸.

На спинке крестьянских саней прошлого века¹⁹ мы видим Солнце в его дворце (рис. 6). Скоро восход. Стоят две зари у выходов из дворца. Резво скачут к Солнцу его кони. Птицы ожидают восхода Солнца.

На крестьянской вышивке Тверской губернии XIX в. (рис. 7) к человекообразному Солнцу подъезжают Зори на его конях²⁰. Одна из подъезжающих Зорь, как и в Хлудовской псалтыри XIII в., — красного цвета (Утренняя Заря), другая Заря — зеленого цвета (Вечерняя Заря). «По славянским преданиям, Зори — божественные девы; они прислуживают Солнцу и смотрят за его белыми конями»²¹. На рассматриваемой вышивке Солнце, как и Зори, в женской одежде. В славянском фольклоре Солнце также иногда представлялось женщиной, — образ, идущий из далеких времен матриархата.

Так, русская пословица говорит: «Солнца — родная матушка, месяц — родной батюшка». В русской свадебной песне: «Ясен месяц — жених, красное солнце — невеста»²². Русские загадки про Солнце: «Красная девушка по небу ходит»; «Красная девушка в окно глядит»; «Встану я рано, бело да румяно; умоюсь росой, распушу золотые косы. Как взойду на горы в венце золотом, да гляну светлыми очами, и человек и зверь обрадуются»²³.

Ряд примеров о женской природе Солнца приведен также в труде А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (т. I, стр. 70, 71, 74—76, 79, 80), а также у Л. Майкова в его «Великорусских закланиях», № 108.

В некоторых гимнах «Ригведы» изображена солнечная богиня Sūryā (I, 167; X, 184, 3; X, 85). Богиня Sūryā упоминается также в «Атхарваведе»: VI, 82; XIV, 1; XIV, 2

Известны богини Солнца: латышско-литовская Saule, германские Sól и Sunnā, немецкая Frau Sonne²⁴.

В индоарийской «Ригведе» в ряде гимнов говорится о небесных поездках солнечного бога Сурьи на колеснице с запряженными конями (I, 130, 2; I, 50, 8; I, 115, 3; I, 121, 13; I, 163, 10; II, 17, 4; IV, 45, 6; V, 45, 10; X, 138, 2, 3 и др.).

Соответствует этим представлениям изображенный на древнеиндийском храмовом барельефе (Bhaḥa, I в. до н. э.) утренний выезд солнечного бога Сурьи на колеснице, запряженной четверкой лошадей (рис. 8).

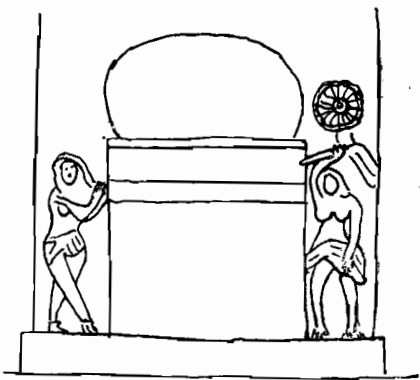

Рис. 2

¹⁸ А. Н. Афанасьев. Там же, т. I, стр. 593, 596, 605.

¹⁹ А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, II. М., 1910, табл. 24.

²⁰ В. Я. Яковлева. Калининская народная вышивка. М., 1955, табл. 2.

²¹ А. Н. Афанасьев. Там же, т. I, стр. 594.

²² В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891—1894, т. II, стр. 244; т. III, стр. 113.

²³ Д. Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1876, № 1814, 1815, 2449.

²⁴ L. Schroeder. Arische Religion. Leipzig, 1916, Bd. II, S. 64.

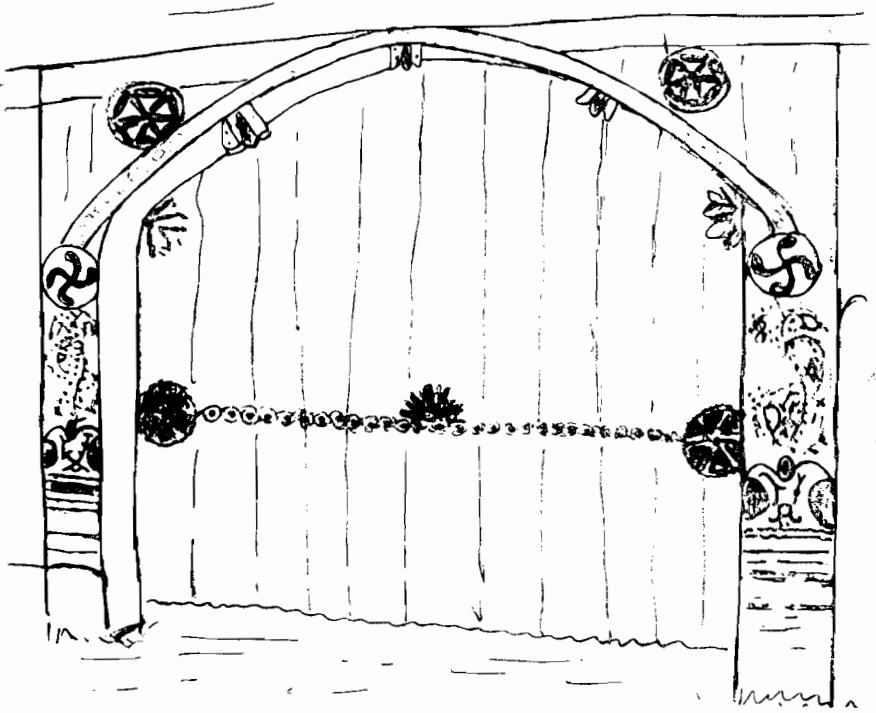

Рис. 3

Рис. 4

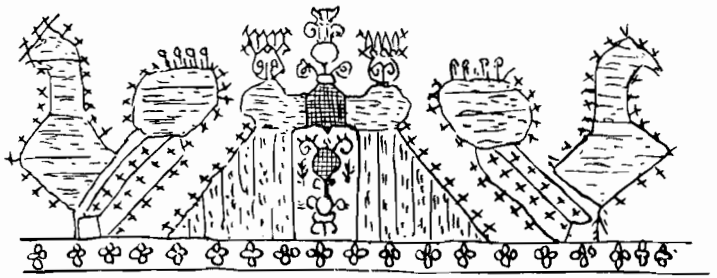

Рис. 5

Здесь Сурья сам правит конями. По обеим его сторонам сидят две богини зорь Уша и Прагюша²⁵. Науганные светозарным поездом, улетают поспешно прочь женообразные демоны тьмы. Здесь нет опасных для Сурьи драконов.

Бог солнца Сурья на колеснице, по сторонам которого находятся богини зорь Уша и Прагюша, стреляющие из луков в нападающих демонов,

²⁵ Н. Z i m m e r. The Art of Indian Asia. 1955, N. Y., t. II. pl. 40, 41; L. R e n o u. Etudes védiques et paniniennes, t. III. Paris, 1957. «Publications de l'Institut de civilisation Indienne», Serie in 8°, F. 4, p. 12.

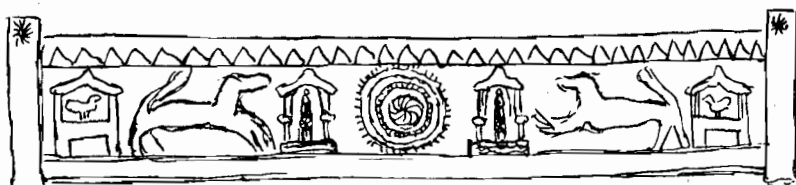

Рис. 6

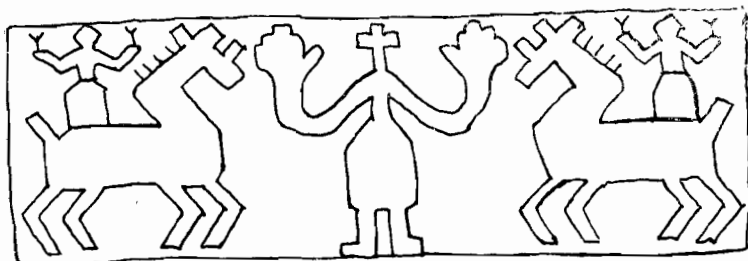

Рис. 7

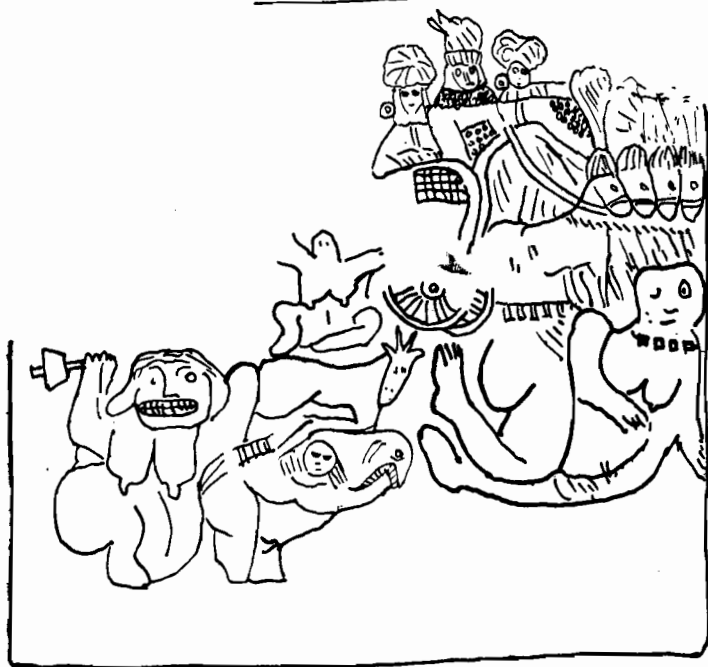

Рис. 8

изображены на индийских храмовых барельефах в I—XI вв. н. э. в Бодхгайя, Элора, Нуггехалли, Бхумаре и Джунагархе.

Нападения врагов на дневное Солнце. При восходе Солнца его охраняли Зори. Но вот одинокое светило уже движется по небесному пути. И здесь на него иногда нападали зубатые, крылатые змеи (драконы).

Затмение Солнца сербы передавали глаголами: «изжести се», «ухватит се». В одной старинной записи 1448 г. сказано «помну сун-

Рис. 9

це», в другой — 1433 г. — «погибе сунце». Нападают на солнце «алы» (драконы, змеи). В них стреляют люди или бьют в котлы, чтобы отпугнуть чудовищ²⁶. Подобные поверья были распространены и среди других славянских народов²⁷.

Под 1065 годом в «Повести временных лет» (М. — Л., 1950, I) записано: «Солнце пременися и не бысть светло, но акы месяц бысть, его же неведгласи глаголют: „снедаему сущу“».

Змей, нападающий на Солнце, изображен в русском Псалтыре (рис. 9) XV в.²⁸ На задке маленьких саней прошлого века, находящихся в Историческом музее в Москве, показано схематически нападение на Солнце

двух змеев с широко раскрытыми пастями, со стреловидными концами лап и хвостов. Солнце изображено в виде кольца со стреловидными лучами: оно приготовилось к обороне²⁹.

Как сообщали русские летописи, летающие змеи иногда наносили Солнцу кровавые раны: «явися Солнце, кровавы лучи испущающи» или «погибе Солнце» и потом «обратися в кровь»³⁰.

Индоарийцы верили, что во время солнечного или лунного затмения демон Рагу или чудовищный змей стремится проглотить захваченное им светило; санскрит обозначает затмение словами — «нападение», «битва Рагу», «взятие в плен», «пожирание». Подобные названия затмения Солнца есть в языках: персидском, ирландском и литовском³¹.

Сравнение славянских изображений Солнца и Зорь с индоарийскими показывает их значительное сходство даже по отдельным сюжетам, подтверждаемое также древними литературными памятниками и фольклором.

²⁶ «Српски етнографски зборник», т. LXXI. Београд, 1958, стр. 40, 41, 43, 44.

²⁷ А. Н. Афанасьев. Там же, т. I, стр. 748—750; т. II, стр. 533, 534.

²⁸ В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, XCVIII, 19.

²⁹ А. А. Бобринский. Там же, т. II, табл. 27, рис. 3.

³⁰ М. Соколов. Старорусские солнечные боги и богини. Симбирск, 1887, стр. 168.

³¹ А. Н. Афанасьев. Там же, т. II, стр. 749.

О ФРАЗОВЫХ МОДИФИКАЦИЯХ УДАРЕНИЯ
В ПРАСЛАВЯНСКОМ¹

В центре системы фразовых модификаций ударения в праславянском находилась закономерность, называемая нами законом Васильева-Долобко. Исследование древнерусских и среднеболгарских акцентуированных текстов выявило обширный материал, позволяющий доказать этот закон и показать объем и характер его проявления. Подробный разбор известных сейчас фактов, относящихся к действию этого закона, будет дан в соответствующих работах; здесь же мы рассмотрим лишь наиболее важные данные, характеризующие проблему в целом.

Возникновение проблемы относится к 1905 г., когда Л. Л. Васильев в работе «К истории звука *ѣ* в московском говоре в XIV—XVII вв.» сообщил о законе, который он определил весьма лаконично: «энклитики, они же проклитики»². «Энклитиками» здесь Л. Л. Васильев называл начальнородовые формы слов подвижной акцентной парадигмы (с, по классификации Хр. Станга), так как при присоединении проклитик (предлогов, в глаголах — приставок, и отрицания, а для раннего периода русского языка и союзов) они теряли ударение, передвигая его на начальную проклитику: *роукоу*, *ри роукоу*, *не на роукоу*; *вѣлаз*, *не вѣлаз*, *прѣвѣлаз*, *не прѣвѣлаз* и т. п.³ Следовательно, сущность наблюдения Л. Л. Васильева сводилась к тому, что эти формы теряли ударение также при присоединении энклитики, передавая его последней.

В том же 1905 г. Л. Л. Васильев в «Заметке об акцентовке несклоняемого причастия на *-лъ*⁴» конкретизировал свой вывод, сославшись на акцентовку *l*-причастий от возвратных глаголов типа *взялъся*, *начался*, *родился*, и ударение числительных *пятьдесят*, *шестьдесят* в отличие от числительных *семьдесят*, *восемьдесят*. (В древнерусских текстах числительные *пять* и *шесть* ведут себя как энклитомены, тогда как числительные *семь*, *восемь* не передают ударение предлогам). Действие этой закономерности Л. Л. Васильев относил к старомосковскому диалекту русского языка.

Так как Л. Л. Васильев ограничился этими двумя сообщениями, а при господствовавшем тогда фонетическом направлении в акцентологии идея Л. Л. Васильева не могла найти активной поддержки, этот закон

¹ Статья является изложением доклада «О законе Васильева-Долобко», который был прочитан 24 марта 1970 г. на конференции по фонологии и морфологии, посвященной памяти профессора Петра Саввича Кузнецова («Кузнецовские чтения»).

² «Известия Отделения русского языка и словесности», т. X, кн. 2, СПб., 1905, стр. 216—217.

³ В дальнейшем мы называем такие формы энклитоменами (enclitomena).

⁴ «Журнал Министерства народного просвещения», 1905, август, стр. 464—465.

был основательно забыт и упоминался иногда лишь в отрицательном смысле⁵.

Однако исследование явлений, связанных с этим законом, продолжалось. В двадцатых годах развернулась острая дискуссия вокруг акцентировки членных форм прилагательных. Исследовавший проблему А. Белич считал, что краткостные прилагательные а. п. с. (по новой терминологии) переносили ударение в членной форме на конец слова, тогда как долготные (циркумфлектированные) получали накоренной новый акцент. Эта точка зрения вызвала возражения со стороны Я. Розвадовского, который, опираясь на соответствие восточнославянских и кашубских фактов, считал, что и долготные прилагательные в этом случае переносили ударение на конец слова. Подробный анализ проблемы был проведен Л. А. Булаховским в статье «Наголос українських прикметників»⁶.

Одновременно в дискуссию вступил М. Г. Долобко, который для освещения проблемы привлек иной тип фактов. Он обратил внимание на акцентировку в славянских языках наречий типа *днёсь, ночёсь, осенёсь, зимюсь, лётось, ўтрось*, представлявших винительные падежи существительных с следующим за ними указательным энклитическим местоимением *сь, показав, что в этих сочетаниях происходила передвижка ударения к концу как в краткостных основах, так и в долготных (циркумфлектированных), тогда как при акутированных основах ударение оставалось на старом месте. Помимо расширения материала работа М. Г. Долобко имела значение в двух важных моментах: 1) в ней доказывался праславянский характер закономерности, отмеченной уже Л. Л. Васильевым (правда, на другом материале); 2) она снова выводила проблему из круга фонетической проблематики слова в область синтаксической фонетики.

Однако оба эти момента не могли быть тогда оценены, и лишь в работе Хр. Станга⁷ было показано единство явлений, проанализированных Л. Л. Васильевым и М. Г. Долобко, и их связь с акцентировкой членных форм существительных в болгарском, равно как их отношение к акцентировке членных прилагательных в славянских языках. При этом Хр. Станг принял (правда, перешително) интерпретацию М. Г. Долобко, считая, что при присоединении энклитики формы-энклиномены переносили ударение на конец слова.

Проведенное нами исследование системы акцентировки древнейшего русского акцентированного текста (Чудовский Новый Завет середины XIV) и ряда среднеболгарских текстов XIII—начала XV в. показало следующее.

В Чудовском Новом Завете сочетания форм-энклиноменов с энклитиками при наличии на них знака ударения обычно имеют этот знак на энклитике (в случае сохранения ею слоговости, при энклитике *с*, слоговый характер которой был, вероятно, потерян, ударение стоит на слоге перед энклитикой). Отмечены: 1. *корѣна вѣ* (nom. sg., 138¹), 2. *сѣч вѣ* (nom. sg., 39¹), 3. *сужа вѣ* (nom. sg., 28³), 4. *дрѹ вѣ* (nom. sg.m., 21¹), 5. *гнѣкз вѣ* (acc.sg., 81²), 6. *іако вѣ* (130⁴), 7. *тако вѣ* (adv., 4³), 8. *жико вѣ*

⁵ См., например, у Л. А. Булаховского: «Не вхожу в рассмотрение объяснения, предложенного Васильевым в его статье (стр. 467—468): «Но наши формы *дался* явились не по аналогии: они — следствие одного закона, действовавшего в московском говоре, по которому энклитики бывают и проклитиками». Мне оно представляется неверным уже по самому характеру формулировки». Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы. «Доклады и сообщения Института русского языка», вып. 1, 1948, стр. 46.

⁶ Записки історично-філологічного відділу Укр. академії наук, кн. XIII—XIV, Київ, 1927.

⁷ Chr. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

(ном. sg. п., 144¹), 9. слоко вò (acc. sg., 104¹), 10. ноци вò (gen. sg., 158³), 11. золи | вò (gen. sg., 63⁴), 12. князи вò (ном. pl., 105⁴); 13. сами вò (ном. pl., 39⁴), сами вò (ном. pl., 133⁴, 135³); 14. òтгрòкз жè (acc. sg., 78⁴); 14. òко жè (большое колич. примеров); 16. тако жè (84⁴, 136⁴, bis, 140⁴, 152³); 17. како жè (104³, bis); 18. ддрз жè (ном. sg., 101³); 19. горè жè (ном. sg., 12⁴); 20. т'гло жè (acc. sg., 146²); 21. крèма жè (acc. sg., 76⁴, а.п.с этого слова подтверждается многочисленными примерами в Чуд. Нов. Зав.); 22. нй жèзла жè (gen. sg., 6⁴, а.п.с этого слова в диалекте Чуд. Нов. Зав. подтверждается примерами акцентовки других форм этого слова в данном памятнике); 23. ѿ грòда жè (gen. sg., 43², а.п.с отражена в этом же тексте); 24. страха жè (gen. sg., 85¹, а.п.с сохраняется в этом же тексте); 25. похоти жè (gen. sg., 102³, а.п.с отражена в Чуд. Нов. Зав.); 26. ноци жè (dat. sg., 39¹); 27. плòю жè (instr. sg., 102⁴, энклитичность формы instr. sg. i-основ f. а.п.с доказывается многочисленными примерами из древнерусских текстов); 28. ддры жè (acc. pl., 146¹); 29. моужи жè (ном. pl., 63³); 30. не в'з лй (ном. sg., 81³); 31. тако лй (14⁴, 110²); 32. блго | лй (acc. sg., 29²); 33. л'по | лй (adv., 112⁴); 34. с жезлома лй (instr. sg., 109⁴); 35. не дка | лй (ном. du., 47²); 36. не дк'т лй (ном. du. f., 7¹); 37. не óва лй (ном. du. m., 29⁴); 38. т'рзети лй (ном. pl., 7²); 39. не плòгани лй (ном. pl. m., 109¹, а.п.с доказывается материалом Чуд. Нов. Зав. и старорусских текстов); 40. им | мй (ном. sg., 18³), 41. л'по мй (adv., 35¹); 42. мирз тй (ном. sg., 91⁴); 43. тако тй (adv., 75⁴); 44. и сами т'а (ном. pl. m., 35²); 45. ко дни т'ы (acc. pl., 4¹); 46. зè т'у (acc. sg., 161¹); 47. ст'ранò | т'ò (acc. sg., 9²), ст'ранò т'у (acc. sg., 19⁴); 48. òко сè (61⁴, 142⁴), сè (21⁴); 49. слоко сè (ном. sg., 52³); 50. йма | сè (acc. sg., 64³); 51. кз крèма сè (acc. sg., 21⁴) (по ср.: градòсз 75², мирòсз 46⁴, на родòсз 13², òкòсз 60²).

При сочетании с энклитиками других видов форм (формы имен а.п. а, а.п. б и окситонированных форм а.п.с) ударение на энклитике, как правило, не отмечается (это ударение ставится на том же месте, что и в изолированной форме), например: с'ла во (ном. sg., 120⁴), ноу'жа во (ном. sg., 111⁴), с'кòр'ва во (ном. sg., 111¹); с'ймен во (ном. sg. m., 105¹); кон'ца во (ном. sg., 104²), л'гò во (adv., 93⁴), з'лò во (adv., 140¹); зк'з'д'а во (ном. sg., 115²); з'емл'а во (ном. sg., 144³), сам'а | во (ном. sg. f., 18²); ж'йз'н'а жè (ном. sg., 117⁴), ко'н'ца жè (ном. sg., 85¹), ни т'èпл'а жè

(ном. sg., 150³); с'лò ж (ном. sg., 8³), с'л'ка жè (ном. sg., 99⁴), пр'в'да жè (ном. sg., 100³), жèн'а жè (ном. sg., 127¹, 136³); закòн'з | ми (acc. sg., 100⁴), р'в'з ми (ном. sg., 110⁴), не роу'к'а ми (ном. sg., 63²), не мнòзи ми (ном. pl. m., 108⁴, bis); с'вл'з'н'а ми (ном. sg., 10¹); т'роу'д'а ми (gen. sg., 94¹, 124³); юд'нò ти (ном. sg. п., 21³), è'л'ко ти (18⁴) и т. п.

В соответствии с этой системой акцентовки именных форм в Чуд. Нов. Зав. находится также акцентовка местоимений. Формы местоимений образуют две группы сочетаний с энклитиками: в одних сочетаниях регулярно акцентируются энклитики, а местоимение остается безударным, в других, наоборот, безударной оказывается энклитика.

Первая группа: ты жè, ты лй, ты м'а; мы вò, мы жè; кы вò, кы жè, кы лй, кы м'а; сè вò, сè жè, то вò, то жè; ти вò (ном. pl.), ти жè (ном. pl.), ти лй (ном. pl.); кто вò, кто жè, кто тй, кто м'а кто т'а; что вò, что жè, что мй, что тй, что м'а, что с'а и некоторые другие.

Вторая группа: тй с'а (2 л. dat., «тебе»), (на) м'а ми, (на) т'а жè, сй жè (ном. sg. f), онй жè, он'и ми, обй во, обй жè, ок'и жè; ксй во, ксй жè,

(нѣ) кѣи ми; кѣа же, кѣа бо, кѣа ми, кѣа ти, кѣама бо, сѣма бо (дат. мн.) и др.

Анализ показывает, что в первой группе представлены те формы местоимений, которые в Чуд. Нов. Зав. при примыкании к ним проклитики передавали ей ударение: ѣ ты; ѣ мы, да мы; ѣ кы, да кы, нѣ кы; нѣ се, ѣ се, на се; да кто, нѣ кто; да что, нѣ что, нѣ что, тогда как формы второго рода при примыкании проклитики сохраняли на себе ударение: на ма, на та, ѣ сѣ; ѣ кѣи, нѣ кѣи, ѣ кѣа, ко кѣа, ѣ онѣ и т. п. Т. е. в первом случае мы имеем дело с местоименными формами-enclitomena. (Заметим, что этот материал Чуд. Нов. Зав. в значительной степени облегчает построение системы акцентных парадигм в местоимениях.)

Сложнее обстоит дело в глагольных группах, где при сохранении указанных отношений в категориях, сохранивших формы-энклиномены [презентс 1 л. ед. ч. :погтыжыкѣа (128¹), нѣ стыжыкѣа (119⁴); действ. прич. наст. вр.: боукѣа (132¹), поукѣа (65³); действ. прич. прош. вр.: ѿповѣтукѣа (162¹); I-прич.: сложила|кѣа (40³) при сложила ѣа (75⁴); I да ти бы (42⁴); так же и с другими энклитиками⁸], наблюдается распространение эмфатического ударения на усилительных частицах же, бо, когда они следуют за формами тех категорий глагола, в которых форм-enclitomena не было или они были потеряны (формы аориста, членные формы причастий и т. п.). Закономерности и причины этого явления требуют специального изучения.

Так как Чудовский Новый Завет сохраняет в значительно большем объеме и другую особенность форм-enclitomena — передачу ими ударения на предшествующие проклитики, можно рассмотреть отношение между этими двумя механизмами. Оказывается, что перенос на энклитику осуществлялся независимо от наличия или отсутствия проклитик, тогда как перенос на проклитику происходил, как правило (а для праславянского, по-видимому, исключительно), лишь при условии отсутствия энклитики. Т. е. возможны две группы сочетаний энклитик и проклитик с энклиноменом (назовем эти сочетания тактовыми группами):

I. #кбзз#, #на козз#, #нѣ на козз#, #и нѣ на козз#;

II. #козз жѣ#, #на козз жѣ#, #нѣ на козз жѣ#, #и нѣ на козз жѣ# и т. п.

В Чуд. Нов. Зав. эта система отразилась еще достаточно полно⁹. Памятники XVI—XVII веков уже почти полностью ее потеряли; остатки ее сохраняются лишь в известных особенностях акцентной возвратных форм перфекта типа *начался, взялся, родился* и в членных формах прилагательных.

Систему, аналогичную рассмотренной, отражают (в той или иной степени) среднеболгарские тексты XIII—начала XV в. В наибольшей степени эта система сохранилась в двух группах текстов, условно называемых нами «Тырновская группа» и «Система Киприана». С одной стороны, «Тырновская группа» сохранила эту систему в более архаическом виде как в именных, так и в глагольных группах. В «Системе Киприана», при сохранении оттяжки ударения на энклитику в именных группах, в гла-

⁸ Подробнее об этом см. в статьях: В. А. Дыбо. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens). «Вопросы языкознания», 1969, № 6; В. А. Дыбо. Закон Васильева—Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. «Вопросы языкознания», 1971, № 2.

⁹ В еще большей степени эта система прослеживается в акцентной форме 2 и 3 л. ед. ч. аористов от *i*-глаголов; см. В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы-enclitomena в аористе *i*-глаголов). «Советское славяноведение», 1968, № 6.

гольных группах (при частицах *ѣа*, *ѣа*) ударение, по-видимому, было сдвинуто с энклитики на предшествующий ей слог. С другой стороны, в текстах тырновской группы более часто постановка эмфатического ударения на частицы *во* и *же* при многосложных словах в случае значительного отдаления ударного слога словоформы от энклитики. В текстах «Системы Киприана» постановка эмфатического ударения исключительно редка.

Можно привести примеры акцентовки сочетаний форм-*enclitomena* с энклитиками в этих текстах.

Тырновская группа: *ѣа* *же* (ном. sg. m., Толк. пс., 122а), *ѣа* *же* (ном. sg. m., Зогр. сб. № 103, 382), *ѣа* *же* (асс. sg., Толк. пс., 113б), *ѣа* *же* | *же*, (ном. pl., Толк. пс., 60б), *ѣа* *же* | *же* (асс. pl., Толк. пс., 14а), *ѣа* *же* | *же* (dat. sg., Служ. Евф. 116а), *ѣа* *же* | *же* (ном. pl., Зогр. сб. № 103, 334, трижды на одной странице), *ѣа* *же* (асс. sg., Служ. Евф., 105б); *ѣа* *же* *ѣа* (ном. sg., Толк. пс., 64а), *ѣа* *же* *ѣа* *ѣа* (ном. sg., Толк. пс., 17б), *ѣа* *же* *ѣа* (ном. sg., ib., 75а), *ѣа* *же* *ѣа* *ѣа* (gen. sg., Толк. пс., 153а), *ѣа* *же* *ѣа* (асс. sg., Толк. пс., 24а), *ѣа* *же* | *ѣа* (асс. sg., Толк. пс., 142а), *ѣа* *же* *ѣа* (ном. sg., Зогр. св., 12) и т. п.

Система Киприана: *ѣа* *же* (ном. sg., Леств., 121а), *ѣа* *же* (ном. sg., Леств., 98б), *ѣа* *же* (ном. sg., Леств., 77а), *ѣа* *же* *ѣа* (dat. sg., Леств., 110б), *ѣа* *же* *ѣа* *же* (gen. sg., Леств., 121а), *ѣа* *же* *ѣа* (асс. sg., Пс. Кипр., 161б), *ѣа* *же* (ном. pl., Пс. Кипр., 135б), *ѣа* *же* | *же* (ном. sg., Леств., 184б), *ѣа* *же* *ѣа* *же* (gen. sg., Леств., 95а—б), *ѣа* *же* *ѣа* (dat. sg., Пс. Кипр., 316б), *ѣа* *же* *ѣа* (adv., Леств., 116а), *ѣа* *же* *ѣа* (gen. sg., Пс. Кипр., 306б) и др.

При соответствующих формах с устойчивым акцентом ударение сохраняется на основе (на обычном месте), например: (тырн.) *ѣа* *же* (gen. sg., Толк. пс., 15а), *ѣа* *же* (dat. sg., Зогр. сб. № 103, 37б, 380), *ѣа* *же* *ѣа* (ном. sg., Толк. пс., 18а), *ѣа* *же* *ѣа* (ном. sg., Толк. пс., 46б), *ѣа* *же* *ѣа* (dat. sg., Толк. пс., 69а) и др. (примеры многочисленны). Аналогично в текстах «Системы Киприана».

Система акцентовки местоимений с энклитиками, отраженная в этих текстах, почти тождественна системе Чуд. Нов. Зав. Формы-энклитомены с энклитиками: *ѣа* *же*, *ѣа* *же*, *ѣа* *же*; *ѣа* *же*, *ѣа* *же*; *ѣа* *же*, *ѣа* *же* (ном. pl. m.), *ѣа* *же* (ном. pl. m.), *ѣа* *же*, *ѣа* *же*, *ѣа* *же*, *ѣа* *же* и некоторые другие. Формы с устойчивым акцентом: *ѣа* *же*, *ѣа* *же*, *ѣа* *же*, *ѣа* *же* и под.

Расхождение наблюдается в трактовке некоторых форм, которые в Чуд. Нов. Зав. рассматривались как энклитомены, а в этих текстах ведут себя как формы с устойчивым акцентом: *ѣа*, *ѣа* и *ѣа* (последний и в Чуд. Нов. Зав. показывает колебание в выборе типа акцентовки).

Так как в среднеболгарских текстах оттяжка ударения с местоимения энклитомена на проклитику, по-видимому, в большинстве случаев потеряна и, кроме того, ранние тексты очень редко акцентованы и не дают достаточного количества акцентованных сочетаний с проклитиками, разгадка болгарской системы не может быть получена в результате анализа самой болгарской акцентной системы, но совершенно бесспорно устанавливается сравнением этой системы с системой Чуд. Нов. Зав.

Очевидно, что изложенные выше особенности акцентовки имен в среднеболгарских текстах отразились в современном болгарском языке в виде системы ударения членных форм имени. Следует отметить, что реликты системы акцентовки местоимений также наблюдаются в болгарских говорах; ср. такие сочетания, отмеченные Н. В. Котовой в говоре р-на Горно Поле: *ѣа* *же* *ѣа*; *ѣа* *же* *ѣа*?; *ѣа* *же* *ѣа* *же* *ѣа*?

што мју намираш мана?; *што се е патило!*; *ка се намери, как се најде* и под.¹⁰

Естественно полагать, что подобные реликтовые факты проклизы местоимений в посавском говоре (по описанию Ст. Ившича) и в других хорватских диалектах, так же как и факты, в свое время изученные М. Г. Долобко, должны говорить о существовании в прошлом системы акцентовки сочетаний энклиноменов с энклитиками, подобной показанной выше, также в сербско-хорватском языке. Однако исследованные старосербские тексты свидетельствуют о довольно раннем разрушении этой системы, по крайней мере, в штокавском наречии.

Сербское евангелие-апракос начала XV в. (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 178, № 7364) сохраняет передвижение ударения на энклитику при вопросительном и относительном местоимениях, т. е. в объеме, близком к системе говора Горно Поле или посавского диалекта: что жѣ, что тѣ, что мѣ, что сѣ, како мѣ, кто вѣ, кто жѣ, кто тѣ и под. при потере этого явления в других типах местоимений. При именах и глаголах это явление обычно не наблюдается (акцентован начальный слог группы). Исключение представляет частица *ми*, при которой передвижение акцента с энклиномена регулярно: *не даѣ ми* 68а, *дар ми* 104б, *траста ми* (71б), *тако ми* 135а, *не пет ай* 177а, *не | дѣт ай* (203а—б). Однако в некоторых случаях с аористами (2—3 лицо) подобный перенос все же имеет место: *казрати сѣ* 149а, 174б, *и казрати сѣ* 149б, *и бутрати сѣ* 164а, *разрати сѣ* 172б, *и оутрати сѣ* 204б. Эти формы можно было бы приписать влиянию возможного болгарского протографа, если бы не наличие подобного переноса в формах и категориях, где в болгарском формы-энклиномены отсутствовали или были рано потеряны; ср. *ѡбрати сѣ* 148а, *комоу сѣ* 161а, *комоу сѣ* 178б (аористы).

Последние примеры заставляют видеть в этих случаях отражение сербской манеры акцентовки этих сочетаний, ставшей к моменту написания памятника факультативной и крайне редкой.

Таким образом, есть основания распространить вывод, сделанный на материале Чудовского Нового Завета, на праславянскую систему.

Можно думать, что в праславянском были тактовые группы трех видов. Если главной в тактовой группе была форма с устойчивым ударением, то ударение тактовой группы совпадало с ударением этой формы. Если главной в тактовой группе была форма-энклиномен, т. е. та форма, в которой реконструируется славянский циркумфлекс (или «нормальное» краткостное ударение), то эта тактовая группа могла быть а) незамкнутой (без энклитики), и тогда ударение падало на первый слог группы, и б) замкнутой (с энклитикой), в этом случае ударение падало на последний слог группы — энклитику.

Обращает на себя внимание параллелизм между акцентовкой тактовых групп с энклиноменами и акцентовкой проклитико-энклитических групп. Если за проклитикой или группой проклитик следовала энклитика, то эта группа в Чуд. Нов. Зав. получала ударение на последнем слоге (энклитике), тогда как проклитика **или группа проклитик** были безударны (и, вероятно, примыкали к следующему ортотоническому слову). Наблюдаются следующие сочетания: *не вѣ, не вѣ, а не вѣ, и а не вѣ, не ай, а не ай, и не ай, ни жѣ, ни ай, дажѣ, но б |*, *аце ми, аце ми, аце жѣ, да аце жѣ* и т. п.

¹⁰ См. Н. В. Котова. Система ударения в говоре района Горно Поле. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии», вып. 10, М., 1962, стр. 87—88.

Праславянский характер ударения этих сочетаний подтверждается среднеболгарскими текстами и реликтами этой системы в современном болгарском и его диалектах (например, ударенность местоименных энклитик после отрицательной частицы).

Такая акцентовка свидетельствует о существовании в праславянском фразового (тактового) акцентного контура, который как бы налагался на определенные сочетания слов, в других случаях безударных. Тождество этого контура акцентному контуру, налагавшемуся на сочетание энклиномена с энклитикой, по-видимому, говорит о том, что форма-энклиномен выступала в этой системе как безударная, а славянский циркумфлекс являлся лишь фразовым вариантом безударности, проявлявшимся в абсолютной позиции. Такая трактовка формы-энклиномена, по-видимому, объясняет ее поведение в сочетаниях с ортотоническим словом, определяющим ее. При наличии определения она примыкала к этому определению, и в группе определение + определяемое-энклиномен ударение ставилось лишь на определяющее слово. Этим объясняются как факты типа *пятьдесят, шестьдесят* (в отличие от *семьдесят, восемьдесят*), в свое время разобранные Л. Л. Васильевым, так и случаи *три дни, два года* и под., дожившие до наших дней и почти нормативные в начале 19 века. Следует отметить, что в Чуд. Нов. Зав. в сочетаниях определение + определяемое-энклиномен определяемое, как правило, остается без ударения: *кѣ́лака вѣ́ла* (16²); *кѣ́лака крѣ́о* (13²), *жѣ́нска полоу* (99³), *к сѣ́рѣт дрѣ́вѣт* (40²), *нобѣ́ тѣ́рѣлѣ* (118²), *моѣ́ пѣ́лѣ* (159⁴), *кѣ́ е́днѣ́о тѣ́ло* (125³), *дѣ́це кѣ́ тѣ́ло* (113²), *к тѣ́ри части* (155⁴), *дѣ́ла дѣ́ни* (43³), *бѣ́тѣ́ новѣ́т* (21²), *к тѣ́ по* (36⁴), *по вѣ́ла дѣ́ни* (120³), и т. п. Также: *к мѣ́хи кѣ́тѣ́хи* (6³), *на ва жѣ́ва* (137²), *и има но́ко* (150³), *кѣ́ дѣ́лю жѣ́коу* (115²), *дрѣ́вѣт добѣ́р* (8¹), *дрѣ́вѣт гнѣ́ло* (8¹), *пѣ́лага нѣ́ прапа* (6³) и т. п.

Потеря ударения определяемым известна и сербско-хорватскому языку. В свое время А. Беличем подобная закономерность была отмечена в северночакавском диалекте Нови¹¹. В текстах, записанных им, обнаруживаются примеры типа *drūgi dān* (255), *lāhku nōc* (260), *svojē jīto* (256), *jednō jane* (256). Последний пример показывает, что связь этой энклизы с формами-энклиноменами здесь уже в значительной степени разрушена. Однако само наличие подобной акцентовки, совпадающей с древнерусской, может говорить о праславянских истоках этого явления. Но является ли смысловая синтаксическая регулировка ударения в сочетаниях двух лексем праславянской или ей соответствует в праславянском какая-либо иная, основанная на более формальных закономерностях, — это требует особого исследования.

В заключение следует отметить, что ряд фактов указывает, по крайней мере, на балтославянские истоки описанного явления. (Имею в виду прежде всего акцентовку вторичных падежей в литовском и ударение возвратных претеритов в ряде литовских диалектов, с одной стороны, и перенос ударения на приставки в глаголе, с другой).

Если эта система переносов ударения в подвижной акцентной парадигме столь древняя, то нет основания связывать ее с циркумфлексовой интонацией так, как это сделал А. А. Шахматов для переносов на проклитики. Отношение между славянским циркумфлексом и системой «переносов» ударения, по-видимому, противоположно. Не циркумфлексовая интонация обусловила перенос, а сам славянский «циркумфлекс» явился

¹¹ А. Б е л и ч. Заметки по чакавским говорам. «Известия Отделения русского языка и словесности». т. XIV, кн. 2. СПб., 1909.

результатом нейтрализации противопоставления акут ↔ циркумфлекс в определенных синтагмо-просодических условиях (условиях фразовой безударности). Этот процесс испытали формы, которые во фразе регулярно теряли ударение, т. е. «баритонированные» формы подвижной акцентной парадигмы. (Для акута этот процесс описывается правилом А. Мейе.)

Из данного положения вытекает, что общепринятое генетическое отождествление славянского и балтийского циркумфлексов не корректно. Действительные рефлексы балтославянской циркумфлексовой интонации следует искать лишь в области неподвижных акцентных типов и в рефлексх циркумфлектированных долгот. Так как в конечных ударных циркумфлектированных долготах обнаруживается восходящее долгое ударение¹², а в неконечном положении при первичном циркумфлексе иктус в большинстве позиций сдвинут на следующий слог, можно думать, что непозиционным фонетическим изменением этой интонации было превращение ее в восходящую с дальнейшим перебросом вершины на смежный слог (процесс, аналогичный литовскому, но с более радикальными результатами). Именно это изменение привело к трансформации, которая создала троичность акцентных типов в праславянском.

Сокращения источников

Зогр. сб. № 103 — Зографский сборник житий и слов. — Библиотека Афонского Зографского монастыря, № 103, II, г. 6. Ряд отрывков издан в кн. *И в а н о в*. Български старини из Македония. София, 1931. Цифры при примерах обозначают страницы этой книги.

Зогр. св. — Свиток библиотеки Афонского Зографского монастыря, содержащий «Устав литургии св. Иоанна Златоустого» (вторая половина XIV века). Издан в кн. *П. С ы р к у*. К истории исправления книг в Болгарии, т. I, вып. II, СПб., 1890. Цифры обозначают страницы книги.

Леств. — Лествица, среднеболгарская рукопись 1387 г. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173, № 152.

Пс. Кипр. — Псалтырь Киприана, среднеболгарский текст конца XIV — начала XV в. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173, № 142.

Служ. Евф. — Служебник патриарха Евфимия Тырновского. — Библиотека Афонского Зографского монастыря, № 1. Рукопись помечена 1370 годом (метка сделана более поздним почерком). Издан в кн. *П. С ы р к у*. К истории исправления книг в Болгарии, т. I, вып. II, СПб., 1890. Цифры обозначают листы рукописи.

Толк. пс. — Толкование псалмов, восточноболгарская рукопись второй половины XIV в. — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 173, № 18.

Чуд. Нов. Заб. — Чудовский Новый Завет — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фотогеническое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892. (Арабские цифры обозначают листы рукописи, цифровые индексы — столбцы листа.)

¹² Предположение о несокращенном характере изначально ударных циркумфлектированных конечных долгот в праславянском было сделано В. М. Иллич-Свитычем в период его работы над книгой «Именная акцентуация в балтийском и славянском».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕРБОХОРВАТСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

Изучение сербохорватской просодии имеет давнюю историю. Однако до последнего времени исследования велись лишь в нескольких направлениях: описание ударения в современном литературном языке, описание диалектных систем и, наконец, исследования сравнительно-исторического характера, где сербохорватский язык служит источником реконструкции древнейших праславянских черт. В последнее десятилетие заметно активизировался интерес к сербохорватской просодии как в самой Югославии, так и в других странах. Сейчас можно говорить о наступлении нового этапа в разработке одной из трудных и интересных областей сербохорватского языкознания — акцентологии. Для данного этапа характерно внимание ко многим новым проблемам и аспектам, которые до сих пор в сербохорватской акцентологии не рассматривались, а также становление и проверка новых методов исследования.

I

Новые направления в сербохорватской акцентологии связаны прежде всего с именем профессора Новосадского факультета П. Ивича. Совместно с И. Лехисте П. Ивич несколько лет назад начал экспериментальное и статистическое исследование сербохорватских акцентов в лаборатории Мичиганского университета с целью описания их фонетической природы, взаимодействия словесного акцента и интонации предложения. Результаты многолетнего акустико-фонетического изучения современных сербохорватских акцентов в литературном языке обобщены авторами в серии работ, которая открывается монографией 1963 г.¹ В этих трудах П. Ивич

и И. Лехисте дают характеристику слов (важно отметить, что природа словесных акцентов исследовалась на материале не отдельных слов, а предложений) со всеми типами акцента (˘, ˙, ˆ, ˙) в различных фонетических условиях (имеется в виду характеристика кривой тона и место ударения) и рассматривают взаимоотношения разных типов акцента, влияние просодии на фонетическое качество гласных. Авторы также сообщают свои наблюдения об интонации предложения и влиянии акцента и количества на качество гласного².

Работы П. Ивича и И. Лехисте, высоко оцененные славистами ряда стран, в самой Югославии вызвали резкую и далекую от непредвзятости критику проф. Дж. Костича³, который вместе с Л. Михайловичем и З. Стояновичем занимался в 1940—1956 гг. экспериментальной фонетикой, исследуя также некоторые проблемы акцентологии. Ими были рассмотрены вопросы влияния взрывных на последующее ударение и долготу гласного, влияния фонетической структуры слова на долготу гласного, вопрос о действии акцента на артикуляцию гласного, вопросы интонации предложения и некоторые другие⁴.

² P. Ivić, I. Lehiste. Prilozi ispitivanju fonetske i fonološke prirode akcentata u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku. «Зборник за филологију и лингвистику» (Нови Сад), VI, 1963, s. 31—71; VIII, 1965, s. 75—119; X, 1967, s. 55—93; I. Lehiste. Some Acoustic Correlates of Accent in Serbo-Croatian. «Phonetika» (Basel — New York), 1961, 7, p. 114—148.

³ См. «Delo» (Београд), 1966, № 5—7.

⁴ См. «Гласник Српске Академије Наука» (Београд), књ. 2, св. 1, 2, 1950; књ. 5, св. 1, 1951, књ. 4, св. 1, 2, 1952; књ. 5, св. 1, 1953; «Јужнословенски филолог», (Београд), књ. XVIII, 1949—1950; «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду», № 1, 1956; № 2, 1957.

¹ I. Lehiste, P. Ivić. Accent in Serbo-Croatian, an Experimental Study. «Michigan Slavic Materials», 4. Ann Arbor, 1963, 142 p. (Рстапринт).

В некотором отношении предшествеником работ П. Ивича и И. Лехисте явилось также исследование Р. де Брея⁵. Экспериментальным путем на сознательно ограниченном материале де Брей исследовал взаимодействие словесного ударения и интонации повествовательного и вопросительного предложений. Фотографии осциллограмм и тонограмм послужили основанием для вывода первостепенной важности: под влиянием интонации предложения кривая тона ударения в значительной мере изменяется.

В последующие годы экспериментальное изучение сербохорватских акцентов в разных аспектах проводили: Й. Томич⁶ (о физиологии и функциях восходящего и нисходящего ударения в формах род. мн. существительных на материале кинематографических записей собственной речи, сделанных в Институте фонетики в Париже), К.-Х. Поллок⁷ (исследование штокавского тонического акцента), И. Махкен⁸, П. Якобсен⁹ (акустическое исследование фразовой интонации и ее влияния на словесное ударение с учетом различных позиций слова в предложении: изолированной, в начале предложения, не в начале, в конце). Опираясь на работы П. Ивича и И. Лехисте (а также на исследование 1876 г. Л. Мазинга), П. Редер провел недавно акустико-фонетический анализ акцента минимальных пар¹⁰.

⁵ R. G. B r a y. The pitch of Serbo-Croatian word accent in statements and questions. «Slavonic and East European Review», 38, 1960, p. 380—393. Более детальное исследование де Брея в 1960 г. приняла к печати Сербская АН (см. «Гласник САН», кв. 12, св. 1, 1961, стр. 41—43). Однако публикация этой работы до сих пор не осуществлена.

⁶ J. T o m i ć. Fiziologija uzlaznog i silaznog akcenta u genitivu plurala imenica. «Filologija», IV, 1963, s. 177—190.

⁷ K.-H. P o l l o k. Der neuštokavische Akzent und die Struktur der Melodiegestalt der Rede. Vandenhoeck & Ruprecht. Göttingen, 1964, 183 S.; е г о ж е. Zur Geschichte der Erforschung des serbokroatischen Akzentsystems. «Die Welt der Slaven» (Wiesbaden), II, 1957, S. 267—292.

⁸ I. M a h n k e n. Studien zur serbokroatischen Satzmelodie. Vandenhoeck & Ruprecht. Göttingen, 1964.

⁹ P. J a c o b s e n. Die Bedeutung der Satzintonation für die serbokroatischen Worttöne. «Scando-Slavica», t. X, 1964, S. 210—231.

¹⁰ P. R e h d e r. Beiträge zur Erforschung der serbokroatischen Prosodie. Die linguistische Struktur der Tonverlaufs-Minimalpaare. «Slavistische Beiträge», 31. München, 1968. Подробнее о работах, указанных в сносках 8, 9, 10 см. в обзоре: Н. Р е у к е р т. Neuere Arbeiten zur serbokroatischen Akzentuation. «Zeit-

Акустико-фонетическое изучение сербохорватских акцентов в литературном языке сделало надежной фонологической интерпретацию сербохорватской просодии. Основными работами в этой области стали исследования П. Ивича¹¹, создавшего фонологическую теорию сербских акцентов. Фонологическое описание современной сербохорватской просодической системы, находящееся в полном соответствии с экспериментальными исследованиями П. Ивича, предполагает следующие исходные положения: сербохорватский акцент выходит за рамки одного слога, релеванты в сербохорватском языке количество и место акцента; акцент реализуется как большая высота тона в соседних морях (или в соседней море, если акцент стоит на первом слоге). Нет постоянного различия между гласным под кратким нисходящим ударением (˘) и под кратким восходящим (˙): в обоих случаях кривая тона может быть или восходящей или нисходящей, или восходяще-нисходящей, или равной; единственное существенное различие между ˘ и ˙ составляет высота тона в последующем слоге, который под ˘ много ниже, чем в предыдущем, в то время как высота тона в следующем после ˙ слоге — на том же уровне или несколько ниже.

Теоретическая концепция П. Ивича близка к позиции Л. Мазинга, высказанной в конце прошлого века¹². Мазинг трактовал восходящие акценты как двуслоговые. Труд Мазинга, как и предвидел А. А. Шахматов, стал действительно поворотным пунктом в изучении современного сербского ударения. На его работу опираются многие современные фонологи¹³.

schrift für Slawistik», Bd. XIV, 1, 1969, S. 73—76.

¹¹ P. I v i ć. Die Hierarchie der prosodischen Phänomene im serbokroatischen Sprachraum. «Phonetika», 1959, 3, S. 23—39; е г о ж е. Prozodijski sistem savremenog srpskohrvatskog standardnog jezika. «Symbolae linguisticae in honorem G. Kurylowicz». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, s. 135—144.

¹² L. M a z i n g. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. «Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg». VII série, t. XXIII, № 5, 1876.

¹³ C. T. H o d g e. Serbo-Croatian Stress and Pitch. 6 General Linguistics, III, № 2. Spring 1958. Lexington (Kentucky), p. 43—54; е г о ж е. Serbo-Croatian Phonemes. «Language», 22, 1946, p. 112—120; C h. E. B i d w e l l. The Phonemics and Morphophonemics of Serbo-Croatian Stress. «The Slavic and East European Journal», VII, № 2, Summer, 1963, p. 160—165. П. Ивич считает, что Ходге и Бидвелл приписывают динамике ту существенную роль, которая принад-

Отметим небольшую по объему, но интересную работу В. Брауна и Дж. Мак Клея¹⁴. Они предложили новый (четвертый по счету) способ обозначения сербохорватского литературного ударения, когда отмечается только слог после восходящего ударения, так как оно никогда не бывает на последнем слоге в слове: *br'at*, *grād*, *nog'-a*, *rūk'-a*. Оба первых слова с нисходящим ударением *brāt* — с кратким, *grād* — с долгим, но одно из них отмечается, а другое нет, поскольку в формах с проклитикой *brāt* имеет на проклитике восходящее ударение (*dò brata*), а *grād* — нисходящее (*iza grada*). Этот способ обеспечивает единообразное выражение известных правил о дистрибуции акцента и передает связь парадигматически сходных форм.

С позиций, близких к П. Ивичу, занимается просодией З. Юнкович¹⁵, который исходит из функциональной значимости акцента и его отношения к другим средствам выражения. В отличие от П. Ивича он считает, что восходящее и нисходящее ударения представляют собой комбинаторные варианты и не объединены оппозиционно.

Любопытна работа Й. Ерковича¹⁶ о фонетической структуре и просодической характеристике односложных слов. Й. Еркович выявил определенные закономерности в дистрибуции акцента в зависимости от взаимоотношений гласных и согласных фонем и просодических элементов в моносиллабе.

В плане морфофонематического анализа рассматривают просодические альтернации в современном литературном языке и диалектах Б. М. Николич¹⁷ и П. Ивич¹⁸. Дистинкция между фонологически обу-

лежит тону. В этом основной недостаток их работ.

¹⁴ E. W. Brown, J. D. McCawley. Srpskohrvatski akcentat. «Зборник за filologiju i lingvistiku», VIII, 1965, s. 147—151.

¹⁵ Z. Janković. Napomene o naglasku. «Jezik» (Zagreb), 1969—1970, № 1, s. 1—10; его же. La fonction contrastive et l'accentuation du serbo-croate. «Linguistique», (Paris), 1968, № 2, p. 49—60.

¹⁶ J. Jerković. Гласовна структура једносложне речи у српскохрватском књижевном језику — просодичке карактеристике. «Прилози проучавању језика» (Нови Сад), № 2, 1966, стр. 55—76.

¹⁷ B. M. Nikolić. Jedna akcenatska alternacija u savremenom srpskohrvatskom jeziku. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», VII, 1963, p. 52—57.

¹⁸ П. Ивич. О деклинацијом облицима у српскохрватским дијалектима. Альтернација основа. Просодичке алтернације. «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду», V, 1960, стр. 81—87.

словленными автоматическими чередованиями и настоящими морфологически значимыми отношениями приводит к выработке правил акцентных альтернаций, не связанных с конкретными формами.

В работе К. Е. Найдора¹⁹, посвященной морфофонематике сербохорватского склонения, основное внимание уделено просодическим альтернациям, которые рассматриваются на основании фонологических оппозиций тона и количества.

В последние годы начали разрабатываться вопросы исторической фонологии сербохорватского языка. Работа П. Ивича «Основные линии развития просодической системы сербохорватского языка»²⁰ — единственная в сербохорватском языкознании, где основные проблемы исторической акцентологии рассмотрены в рамках фонологической концепции. Реконструировав прасербохорватскую систему из пяти акцентов (трех долгих — на этимологически долгих гласных и двух кратких — на этимологически кратких гласных), Ивич показал ее эволюцию в русле изменений фонологического порядка: от прасербохорватской пятиакцентной системы — к древнейшей чакавско-штокавской трехакцентной системе (со свободным местом ударения, полнотной на первом слоге, долготой только на этимологически долгих гласных в начальных и внутренних слогах), которую заменила четырехакцентная система (ни один акцент этой системы не был фонологически индивидуален, кроме ^а на *e, u, g, i*; в других случаях ^а являлся позиционным вариантом ^а), а та, в свою очередь, в результате устранения полнотной была заменена трехакцентной системой с двумя долгими и одним кратким акцентом (для этой системы характерно абсолютно свободное место ударения, наличие подударных, а также заударных и предударных долгот). Наконец, процессы переноса ударения создали современную штокавскую четырехакцентную систему со строго определенной дистрибуцией акцентов. Ивич дает фонологическую характеристику каждой из указанных систем, показывает число просодических возможностей в каждой системе. Отмечая причины, приведшие к образованию той или иной системы, автор дает относительную и нередко абсолютную хронологию описываемых процессов.

Фонологическую интерпретацию получили и просодические явления в сербохорватских диалектах. В работах П. Иви-

¹⁹ K. E. Naylor. Morphophonemics of the serbo-croatian declension. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», XII, 1969, p. 79—89.

²⁰ P. Ivić. Glavne linije razvoja proizvodijskog sistema u srpskohrvatskom jeziku. «Studija z filologii polskiej i slowiańskiej», 5. Warszawa, 1965, s. 129—144.

ча²¹ впервые были рассмотрены структурные различия в диалектной просодии (150 акцентных типов). В зависимости от того, как представлены в акцентных системах диалектов три фонологических фактора — количество, ударение и тон — П. Ивич объединяет диалекты в 6 групп. Учитывая число акцентов, долгот и их дистрибуцию, он считает теоретически возможным с помощью выведенной формулы предсказать количество просодических возможностей в словах однословных, двусловных, трехсловных и т. д. в различных диалектах.

Новую классификацию диалектов с учетом дистрибуции акцента в говоре предлагает М. Могуш²². Исходя из того, что кроме числа акцентов следует учитывать и их дистрибуцию, он наметил четыре возможные диалектные системы, которые представляют собой последовательные этапы развития от трехакцентной прасистемы к современной четырехакцентной просодической системе. Предложенный им принцип дает возможность провести более точную классификацию диалектных просодических систем и делает очевидным, что «основные линии развития просодии в одном языке одинаковы» (стр. 131).

В течение ряда лет разрабатывает свои принципы синхронического и диахронического описания славянской просодии П. Гард²³. Его метод основан на так называемых «акцентных свойствах морфем» и применим, как утверждает автор, для языков со свободным ударением. П. Гард исходит из того, что каждая морфема в слове наделена акцентным свойством, которое определяется 1) местом ударения («способностью морфемы перетягивать ударение») и 2) силой ударенности («способность реализовать собственное ударение в ущерб другим морфемам слова»). Свою методику П. Гард подробно разра-

ботал на материале русского языка²⁴ и сделал попытку приложить ее для описания штокавского, чакавского и словенского ударения²⁵. Метод П. Гарда не обеспечивает полного описания акцентной системы. С его помощью можно лишь составить список морфем (корней, суффиксов, префиксов), обладающих или не обладающих потенциальной к ударению.

Для обозреваемого периода характерен интерес к типологическим исследованиям сербохорватского акцента. Загребский языковед Б. Финка в качестве критерия принимает ударение в парадигме слова, не придавая значения роду существительных, их морфологическому строению²⁶. Поэтому, например, существительные *dīm — dīma*, *pěst — pěstī*, *knjiga*, *bōj — bōja* попадают у него в один акцентный тип, *kōnj — kōnja*, *vōl — vōla* и т. д. — в другой. В работе Б. Финки и В. Лехфельдта об акцентных отношениях в существительных²⁷ предлагаются принципы составления словаря, которые бы базировались на классификации Б. Финки, рассмотренной выше. У существительных выделено 9 акцентных типов, которые будут обозначены в словаре двузначной цифрой: первая показывает типовую акцентную характеристику форм в единственном числе, вторая — во множественном числе.

Отметим также статью З. Юнквича, где предлагается для определения акцентного типа слова давать в словарях наряду с формой *Nom. sg.* и акцентную форму *Gen. sg.* с предлогом²⁸.

II

Новый этап в изучении сербохорватской просодии характеризуется также непрерывающейся связью с традици-

²⁴ P. G a r d e. Pour une theorie de l'accentuation russe. «Slavia», гоџ. XXXIV, seš. 4, 1965, s. 529—559. См. также его работу: Accentuation et morphologie. «La linguistique», 1965, 2, p. 25—39; Fonction des oppositions tonales en slave du sud. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», LXI, Paris, 1966, p. 42—56.

²⁵ P. G a r d e. Les propriétés accentuelles des morphèmes serbo-croates. «Scando-Slavica», t. XII, 1966, p. 152—172.

²⁶ B. F i n k a. Prilog akcenatskoj tipologiji u imenica. «Jezik», XV, 5, 1968, s. 143—150.

²⁷ W. L e h f e l d t, B. F i n k a. Das Akzentverhalten im Serbokroatischen dargestellt an den Substantiven. «Die Welt der Slaven», XIV, 1969, S. 26—46; и х же. Das Akzentverhalten im Serbokroatischen dargestellt an den Verben. Ibid., S. 174—192.

²⁸ Z. J u n k o v i ć. Naglasak na proklitici. «Jezik», 1, 1970—1971, s. 4—14.

²¹ P. I v i ć. Über den spezifischen Charakter der mundartlichen Ausgliederung des serbokroatischen Sprachgebietes. «Orbis. Bulletin international de documentation linguistique», Louvain, VIII, 1958, I, p. 103—109; е г о ж е. The Functional Yield of Prosodic Features in the Patterns of Serbokroatian dialects. «Word», vol. 17, № 3, 1961, p. 293—308; см. также соответствующие страницы в книге: P. I v i ć. Die serbokroatischen Dialekte, I. s'Gravenhage, 1958.

²² M. M o g u š. Za novu akcenatsku klasifikaciju u dijalektologiji. «Зборник за филологију и лингвистику», X, 1967, s. 126—132.

²³ P. G a r d e. Les propriétés accentuelles des morphèmes dans les langues slaves. «Revue des Études slave», vol. 47, 1968, p. 29—37; е г о ж е. L'accent. Paris, 1968, 171 p.

онной акцентологией. Традиционная акцентология оставила нам фундаментальное описание акцентных типов литературного языка, сделанное Дж. Даничицем по словарю Вука («Српски акценти». Београд — Земун, 1925). Являясь ценнейшим источником материала по сербохорватским акцентам, труд Дж. Даничица в то же время не дает представления о сербохорватской просодии как о системе, а также о структуре и взаимоотношениях отдельных акцентных типов. Все это заставляет современных акцентологов еще и еще раз возвращаться к материалам Дж. Даничица и интерпретировать их на уровне требований и достижений современной науки.

Здесь прежде всего следует сказать о работах М. Пешикана, который стремится разработать методологию описания литературной и диалектных акцентных систем, исходя из теории Х. Станга. Его статья «Система глагольного ударения Вука и Даничица и ее последующие модификации»²⁹ является первой и лучшей систематизацией современного материала по акцентуации глагола. Описав акцентные типы и показав их структуру во всех грамматических формах, Пешикан представил системы основных акцентных типов в виде таблиц, где акцентные разряды глаголов даются (по морфологическим классам) с учетом происхождения акцентов (основы *oxytona* — имевшие окончание ударение до штокавской ретракции, *heterotona* — с праславянской рецессией в настоящем времени и *barutona* — с ударением на внутренних слогах) и различия долготных и краткосложных основ. Оставшиеся вне этой системы односложные основы на гласный (тип *mrēti*, *mrēmo*, *mrjje* и т. д.), неоднородные по форме и происхождению, М. Пешикан сгруппировал в отдельные три акцентных типа (с вариантами в презенсе). Сделанные им численные подсчеты возможных префиксальных образований от основ различных акцентных типов в какой-то мере отражают функциональную нагрузку отдельных типов. М. Пешикан вносит дополнения и изменения в акцентуацию ряда глаголов, происшедшие (или нормализованные) в истекший после Дж. Даничица период³⁰.

²⁹ М. Пешикан. Вуков и Даничићев систем глаголког акцента и његове новие модификације. «Јужнословенски филолог», књ. XXVI, св. 1—2, 1963—1964, стр. 247—292.

³⁰ О происшедших со времен Дж. Даничица изменениях в литературной норме, некоторых уточнениях в ударении отдельных слов см. также: V. Anić. O akcentu trosložnih imenica ženskog roda. «Jezik», 1966—1967, 1, s. 1—6; B. Klaić. Akcentatske inovacije među jednosložnim promjenljivim riječima u novom Pravopisnom rječniku. «Filologija», 4, 1963,

Ценность работы М. Пешикана состоит в том, что в ней дается не только классификация акцентных типов, но и описание процесса их становления, объяснены основные акцентные процессы в штокавском, приведенные к современному состоянию, учтены все необходимые диалектные явления.

Основополагающей работой по сербской исторической акцентологии является исследование М. Пешикана «Об основах штокавского ударения»³¹, в которой, исходя из концепции Хр. Станга, рассматриваются акцентные факты от позднего праславянского периода до современного состояния их в сербохорватском языке. М. Пешикан дает краткую историю штокавской акцентуации: описывает смену ударений, поясняет, рефлексам каких праславянских ударений являются современные сербохорватские акценты, показывает изменения в системе безударных долгот (утрата старых, появление новых). Большую часть исследования занимает описание развития и акцентных отношений именной системы существительных, прилагательных и причастий сербохорватского литературного языка. М. Пешикан выделяет пять акцентных типов у непроизводных имен и показывает акцентологические закономерности в словобразовании (производные имена). Акцентная система глагола дается в этой статье схематично, поскольку ей посвящена специальная работа, рассмотренная выше.

В небольшой по объему статье М. Пешикана об акцентных взаимоотношениях простой и членной форм прилагательных³² выдвигается предположение об изначально различном фонетическом характере конечного ударения в формах исконно *b* и *c* акцентуационных парадигм.

Глубокие знания М. Пешикана в области славянской исторической акцентологии и диалектологии выдвинули его работы в число наиболее значительных по сербской просодии.

Важным событием в сербохорватской акцентологии следует считать появление в 1970 г. книги Й. Матешича «Ударение в сербохорватском литературном языке»³³. Опираясь на работы Дж. Дани-

s. 81—108; M. Stanić. O akcentu vokativa imenica tipa *jūnāk* i dr. «Filologija», 5, 1967, s. 137—167, и др.

³¹ М. Пешикан. О основама штокавске акцентуације. «Јужнословенски филолог», књ. XXVIII, св. 1—2, 1970, стр. 107—142.

³² М. Пешикан. О акцентским односима просте и сложене придевске форме. «Зборник за филологију и лингвистику», књ. XII, 1969, стр. 167—171.

³³ J. Matesić. Der Wortakzent in der serbokroatischen Schriftsprache. Heidelberg, 1970, 345 S. Этому труду предшествовала статья об акцентуации место-

чича, А. Павича, П. Ивича, М. Пешикана, Б. Николича и др., Й. Матешич впервые в сербохорватском языкознании дал исчерпывающее типологическое описание современной литературной акцентной системы. Книга начинается с очерка об историческом развитии акцентных систем, который дается на фоне изменений фонетической системы. Затем характеризуется современная акцентная система: дистрибуция акцента в слове в зависимости от его морфологического строения, в префиксах и в корневых слогах отдельно, дистрибуция долгот в слове (в слогах) и по частям речи. Анализируя конкретные грамматические категории, Й. Матешич дает сначала дистрибуцию акцентов в парадигме склонения (спряжения). При описании отдельных акцентных типов он учитывает морфологическое строение, словообразовательные связи слов, приводит материал говоров, чтобы показать разнообразие акцентных диалектных типов. К работе приложены словоуказатель, насчитывающий более 10 тысяч слов и несколько десятков словообразовательных элементов, и обширная библиография (408 названий).

Несколько слов следует сказать о работах, в которых делается попытка упростить описание Дж. Даничича, чтобы облегчить практическое изучение сербохорватских акцентов. Так, С. Бабиц за счет объединения акцентных типов с непостоянной долготой сводит 252 акцентных типа существительных Дж. Даничича к 54 акцентным типам³⁴. Такую же практическую цель преследует и Б. Клаич, предложивший метод усвоения акцентной системы³⁵, основанный на «принципе проклизы». Однако нам кажется, что умение определять исконность ударения в слове, требуемое для овладения методом Б. Клаича, не реально для людей без специальной лингвистической подготовки.

Вопросы исторической акцентологии в духе традиционных построений нашли интересное разрешение в трудах М. Храсте³⁶. Исходя из

имений: J. M a t e s i ć. Die Betonung der Pronomina in der kroatischen oder serbischen Schriftsprache. «Die Welt der Slaven», XII, 1967, S. 180—192.

³⁴ S. B a b i ć. O Daničićevu naglasnom sustavu kao sustavu. «Jezik», XV, 5, 1968, s. 150—157.

³⁵ B. K l a i ć. Jedan pedagoški pokušaj u akcentologiji. «Ivšićev zbornik». Zagreb, 1963, s. 195—202.

³⁶ M. H r a s t e. O kanovačkom akcentu u Hrvatskoj. «Filologija», 1, 1957, s. 59—75; его же. Od akcentuacii starohorwackiej i staroserbskiej do współczesnej sztokawskiej. «Z badań nad językami Jugosławii». Warszawa, 1961, s. 81—86.

известной концепции (С. Ивщиц, А. Белич и др., согласно которой в момент своего прихода на Балканы южные славяне имели трехакцентную систему ударения $\grave{}$, $\hat{}$, $\tilde{}$, замененную затем на двухакцентную в ряде говоров Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины, Хорватии, а современная штокавская четырехакцентная система появилась около XV в. в результате штокавской ретракции), М. Храсте на диалектных примерах показывает, как происходил переход от одной системы к другой. Важно его утверждение о том, что переходная стадия от трех- или двухакцентной системы к четырехакцентной зафиксирована в современном кановачском акценте: ' в говорах с этим ударением стоит не только в случаях, соответствующих литературному языку, но и на месте $\grave{}$ (*vóda, lónac, žéna* и т. д.). М. Храсте полагает, что кановацкий акцент начал развиваться параллельно штокавской ретракции в XV в. на штокавской территории. Штокавская перетяжка начиналась с конечных слогов на предшествующий долгий и потому первым результатом ее было появление долгого восходящего ударения'. Затем, когда начался перенос и на предшествующий краткий, это перенесенное ударение по аналогии с новым на долгим слоге становилось тоже долгим. Так появилось кановацкое ударение, известное до работы М. Храсте только на сербской территории. М. Храсте провел сплошное обследование хорватской территории и почти всюду нашел кановацкий акцент. Это один из веских аргументов в пользу концепции автора о месте кановацкого ударения в истории сербохорватской акцентной системы.

К диалектному материалу обратился для решения вопросов южнославянской (в том числе сербохорватской) исторической акцентологии С. Густавссон³⁷. Восстанавливая праславянскую акцентную систему презенса глагола на материале восточной (болгарский, македонский языки и торлакские диалекты), центральной (штокавские и чакавские диалекты сербохорватского языка) и западной (словенский язык и кайкавские диалекты) групп южнославянских языков, С. Густавссон, опирается на неопубликованную концепцию своего учителя Ж. Совре (J. Sovrè), в которой имеется ряд спорных, сомнительных, с нашей точки зрения, положений (в частности, праславянский акут признается интонацией нисходящей; при объяснении акцентных инноваций преувеличивается роль аналогии (например, *stârî, prâvi* по аналогии с *mlâdi, krîvi*). С. Густавссон исходит из системы доштокавской ретракции в

³⁷ S. G u s t a v s s o n. Accent paradigms of the present tense in South Slavonic. East and Central South Slavonic. Stockholm, 1969, 145 p. (Потапринт).

нотации Е. Станкевича (помечаются место ударения и долгие слоги). В каждом классе глаголов автор выделяет два акцентных типа (с накоренным и послекорневым ударением) и в каждом из них по два подтипа (глаголы с долгим и кратким корнем). Сопоставляя эти подтипы с праславянскими акцентными типами, С. Густавссон показывает изменения, происшедшие на сербохорватской почве. Выявленным инновациям находят параллели в диалектах. Все сербохорватские инновации сводятся к следующим изменениям: сокращению слогов с акцентом (происшедшее, по мнению Совре и Густавссона, еще в праславянский период и повлекшее смену интонации на нисходящую); утрате просодической оппозиции в кратких слогах, утрате просодической оппозиции в 1 л. ед. ч. (с прибавлением нового окончания -м произошло выравнивание по аналогии с другими лицами). С. Густавссон отмечает также случаи удлинения гласного корня и рассматривает вопрос о сохранении заударной долготы в 3 л. мн. ч.

Отметим также, что в последние годы возрождена традиция изучения древних акцентных систем по памятникам письменности, восходящая к трудам Ст. Новаковича и Дж. Даничича. О. Неделькович исследовала надстрочные значки в сербских рукописях дорасавского и расавского периода, создав ценнейший справочник акцентованных рукописей XII—XIV вв., включающий несколько десятков памятников³⁸. Описанием системы надстрочных значков каждой из рукописей О. Неделькович подготовила почву для изучения акцентных систем, скрытых под надстрочными значками.

В Советском Союзе рачала работу над сербскими акцентованными текстами XV—XVI вв. (рукописными и старопечатными) автор этих строк, используя кол-

³⁸ О. Неделькович. Знаки ударений в сербских дорасавских рукописях. «Slavia», 1967, № 1, стр. 24—32; е е ж е. Знаки ударений в средневековых сербских рукописях (XII—XIV вв.). В сб. «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 101—134.

лекции древнесербских письменных памятников, хранящиеся в СССР³⁹.

К сожалению, не продолжена традиция изучения областных акцентных систем старых писателей и грамматистов, заложенная Ст. Ившичем, хотя интерес к трудам и методам работы одного из крупнейших югославских акцентологов не утрачен и у современных исследователей⁴⁰. Кроме скромных разделов, посвященных акценту и количеству, в исследованиях о языке писателей довукового периода⁴¹ можно назвать только работу В. Анича об ударении в грамматике Шимы Старчевича⁴², изданной в 1812 г. Просодическая система в этой грамматике в основе своей новоштокавская, четырехакцентная, создана полунскусственно как некая икавская литературная система, не имеющая определенной диалектной основы (родной говор Старчевича — штокавский икавский говор Лики, с которым В. Анич ведет сопоставление, — был лишь источником отдельных акцентных форм).

Р. В. Булатова

³⁹ Р. В. Булатова. Из сербской исторической акцентологии. Две просодические системы XVI в. В сб. «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1971, стр. 32—42. Находятся в печати статья об акцентной системе печатника XVI в. Мардария в сб. «Исследования по сербохорватскому языку», а также монография, в которой исследуется акцентная система глагола в древнештокавской рукописи XVI в. («Сборник 1509 г.» как памятник истории сербского штокавского ударения).

⁴⁰ См. D. B r o z o v i ć. O Stijepani Ivšići kao slavenskom i hrvatsko-sprskom akcentologu. «Ivšićev zbornik», Zagreb, 1963, s. 25—36.

⁴¹ См. С. М а р к о в и ћ. Језик Ивана Анчића (босанског писца XVII века). «Српски дијалектолошки зборник», књ. XIII. Београд, 1958, стр. 12—24; S l. P a v e š i ć. Jezik Stjepana Matijevića. Prilog poznavanju jezika bosanskih pisaca 1781. «Rasprave Instituta za jezik», I. Zagreb, 1968, s. 371—484, и др.

⁴² V. A n i ć. Akcentat u gramatici Šime Starčevića. «Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru», 7. Zadar, 1968, s. 70—88.

СОВМЕСТНЫЙ ТРУД СОВЕТСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ КУЛЬТУРЫ

В конце 1970 г. выпущен издательством «Наука» сборник «Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства» (Москва, 1970, 216 стр.), в подготовке которого приняли участие советские и чехословацкие авторы. Попытка

осветить разнообразные исторические связи в области культуры и искусства между Россией и Чехословакией предпринята у нас впервые.

Книга хорошо издана, имеет 96 иллюстраций, сопровождается указателем имен.

Во вступительной статье «Вековые традиции культурных связей народов СССР и Чехословакии» (авторы О. Швидковский и С. Шабрук) дан краткий обзор основных моментов истории взаимодействия культур русского, чешского и словацкого народов, определены проблематика и цель издания. Статьи сборника сгруппированы в трех тематических разделах: «Архитектура. Живопись» (стр. 11—112), «Театр. Кино» (стр. 115—164), «Музыка» (стр. 167—206).

Первый раздел открывается статьей Душана Конечного «Значение русской демократической культуры для развития чешского изобразительного искусства XX столетия», содержащей в себе весьма богатый и интересный фактический материал, причем относящийся не только к искусству XX столетия, но и к предшествующим эпохам (XVIII—XIX вв.). Относительно небольшая по объему, статья Конечного являлась, как сказано в книге, попыткой «систематизировать ряд фактов, носящих порой частный характер, могущих иногда показаться даже случайными или не очень масштабными, но неизменно складывающихся в убедительную и цельную картину постоянного взаимодействия» (стр. 11). В значительной мере с поставленной перед собой задачей автор справился. Однако «картина взаимодействия» русского и чешского искусства все же могла бы быть представлена в статье полнее. О связях Алеша с русским искусством и всей русской культурой сказано лишь несколько строк, хотя это фигура исключительно интересная в этом плане: достаточно сказать, что наследие Алеша содержит несколько десятков работ на русские сюжеты. Кстати, автор статьи допускает неточность, полагая, что от Сукдольского периода творчества Алеша (1877—1879), когда «он задумал создать всеславянский цикл», не уцелело его работ на русскую тему и что «сохранилось лишь несколько набросков, которые он выполнил позднее; среди них „Победоносный марш русских“ (1902) и „Битва на Косове“ (1907)». Здесь возникает некоторое недоумение. Во-первых, от Сукдольского периода сохранилось довольно много рисунков (законченных и незаконченных), связанных с намерением Алеша создать всеславянский цикл, а точнее цикл циклов «Славия», куда как составная часть должен был войти и «Русский цикл». Сохранились рисунки «Русского цикла»: «Иван III», «Татарский лучник», «Бой русских и французских солдат на небе», «Бегство Наполеона из Москвы», два изображения Георгия Победоносца, «Русский воин», «Казак», «Русский в меховой шапке», «Казак на могиле» и др. Во-вторых, цветной, крупноформатный, более метра длины, рисунок Алеша «Полки Игоревы» (1902), вполне законченный, а не набросок (очевидно, это он назван в статье «Победоносный

марш русских»), не имеет прямого отношения к замыслу Алеша создать всеславянский цикл. Ни в одной из семи уцелевших сюжетных программ этого цикла такого сюжета не значится. Что касается «Битвы при Косове» (рисунков на эту тему у Алеша не один, а несколько), то хотя его условно и можно считать далеким отголоском планов молодого Алеша, касающихся цикла «Славия», однако он никак не связан с Россией.

Для советских читателей было бы интересно узнать о переписке Алеша с Билибиным, о его восторженном отношении к творчеству В. Васнецова, о высокой оценке произведений Алеша Репиним.

В статье ничего не сказано о принадлежащем Репину карандашном портрете Направника, а также о портрете Глинки, сделанном в середине XIX в. чешским художником Иржи Кордиком (хранится в Карловарском музее) и опубликованном в Чехословакии и в нашей стране. Эти и другие факты тоже заслуживали бы внимания.

Мало места, на наш взгляд, уделено в статье и чешскому скульптору Вацлаву Кафке, для которого с 1877 г. Россия стала второй родиной. Кафка был связан личной дружбой с Суриковым и С. Ивановым. Последний написал интересный портрет чешского скульптора, запечатлев его во время работы, в мастерской. Кафка посещал Шмаровинские среды, где встречался со многими московскими художниками. Не порывая связей с родиной, он пеликом вошел в жизнь русского искусства. Помимо статуи «Ермак», Кафкой был выполнен ряд других работ на русские сюжеты, среди которых на первое место должен быть поставлен один из лучших скульптурных портретов драматурга Островского, ныне находящийся в Московском Историческом музее. К сожалению, о большинстве работ Кафки мы можем судить лишь по репродукциям, так как, не располагая достаточными средствами, он по преимуществу пользовался наиболее дешевым и недолговечным материалом — глиной.

К достоинствам статьи о значении русской культуры для чешского искусства следует отнести особое внимание автора к проблеме влияния прогрессивной русской литературы на чешских художников. Ее постановка интересна не только в историческом плане, но и в методологическом.

Большое место в первом разделе сборника занимает статья О. Швидковского и И. Груза «Общие проблемы архитектурного творчества». Она начинается с рассматривания специфики русского и чехословацкого градостроительства. При этом авторы отмечают, что и в наши дни для исторических частей русских городов имеют большое значение «выразительные черты классицизма». Для старых городов Чехословакии показательны «характер-

ные черты средневекового градостроительства». Отличие исторической планировки русских и чехословацких городов нередко обуславливалось и тем, что первые строились по берегам рек, а вторые на узлах сухопутных торговых трактов. Ядром древних русских городов, как правило, был Кремль, в чехословацких городах грады и замки выполняли несколько иную функцию, сохраняли определенную самостоятельность, не сливались в единое целое с городским организмом, а иногда и противопоставлялись ему. Все это приходится учитывать современным архитекторам в их работе.

Специальный раздел статьи посвящен вызреванию в Чехословакии идей социалистической архитектуры в 20—30-е годы, связям прогрессивных архитекторов Чехословакии с архитекторами СССР.

Далее в работе говорится о направленности градостроительной практики в Советском Союзе и Чехословакии, формировании крупных территориальных ансамблей и общих проблемах реконструкции городов. Статья завершается разделом «Социалистический город и проблема создания комплексной жизненной среды».

Отличительную особенность сравнительного исследования проблем архитектурного творчества двух стран составляет их рассмотрение преимущественно на уровне общих принципов градостроительства. Отдельные из приводимых авторами конкретных примеров близости задач, стоящих перед советскими и чехословацкими архитекторами, не вполне убеждают. Так, в частности, решение развивать Ленинград в сторону моря и архитектурная задача превращения его в «типичный приморский город» вряд ли все же имеет так много общего с «задачей организации пригородной зоны Праги», как это можно понять, читая 37 и 38 страницы сборника. Более удачным представляется пример близости творческой работы чехословацких архитекторов над созданием коллективных домов в Литвинове и Готвальдове и советских над «комплексом нового быта» в 10-м квартале Новых Черемушек. Думается, что авторы напрасно не остановились сколько-нибудь подробно на вопросах национального своеобразия архитектуры, проблеме влияния климата на характер и архитектурные особенности жилища. Статья об архитектуре очень богато иллюстрирована, но не все иллюстрации прочно связаны с текстом. Трудно, например, понять, к какой именно странице текста должно быть отнесено изображение ашхабадского госбанка.

Небольшая статья «Чешский сатирический рисунок против русского царизма» (автор Дагмар Стара) вводит в научный оборот новый материал из истории чешской революционной сатиры. В работе рассмотрен ряд рисунков, появившихся в 900-х годах в прогрессивной чешской

прессе. Правда, этот ряд не исчерпывает темы и мог бы быть дополнен, в частности, опубликованным в брненском социал-демократическом журнале «Раппле» (о котором говорится в статье) рисунком, изображающим представителей чешской реакции, пресмыкающихся перед царизмом. Нельзя не пожалеть, что авторство интересных сатирических рисунков из журнала «Раппле», рассматриваемых и воспроизводимых в книге, до сих пор осталось не установленным.

Можно только приветствовать включение в первый раздел сборника статьи Индржиха Шамала «Франтишек Таборский и чешско-русские связи в области изобразительного искусства». Мало кто в Чехии вложил так много труда в дело популяризации русского искусства, как поэт и переводчик Таборский. В статье справедливо сказано: «Все главные стороны русского искусства, все, что составляет его непреходящую славу и неуязвимую прелесть, так или иначе были затронуты в его (Таборского. — Л. К.) статьях, книгах или переводах». Таборского, действительно, интересовало многое: и русская икона, и Верещагин, и Крамской, и Репин, и Васнецов, и Серов, и Билибин. Кстати, отметим одну неточность: автор указывает, что непосредственная связь между Алешем и Билибиным была установлена через жившего в Петербурге Франка и турновского художника Проусека. По свидетельству же зятя Алеша — Эмануэла Свободы и дочери художника Марины Свободовой-Алешевой, этому способствовали супруги Ярослав Промек и Бела Горская, чешские артисты, жившие и работавшие в Петербурге в 1904—1906 гг. О том же сообщает и сам Алеш Проусеку в письмах от 25 XII 1905 и 8 III 1906 г.

В работе Шамала обоснованно подчеркивается очень правильная мысль Таборского о том, «что Васнецов является для Руси тем, чем для чехов является Алеш». К этому можно было бы добавить, что Таборский высоко ценил произведения Алеша с русской тематикой, считал их «полнокровно русскими», могущими «принадлежать Третьяковской галерее». Положительную черту статьи о Таборском составляет и то, что его деятельность как пропагандиста творчества русских художников в Чехии дана на довольно широком общем фоне русско-чешских культурных отношений, благодаря чему читатель узнает не один интересный конкретный факт из истории контактов русского и чешского искусства.

Мало кому известно, что обошедший весь мир портрет героя Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенанта Платова до его гравирования первоначально был выполнен выходящим из словацкого города Левоча портретистом Яном Ромбауэром (1782—1849), который почти двадцать лет, с 1806 по 1824 г., жил и

работал в России. Ромбауэру принадлежит целая галерея портретов, созданных им в России. Назовем среди них еще портреты участника Отечественной войны генерала Орлова-Денисова, основателя Лазаревского института Я. Л. Лазарева, графини Кутайсовой. Последний отличается естественной простотой и поэтичностью. Все это нашло освещение в обстоятельной статье А. Петровой-Плескотой «Развитие творчества Яна Ромбауэра и русская портретная школа живописи». В ней рассматриваются общие черты произведений Ромбауэра с произведениями таких русских художников-портретистов, как Боровиковский, Венецианов, Кипренский и Тропинин. В заключительной части статьи автор пишет, что для словацкой живописи художественное наследие Ромбауэра является «совершенно особым вкладом, который ценен не только своеобразием таланта художника, но также и передачей им через посредство своих произведений опыта и знаний, приобретенных при изучении работ лучших русских мастеров портрета» (стр. 98).

Первый раздел книги завершает работа Вл. Фиалы «Картины русских пейзажистов XIX в. в чешских собраниях». Она подробно информирует об оказавшихся по разным причинам в Чехословакии пейзажных произведениях ряда русских художников: Щедрина, Шишкина, Киселева, Поленова и др. Как и опубликованная в Чехословакии в 1968 г. статья «Русские рисунки и акварели в чехословацких коллекциях»¹, эта работа представляет собой часть книги Вл. Фиалы о произведениях русского искусства в Чехословакии, которая, как сообщает автор, подготавливается издательством «Художник РСФСР». Приведенные в статье новые данные о русских пейзажистах могут быть безусловно полезны советским искусствоведам.

Входные в первый раздел сборника статьи не охватывают всех возможных тем и аспектов чехословацко-русских взаимоотношений в области живописи и архитектуры. Да это и не имелось в виду их авторами. Но уже теперь опубликованный в книге материал существенно расширяет наши представления об этих взаимоотношениях. Не менее важно и то, что он указывает на широкие возможности для соответствующих исследований в будущем.

Центральное место во втором разделе сборника занимает содержательная статья советского театроведа Л. Солнцевой «О творческих связях чехословацких режиссеров с советским театром 20—30-х годов». Плодотворность этих связей была в значительной мере подготовлена предшествующим этапом в истории театральных контактов России и Чехии, и автор

правомерно начинает свою работу с показа той роли, которую в утверждении профессиональной зрелости чешской сценической культуры сыграли гастроли Московского Художественного театра в 1906 г. Представление читателя об интенсивности театральных связей уже в те годы было бы, вероятно, еще ярче, если бы исследователь подробнее рассказал о гастрольях О. В. Гзовской, о пребывании К. С. Станиславского в Марианских Лазнях в 1914 г. и, пожалуй, даже о посещении Праги М. Г. Савиной с труппой (1899 г.), оказавшем сильное и длительное впечатление на чешскую столицу. Давая характеристику состоянию театра Чехословакии в 20-е годы, автор статьи выделяет в качестве основной тенденции усиление борьбы между официальным буржуазным театром и нарождающимся пролетарским, представленным, в первую очередь, «Дедрасбором» («Делники драматички сбор»), «Освобожденным театром», и трактует рост интереса к опыту советского театра как объективную потребность «социалистических элементов театральной культуры» Чехословакии. Показаны многообразные каналы, по которым произошло общение с театром советской страны: гастроли театральных коллективов (МХАТ в 1922 г.), активная пропагандистская деятельность «левых» и коммунистических изданий, выпуск ряда книг о советском театре (в частности, чешский перевод «Записок режиссера» А. Таирова), наконец, все более широкое личное общение театральных деятелей обеих стран. Особенно тесными становятся личные контакты советских и чехословацких режиссеров с середины 30-х годов, когда советский «Интурист» стал проводить в Москве ежегодные театральные фестивали для иностранных гостей. Несомненное достоинство работы состоит в том, что автор изображает эти контакты не в виде какого-то недифференцированного потока, а с учетом бесспорно существовавшей избирательности, обусловленной творческими индивидуальностями чешских и словацких режиссеров. Даже краткая характеристика своеобразия художественных и эстетических принципов того или иного мастера помогает понять, почему, скажем, Квапил и Бородач теснее были связаны с МХАТом, Буриан — с театром Мейерхола, а Гонзл — с Камерным театром Таирова. Наиболее ярким практическим результатом советско-чехословацких театральных связей межвоенного двадцатилетия автор считает постановку О. Стибором «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского в ноябре 1935 г. в Городском театре Оломоуца. Важно отметить, что работа Л. Солнцевой вводит в научный обиход ряд новых архивных и труднодоступных газетных материалов (как непосредственно в тексте, так и в виде отдельных приложений).

¹ См. «Советское славяноведение», 1970, № 1, стр. 115—116.

Как бы продолжением статьи Солнцева является следующая за ней публикация А. Февральского «Вс. Мейерхольд в Праге», содержащая материалы, связанные с пребыванием Мейерхольда в Праге в 1934 и 1936 гг. Преимущественно это интервью режиссера и газетные отчеты о его лекциях и беседах с театральными работниками Праги, почерпнутые из пражской прессы тех лет. Материалы публикации не только еще раз свидетельствуют о значительности влияния, оказанного Мейерхольдом на чехословацкий театр той поры, и о высокой оценке, данной самим Мейерхольдом этому театру («Прага вырвала сегодня художественное руководство театральной жизнью Центральной Европы из рук Вены и Берлина»), но и служат дополнительным штрихом к нашему представлению о театрально-эстетической концепции выдающегося режиссера XX в.

Московский режиссер Г. П. Ансимов в своих заметках «Чешский оперный театр, каким я его помню» делится впечатлениями о работе с коллективом пражского Национального театра, где он в 1961—1963 гг. поставил три советские оперы — «Повесть о пастухе и девушке» и «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева, «Укрощение строптивой» Шекспира. Ансимов подчеркивает исключительно высокое качество оперных представлений Национального театра, всегда являющихся собой именно *театральный спектакль* (а не концерт из любимых мелодий), благодаря последовательной реализации принципа полного и равноправного единства музыкального и сценического начал в опере. Все актеры обладают редким качеством профессионализма и творческой дисциплинированности, позволяющим им решать сложные художественные задачи в подчас прямопротивоположных по стилю и манере оперных произведений. Автор дает творческие портреты трех крупнейших мастеров современной чешской оперы — дирижера З. Халабалы, главного режиссера Национального театра В. Кашлика и главного художника Й. Свободы, одного из создателей знаменитой «Латерны магии». В рамках данного сборника заметки Ансимова интересны прежде всего как свидетельство *сегодняшней* творческой дружбы театральных деятелей Советского Союза и Чехословакии, опирающейся на славные и давние традиции.

Киновед Л. Пэк в статье «Чехословацкий кукольный фильм в борьбе за утверждение народных традиций» анализирует кукольные фильмы с национально-фольклорной тематикой, созданные в первое послевоенное десятилетие (четыре фильма Й. Трнки и один — К. Земапа), и стремится раскрыть на их примере то, как кукольному кинематографу удалось органически сплавить восходя народные традиции и сюжеты с актуальными проблемами современной жизни. Впрочем,

ряд оценок вызывает возражение. Так, едва ли можно утверждать, что отход Трнки от историко-фольклорной тематики приводил к некоторой потере им национальной самобытности, особенно, если это положение автор связывает с фильмом о бравом солдате Швейке. Ведь сам автор пишет ниже: «Швейк Трнки остался Швейком». Стилистическая небрежность некоторых пассажей статьи приводит иногда к затемнению смысла.

Третий раздел сборника — «Музыка» — открывается статьей И. Болзы «Чешские и словацкие музыканты в России». Эта работа содержит большой фактический материал, хронологически охватывающий период с середины XVIII в. и до наших дней. Автор убедительно показывает, сколь неразрывно связаны с историей русской музыкальной культуры имена тех чехов и словаков, которые длительное время жили и творили в России, находя здесь зачастую свою вторую родину. В XVIII в. это Мареш и Прач, в XIX — Направник и Лауб. Гржимали и Сук... Яркой главой в летописи междисциплинарных музыкальных контактов являются также приезды в страну Чайковского и Римского-Корсакова — А. Дворжака, Л. Яначека и О. Недбала, о чем говорится в заключительной части работы.

В развитии чешско-русских культурных связей исключительная заслуга принадлежала, как известно, пражскому клубу деятелей искусств «Умелецка беседа», возникшему в 1863 г. Музыкальное отделение «Беседы», где активно сотрудничали Дворжак, Фибих, Гостинский, внесло огромный вклад в популяризацию музыки Чайковского. Этой теме посвящена работа Индржиха Шамала «Петр Ильич Чайковский и „Умелецка беседа“». В центре внимания — история приглашения русского композитора и первый его приезд в Прагу в феврале 1888 г. Кульминацией подробно описываемого десятидневного пребывания Чайковского стал авторский концерт 19 февраля, после которого музыка великого композитора навсегда вошла в духовный мир чешского народа. Шамалу удалось в интерпретации исторических фактов удачно воссоздать атмосферу искренней любви чехов 80—90-х годов к музыке Чайковского, к нему лично как «большому человеку благородного сердца и возвышенных воззрений», к стране, которую он представлял.

В. Киселев публикует впервые на языке подлинников три письма А. Дворжака, написанные им во время пребывания в Москве в 1890 г. Первое из них адресовано — по предположению Киселева — А. Г. Рубинштейну (от 23 II 1890, на нем. яз.), второе — Э. Ф. Направнику (от 3 III 1890, на чеш. яз.), третье — П. И. Юргенсону (от 15 III 1890, на нем. яз.).

Интересна работа Л. Поляковой «О

„русских“ операх Яначека», которая знакомит нас с громадным влиянием на эстетические, творческие и гражданские позиции выдающегося моравского композитора русской классической литературы, русского музыкального фольклора, оперных произведений представителей «Новой русской школы». Автор полемизирует с теми чешскими музыковедами, которые отрицают следы воздействия на Яначека со стороны Мусоргского. Основу статьи составляет весьма стройный анализ двух крупнейших опер Яначека — «Кати Кабановой» (по драме «Гроза» Островского, 1919—1921) и «Из мертвого дома» (по «Запискам из Мертвого дома» Достоевского, 1927—1928). В текст вкрадлось несколько фактических неточностей. Так, например, первое знакомство пражской публики с Островским состоялось не в 1870 г. («Гроза»), а в 1867 г., когда на сцене Временного театра была поставлена драма «Бедность не порок», в 1869 г. в этом же театре шло «Доходное место». Увлеченностью автора можно объяснить противопоставление «наиболее самобытной части русской оперной классики» — «Борис Годунов», «Псковитянка», «Князь

Игорь» — таким операм, как «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и др.

Посвященные отдельным явлениям и областям культурных взаимоотношений между русским, чешским и словацким народами, статьи второго и третьего разделов сборника, равно как и первого, дают в целом впечатляющую картину исторического развития этих взаимоотношений в сфере художественной культуры XIX—XX столетий. Работы советских и чехословацких историков культуры, составившие этот интересный коллективный труд, являющий собой пример плодотворности сотрудничества ученых СССР и ЧССР, вводят в научный обиход богатый фактический материал, дают оригинальную трактовку ряда значительных явлений русской, чешской и словацкой культуры, что, бесспорно, будет использовано широким кругом славистов в их дальнейших исследованиях. Хотелось бы надеяться, что опыт создания коллективного труда учеными двух братских стран будет использован и развит в новых, крайне полезных изданиях такого рода.

Л. С. Кишкин, Ю. И. Ритчик

ST. KALABIŃSKI, F. TYCH. *Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich. Warszawa, 1969, 443 s.*

СГ. КАЛЯВИНСКИЙ, Ф. ТЫХ. *Четвертое восстание или первая революция 1905—1907 гг. на польских землях*

Русская революция 1905—1907 гг. была одним из важнейших исторических событий начала двадцатого века. Оказав огромное влияние на подъем мирового революционно-освободительного движения, она открыла новый этап в международном рабочем движении. С особой силой влияние революции отразилось на национальных окраинах царской империи, где все формы социального гнета переплетались с национальным угнетением трудящихся, где русификаторская политика царизма вызывала гнев и возмущение народных масс.

К изучению и разработке различных аспектов проблемы польского революционно-освободительного движения в первой русской революции историки народной Польши обращались неоднократно. Однако, как справедливо подчеркивают авторы рецензируемой книги, в польской историографии до сих пор не было обобщающих работ, в которых бы проблема рассматривалась всесторонне.

В работе С. Калябинского и Ф. Тыха сделана попытка показать революционно-освободительное движение в Польше в период революции 1905—1907 гг. как поворотный пункт в истории страны.

Хотя авторы и назвали свою книгу научно-популярной, однако обилие приводимых в ней документальных материалов, новая постановка отдельных важных вопросов позволяют с полным основанием поставить ее в ряд с солидными научно-исследовательскими трудами.

Касааясь предпосылок, обусловивших неизбежность революционного взрыва в Королевстве Польском, авторы совершенно обоснованно подчеркивают, что здесь, как и в России, действовали те же самые социально-экономические и политические причины, обостренные к тому же наличием русификаторской политики царских властей, под тяжестью которой польский народ находился в течение многих десятилетий.

Авторы показывают расстановку классовых и политических сил в Королевстве Польском накануне революции. В книге подчеркивается, что в ликвидации национального гнета и русификаторской политики самодержавия было заинтересовано все польское общество, даже имущие классы, однако последовательным и решительным борцом против существовавшего политического строя был рабочий класс, игравший решающую и руководя-

щую роль в революции. Острые борьбы польского рабочего класса и разбуженных его революционными выступлениями других трудящихся масс было направлено против социального и национального гнета, что совпадало с основными требованиями народных масс России.

Отличительной специфической чертой революционного движения в Королевстве Польском в рассматриваемый период было то, что в нем существенную роль играли требования национально-освободительного характера.

Много внимания, и в этом одно из достоинств книги, авторы уделили разоблачению антинародной, контрреволюционной роли польских имущих классов и отражавших их интересы буржуазных партий — национал-демократической и все более сближавшейся с ней после октябрьской всеобщей стачки — партии реальной политики.

Новый курс самодержавия — «единение и доверие», который оно начало проводить перед лицом явной угрозы приближавшейся революции, пытаясь незначительными уступками привлечь на свою сторону либеральные круги русской буржуазии, был полностью одобрен и горячо поддержан польскими имущими классами.

Играя в «оппозиционность» по отношению к самодержавию и в то же время испытывая страх перед растущим в Королевстве Польском революционно-освободительным движением, национал-демократия старается выступать от имени всех «здоровых элементов польского общества» под «общенациональным флагом», прилагая немало усилий к тому, чтобы выторговать у самодержавия согласие на введение в Королевстве Польском кудей автономии, гарантирующей передачу власти в руки польских имущих классов. Передайте в наши руки управление краем — заявляли национал-демократы — и мы тогда сумеем устранить «анархию» и установить твердый «порядок» в крае, иначе говоря, разгромим революционное движение и упрочим положение польских имущих классов. Эта концепция, лежащая в основе деятельности национал-демократии, хорошо и убедительно разоблачается в книге на всех этапах революции.

Многие страницы книги, посвященные анализу программных положений и практической деятельности польских рабочих партий — СДКПиЛ и ППС в рассматриваемый период, свидетельствуют о новом подходе авторов к оценке роли и места рабочих партий в польском революционно-освободительном движении. Не замалчивая ошибок и недостатков СДКПиЛ и ППС, авторы сосредоточили свое внимание на показе того положительного, что было внесено этими партиями в польское рабочее и национально-освободительное движение.

Характеризуя последовательно-революционную, интернационалистическую линию СДКПиЛ, авторы подчеркивают ее ценный вклад в дело укрепления польско-русского революционного сотрудничества, игравшего огромную роль в достижении победы общероссийской революции над самодержавием, которая могла бы гарантировать свободу и польскому народу. Касаясь позиции СДКПиЛ в «польском» вопросе, авторы отмечают, что польские социал-демократы, считаясь с отсутствием в данный исторический момент объективных внутренних и внешних условий, необходимых для восстановления самостоятельного польского государства, выдвигали требование автономии для Королевства Польского как демократического института. Однако в отличие от национал-демократов, надеявшихся получить автономию из рук самодержавия, как «царскую милость», польские социал-демократы введение автономии в Королевстве Польском ставили в непосредственную связь с победой общероссийской революции, с установлением в России республиканского строя, который провозгласит автономию для Королевства Польского, с предоставлением польскому народу широких национальных прав. Эту свою позицию по национальному вопросу СДКПиЛ обосновала и развила в резолюции об Учредительном собрании, принятой на ноябрьской конференции 1905 г. Однако, как справедливо отмечается в книге, игнорирование польскими социал-демократами лозунга независимости Польши (осуществление которого в период 1905—1907 гг. было далеко от реальности) снижало уровень влияния и авторитет партии в рабочем классе.

В вводной части книги авторы специально подчеркивают свое стремление показать роль и место ППС в революции в соответствии с исторической правдой. Следует отметить, что им действительно удалось показать по-новому тот сложный и трудный путь идеологического развития, который проделала ППС за годы первой русской революции. Уже накануне революции в руководстве ППС развернулась острая дискуссия между «молодыми», представляющими левое направление в партии, и «старыми» — представителями прежнего, пилсудчиковского курса партии. Водоразделом во взглядах между ними был вопрос об отношении к русской революции. Если «молодые»; считаясь с реальными фактами развития общероссийского революционного движения, в котором рабочий класс играл решающую роль, высказывались за польско-русское революционное сотрудничество, за союз с русской революцией, победа которой в общероссийском масштабе должна была принести свободу и Польше, то «старые» отстаивали прежний лозунг «польско-русской войны», возлагая

все надежды на победу европейской коалиции в войне с Россией, в результате которой, по их мнению, Польша приобретет государственную независимость.

Однако вспыхнувшая в Королевстве Польском в январе 1905 г. всеобщая забастовка в знак поддержки петербургских рабочих и солидарности с русской революцией обнаружила полное банкротство антирусской концепции ППС. В связи с этим в партии еще более обострилась внутрипартийная борьба. В условиях нарастания революции по инициативе «молодых» в марте 1905 г. был созван VII съезд ППС, абсолютное большинство делегатов которого поддержало позицию «молодых», признав революционное движение в Королевстве Польском составной частью общероссийской революции, призвав польский рабочий класс к боевому сотрудничеству с русским рабочим движением. В результате победы на съезде политической концепции «молодых» к руководству партии пришли лидеры левого направления. Это определило всю последующую деятельность ППС, левое крыло которой, вступив на путь революционного сотрудничества с русской революцией, приблизилось тем самым к позициям СДКПиЛ. Правда, пилсудчиковские элементы, сохранившиеся в ППС, пользуясь непосредственностью левых в их борьбе против правых, захватили в свои руки военно-боевой отдел, сепаратные и раскольнические действия которого нанесли большой вред польскому рабочему движению. В ходе революции борьба двух политических тенденций в ППС продолжалась с неослабевающим напряжением и закончилась расколом ППС на две самостоятельные партии — ППС-левицу, за которой пошло большинство партии, и ППС-революционную фракцию, в составе которой остались правые пилсудчиковские элементы.

Много места в книге уделено показу революционизирующего влияния польского рабочего движения на различные социальные слои польского общества. Вслед за выступлением промышленного пролетариата в революционное движение включились демократически настроенная часть интеллигенции, студенчество, учащиеся гимназий и других учебных заведений. Эту часть польского общества привлекли прежде всего национально-освободительные аспекты революции, направленные против русификаторской политики самодержавия. В то же время, как отмечают авторы, в ходе революции среди широких кругов польской интеллигенции преобладали тенденции националистического характера, что облегчало распространение в этой среде влияния национал-демократии.

Борьба городского пролетариата стимулировала развитие революционного движения в польской деревне. Уже весной

1905 г. широкая волна забастовок сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян охватила многие губернии Королевства Польского. Характеризуя крестьянское движение на разных этапах революции, авторы отмечают, что если в 1905 г. крестьяне выдвигали преимущественно требования национально-освободительного характера — введение польского языка в школе, в гминном делопроизводстве, суде, то в 1906 г. преобладали требования социального характера, вплоть до выдвигания лозунга земля крестьянам. Крестьянское движение в Польше в период первой русской революции, в котором значительное место занимала борьба сельскохозяйственных рабочих, хотя и было направлено в первую очередь против русификаторской политики царизма, в то же время несло в себе и мощный заряд социальной направленности и объективно являлось составной частью общедемократического революционного движения.

Рост крестьянского движения, как отмечают авторы, привлек внимание польских рабочих партий — СДКПиЛ и ППС, которые развернули политическую работу в деревне. Уже в воззвании «Слово к братьям крестьянам», изданном Главным правлением СДКПиЛ в марте 1905 г., крестьяне призывались к совместной борьбе против самодержавия с русскими крестьянами и рабочими. Однако какие-либо конкретные лозунги борьбы за ликвидацию феодальных пережитков в деревне и др., как в этом, так и в других воззваниях СДКПиЛ, отсутствовали. Даже в резолюции ноябрьской конференции, решения которой были новым шагом в идеологическом развитии СДКПиЛ, где подчеркивалось необходимость вовлечения трудового крестьянства в общий поток революционно-освободительного движения, не ставились конкретные задачи по коренному переустройству аграрного строя в Королевстве Польском. В то же время, как и раньше, в резолюции отмечалось, что в революционной борьбе пролетариата могут участвовать только сельскохозяйственные рабочие и безземельные крестьяне.

Более широкую агитационную работу в деревне проводила ППС. Но и она ограничивалась пропагандой среди крестьян общеполитических лозунгов. Непонимание рабочими партиями роли крестьянства как союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции сужало уровень и масштабы их влияния на крестьянское движение. Тем не менее, как правильно отмечают авторы, агитационно-пропагандистская деятельность, осуществляемая рабочими партиями в польской деревне, способствовала повышению уровня классового сознания крестьян, придавала большую организованность их стихийным выступлениям.

Одним из факторов, содействовавших развитию революции, была борьба русских и польских социал-демократов за переход хотя бы части царских войск на сторону революционных масс. К началу революции численность армии в Королевстве Польском составляла 300 тыс. человек, что равнялось количеству промышленных рабочих. Рабочие партии, действовавшие в Польше, с самого начала революции развернули пропаганду в войсках. Как отмечают авторы, в Варшаве была создана Военно-революционная организация — ВРО, в которую входили польские и русские революционеры. Активизация ВРО наблюдается после заключения в июле 1905 г. соглашения между Варшавским комитетом ВРО и Варшавским комитетом СДКПиЛ о совместном проведении революционной пропаганды в войсках варшавского гарнизона. В ходе революции деятельность ВРО распространялась далеко за пределы варшавского гарнизона. В результате деятельности ВРО в воинских частях, дислоцированных в Королевстве Польском в годы революции, имел место ряд выступлений, наиболее важным из которых, быть может, было выступление солдат Белевского полка, расквартированного в Пулавах.

Авторы книги подчеркивают, что самоотверженная борьба польского пролетариата, высоко поднявшего знамя пролетарского интернационализма, показавшего в ходе революции образцы классовой солидарности со своим братом — русским рабочим классом, не прошла бесследно. В результате революции значительно поднялся уровень политического сознания польского рабочего класса, повысилась его роль как руководящей силы в революционно-освободительной борьбе польского народа. В ходе революционно-освободительного движения в Королевстве Польском в пролетариате упрочилось твердое убеждение в том, что революция не является односторонним актом, что революционный процесс состоит из ряда выступлений трудящихся масс и должен закончиться генеральным штурмом твердыни самодержавия и торжеством победы трудящихся.

Несмотря на поражение революции, рабочий класс в упорной борьбе добился осуществления некоторых своих требований социального и национального характера — снижения продолжительности рабочего дня, повышения заработной платы, признания права на организацию профсоюзов, ослабления цензуры, пользования польским языком во многих областях общественной жизни, прежде всего в школе и гимназном делопроизводстве.

Таково основное содержание рецензируемой книги, книги ценной и полезной в научном и политическом отношении.

Вместе с тем хотелось бы высказать отдельные замечания авторам книги. Совершенно правильно подчеркнув положение о том, что революционно-освободительное движение в Королевстве Польском в 1905—1907 гг. было составной, органической частью буржуазно-демократической революции в России, авторы в то же время, как нам представляется, крайне мало уделили внимания раскрытию этой важной проблемы, не показав главных революционных событий, совершавшихся в Польше и так или иначе синхронно совпадающих с событиями общероссийского масштаба. Из этого проистекает и другой недостаток книги — слабый показ роли и значения польско-русского революционного сотрудничества как существенного фактора, содействовавшего развитию революции, укреплению уз братской дружбы, расширению интернациональных связей между польским и русским пролетариатом.

Нам представляется, что авторам следовало бы подробнее рассказать о важном событии в жизни польской социал-демократии — вступлении СДКПиЛ на IV Объединительном съезде в РСДРП, что оказало большое влияние на дальнейшее идеологическое развитие СДКПиЛ, которая по многим вопросам революционной стратегии и тактики все более приближалась к большевикам. V съезд РСДРП, в работе которого участвовала многочисленная делегация СДКПиЛ, является ярким свидетельством близости польских социал-демократов к большевикам, когда они, как подчеркивал В. И. Ленин, в основных вопросах поддерживали большевиков. И наконец еще одно замечание. Показывая сложный процесс идеологического развития ППС, в которой с самого начала революции преобладающее влияние перешло в руки левых, радикальных элементов, авторы как нам представляется, не совсем верно оценили роль и значение в революции вооруженных акций, исходящих от Военно-боевого отдела ППС. Авторы утверждают, что «боевая деятельность, проводимая главным образом ППС, широким эхом отдавалась во всем крае, являясь существенным элементом мобилизации настроений и зачатком вооруженной борьбы за независимость» (стр. 422). Однако вооруженные акции пепезовских боевиков, не связанные с массовым революционным движением и в большинстве случаев завершавшиеся убийством отдельных царских чиновников, офицеров, полицейских, солдат, и по существу являющиеся актами индивидуального террора, уже отвергнутого жизнью как средство революционной борьбы, нельзя рассматривать как какой-то положительный вклад в опыт революционной борьбы пролетариата. Вооруженные акции пепезовских боевиков, как вынуждены признать сами авторы, затрудняли военно-

революционным организациям ведение социалистической пропаганды в армии. Эти акции не имели ничего общего с историческим значением Лодзинского восстания, в котором участвовали ши-

рокие массы и которое по достоинству так высоко оценил В. И. Ленин.

И. А. Хренов

КНИГА О ЧЕШСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОВЕТЕ

К 25-й годовщине освобождения Чехословакии известный исследователь чешского государства и права проф. В. Ванечек подготовил сборник статей и материалов¹, посвященных истории и современному положению парламента Чешской Социалистической Республики — Чешского национального совета.

Сборник открывается предисловием председателя Совета Э. Эрбана, который напоминает вкратце о трудном пути чешского народа на протяжении столетий, о его борьбе за социальную и национальную свободу. Автор подчеркивает, что только под руководством Коммунистической партии, при братской помощи Советского Союза стало возможным освобождение страны и создание социалистического федеративного государства чехов и словаков.

В обстоятельной статье А. Шкраха приводятся сведения о возникновении, роли и задачах Чешского национального совета. Значительное внимание уделено также освещению его компетенции, соотношения с Федеральным Собранием, а также характеристике его пленума, президиума, председателя и его заместителей, комитетов, канцелярии, прав и обязанностей депутатов. Статья Я. Павела посвящена изложению истории здания на Малой Стране, где располагался прежде сейм Чешского королевства, а ныне находится резиденция Чешского национального совета — высшего органа власти Чешской Социалистической Республики.

Статьи В. Ванечека, М. Долежала, И. Клабууха, К. Малого и Л. Соукупы

объединены общей темой — историей словесных и представительных учреждений в Чешских землях с древнейших времен до конца существования буржуазной республики. Несмотря на краткость и популярный характер изложения, каждая из этих статей, снабженных библиографией, представляет интерес, ибо написаны они авторами, давно уже зарекомендовавшими себя работами в области истории чешского государства и права. Единство замысла, лежащего в основе этих статей, как бы подчеркивается итоговым заключением В. Ванечека, являющегося не только историком права, но и членом Президиума Чешского национального совета.

Своеобразным и весьма полезным дополнением к материалам сборника служит публикация отрывков из документов, иллюстрирующих историю представительных учреждений в Чешских землях — запись из постановлений чаславского сейма 1412 г., постановление в защиту чешского языка, принятое на чешском сейме 1615 г., фрагмент из декларации 1868 г., декларация сейма 6 января 1918 г., провозглашение Чешского национального совета 30 апреля 1945 г. и др.

Книга хорошо оформлена и снабжена иллюстрациями (резиденция Совета, интерьеры помещений старых сословных учреждений и др.). Выпуск сборника свидетельствует об укреплении социалистической государственности в Чехословакии, о творческом применении Коммунистической партией ленинского учения о федерации и о расширении социалистической демократии.

А. С. Мильников

¹ «Česká národní rada, sněm českého lidu. K 25. výročí osvobození», uspořádkal V. Vaněček. Praha, 1970, 219 s.

ПОЛЕЗНЫЕ ИЗДАНИЯ

Польские историки уделяли и уделяют большое внимание изучению освободительной борьбы польского народа против немецких захватчиков в годы второй мировой войны. Опубликованы синтетический очерк, подготовленный Военно-историческим институтом, ряд сборников до-

кументальных материалов, большое количество монографий и статей по истории освободительной войны 1939—1945 гг. Ведутся исследования по неразработанным и малоизученным проблемам.

Наряду с работами, рассчитанными на специалистов, появились книги научно-

популярного характера, предназначенные для широкого круга читателей. В этих книгах обобщаются результаты исследований и дается характеристика основных событий и фактов освободительной войны. К ценным работам такого рода относятся и две книги видного польского историка Антония Пшигоньского, выпущенные издательством «Ксе́нжжа и Ведза». Первая из них — «Польша в борьбе с гитлеровскими оккупантами (1939—1945)»¹ — представляет собой сравнительно небольшой, но весьма содержательный очерк борьбы польского народа против гитлеровской агрессии. В этой книге А. Пшигоньский, опираясь на источники, исследования и собственные работы, освещает ход Сентябрьской кампании 1939 г., движение Сопротивления в период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г., формирование двух концепций вооруженной борьбы против оккупантов, деятельность демократического и буржуазно-помещичьего лагерей в подполье и в эмиграции, образование польского народного государства, участие Польши в разгроме гитлеровской Германии и подводит баланс потерь, борьбы и победы народа в его освободительной войне.

Автор раскрывает антинародный характер политики «лондонского» лагеря, классовую ограниченность его руководителей, показывает участие в борьбе с гитлеровскими захватчиками регулярных воиновых частей и подпольных организаций, связанных с эмигрантским правительством. В книге обстоятельно характеризуется роль ППР в выработке правильной концепции освободительной борьбы народа, отмечаются ее усилия по созданию общенационального, а затем демократического национального фронта, освещается героическая борьба демократических сил против оккупантов. В ней подчеркивается значение польско-советского боевого сотрудничества и помощи

Советского Союза польскому народу в его борьбе за свободу и независимость.

Автор приводит данные Бюро военных репараций при Президиуме Совета министров ПНР, свидетельствующие об огромных людских и материальных потерях Польши в результате войны и гитлеровской оккупации. Большой интерес представляют сведения о численности участников движения Сопротивления, их боевой деятельности, личном составе регулярных вооруженных сил и другие. Некоторые из этих данных являются, по-видимому, приблизительными и нуждаются в дальнейшем уточнении. Книга содержит иллюстративный материал, в значительной мере обогащающий знания читателя.

Вторая книга посвящена участию ППР и АЛ в Варшавском восстании². В ней раскрываются реакционные и антисоветские замыслы организаторов восстания, стремившихся захватить власть в Варшаве в свои руки перед вступлением в нее Красной Армии и заставить Советский Союз признать польское эмигрантское правительство, освещается ход восстания и показывается необычайный героизм повстанцев в борьбе с превосходящими силами оккупантов. Активное участие в восстании приняли ППР, отряды АЛ и других демократических организаций. Книга хорошо иллюстрирована. Большую ценность представляют опубликованные в ней документы и материалы, характеризующие политическую и боевую деятельность ППР и АЛ в ходе восстания. Они убеждают в правильности позиции, занятой ППР, позволяют глубже понять характер восстания, рисуют яркую картину самоотверженной борьбы повстанцев. Обе эти книги заслуживают внимания и советского читателя.

И. Костюшко

¹ Antoni Przygoński. Polska w walce z okupantem hitlerowskim (1939—1945). Warszawa, 1971, 179 s.

² Antoni Przygoński. Udział PPR i AL w powstaniu Warszawskim. Warszawa, 1970, 265 s.

Н. RECHOWICZ. Aleksander Zawadzki. Życie i działalność. Katowice, 1969, 216 s.

Г. РЕХОВИЧ. Александр Завадский. Жизнь и деятельность

Заслуживает внимания недавно опубликованная биография одного из видных деятелей польского коммунистического движения А. Завадского (1899—1964 гг.).

В своей работе над биографией А. Завадского автор использовал многочисленные источники: неопубликованные воспоминания друзей, соратников, лю-

дей, работавших с А. Завадским; выступления А. Завадского, воспоминания о нем, опубликованные в прессе 30—40-х годов и в научных документальных сборниках; архивный материал. При этом следует подчеркнуть очевидное преобладание неопубликованных материалов в первом и втором разделах книги.

Небольшой по объему (28 стр.) очерк детских и юношеских лет А. Завадского, которым открывается книга, важен для понимания того, почему он стал революционером, как он сумел преодолеть все трудности, которые выпадают людям, выбравшим в жизни путь революционной борьбы. Завадский родился в потомственной семье рабочих-металлургов и рано столкнулся с лишениями, обычными для пролетарских семей того времени. Воспоминания товарищей по школе позволяют узнать о чертах характера А. Завадского, которые потом определили его место в жизни — это и готовность более способного ученика оказать помощь слабому, и общительность, и то, что он был вождем в детских играх. Ему рано пришлось начать трудовую деятельность (в 1913 г.). В силу обостренного чувства справедливости, не позволявшего ему оставаться в стороне, когда на его глазах совершались несправедливости, А. Завадский часто вступает в конфликт с властями.

Политическому прозрению А. Завадского способствовала военная служба (1918—1921 гг.). Заканчивая первый раздел книги, автор делает вывод, что к моменту демобилизации А. Завадского в его взглядах произошел перелом, хотя они еще и не стали коммунистическими.

Второй раздел работы (стр. 33—92) посвящен революционной деятельности А. Завадского в межвоенной Польше. Вступив в Союз коммунистической молодежи опытным революционным борцом, А. Завадский вскоре был избран секретарем районного комитета в Домброве Гуричней, членом, а потом и секретарем окружного комитета СКМ. В 1923 г. он вводится в состав ЦК СКМ Польши, получив задание руководить деятельностью Союза в Лодзинском районе. Затем работает в ЦК СКМ Западной Белоруссии вплоть до ареста в 1925 г.

За арестом последовали тюрьмы, в которых он провел в общей сложности одиннадцать лет¹. С 1935 г. А. Завадский руководил Центральным военным отделом КПП.

Автор подробно останавливается на взглядах А. Завадского этого этапа его партийной деятельности. Принимая стратегию и тактику народного фронта, А. Завадский считал необходимым «орвать с узкими, замкнутыми методами работы» и в армии (стр. 81), он думал о создании единогофронтных солдатских групп, призывал к сотрудничеству прежде всего с демократическими молодежными организациями («ТУР» и «Вици») под лозунгами народного фронта, единства действий с трудящимися массами города и деревни.

С интересом читаются страницы книги, посвященные судебному процессу над А. Завадским и 35-ю его товарищами по революционной борьбе, состоявшемуся в Варшаве 4—21 апреля 1938 г. В своей заключительной речи, продолжавшейся три часа, Завадский говорил об опасности, угрожавшей Польше со стороны гитлеровской Германии. Он подчеркивал, что народный фронт, за который борются коммунисты, имеет целью защиту независимости Польши, что влияние коммунистов в армии направлено на усиление ее боеспособности.

Период второй мировой войны, связанный для А. Завадского с пребыванием в СССР, автор открывает описанием переезда варшавского заключенного в тюрьму г. Бреста, который вскоре стал советским городом (стр. 93—140). В короткий период мирной жизни в Пинске до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз А. Завадский совмещал работу в городском и областном отделах коммунального хозяйства с активной общественной деятельностью, являясь членом областного Президиума МОПРа и депутатом Пинского облсовета. Далее автор излагает нелегкие переипетии человека, оказавшегося в эмиграции в военное время. В сентябре 1943 г. А. Завадский приехал в Сельцы, где формировался 1-й корпус польских вооруженных сил в СССР. Очень скоро он стал одним из руководящих деятелей Союза польских патриотов (СПП), председателем Центрального бюро польских коммунистов (ЦБКП) и одним из организаторов Войска Польского: был заместителем командующего 1-м польским корпусом в СССР, начальником Польского партизанского штаба, заместителем командующего Польской армией в СССР. На этом последнем участке деятельности А. Завадского автор главным образом и сосредоточивает свое внимание, подчеркивая его последовательную коммунистическую убежденность, позволившую ему преодолеть трудности политиковоспитательной работы, которой он занимался на всех вышеперечисленных постах в армии. А. Завадский много внимания уделял работе коммунистов по воспитанию солдат в духе дружбы с Советской Армией. По его предложению в 1944 г. был создан Польский партизанский штаб. Автор утверждает, что А. Завадский с большим, чем другие деятели эмиграции, пониманием следил за подпольным движением в Польше. В данном разделе автор касается ряда вопросов, с освещением которых в литературе он не согласен — например, об отношении польской эмиграции в СССР к КПП: автор считает, что эмиграцию и КПП разделяли более значительные различия в программах, чем это было до сих пор отражено в литературе (стр. 122).

Далее автор подчеркивает роль идейно-воспитательной работы, проводимой ап-

¹ «Mały słownik historii Polski», wyd. 3. Warszawa, 1964.

паратом политических офицеров, созданным А. Завадским, в деле строительства новой Польши.

Четвертый раздел книги посвящен деятельности А. Завадского в Силезско-Домбровском воеводстве (стр. 141—212). В нем рассмотрен широчайший круг вопросов, которыми занимался А. Завадский будучи уполномоченным правительством в Верхней и Ополской Силезии, а позднее воеводой Силезско-Домбровского воеводства.

Перед А. Завадским как представителем новой власти остро встал вопрос о создании кадров для местного аппарата гражданской власти. Автор неоднократно подчеркивает правильность его принципа привлекать для работы людей, знающих ситуацию данного района.

Автор отмечает решительную поддержку А. Завадским прежде всего выдвижения рабочих и смелое использование им высококвалифицированных кадров интеллигенции довоенного времени, причем он призывал интеллигенцию идейно связываться с рабочим классом, а рабочих — работать над собой.

Отмечается большая заслуга А. Завадского в объединении Силезского воеводства с Домбровским бассейном. Благодаря его усилиям, подчеркивает автор, в этих важнейших промышленных районах страны уже с марта 1945 г. стали вводиться в строй крупнейшие предприятия. Одновременно, будучи уполномоченным правительством в Ополе, А. Завадский решал труднейшую задачу включения этого района в польский государственный организм.

Большое внимание уделяет автор освещению процесса переселения, происшедшего на территории Ополской Силезии. На местных властях лежала огром-

ная ответственность за осуществление этого важнейшего мероприятия. Автор отмечает инициативу А. Завадского, его творческий подход к решению ряда вопросов, позволившие успешно завершить эту работу.

Автор отмечает заслугу А. Завадского в справедливом решении сложнейшего национального вопроса, возникшего в связи с выселением немцев из Ополской Силезии.

Автор останавливается на деятельности А. Завадского в высших, государственных и партийных, органах — КРН и ЦК ППР, говорит о его отношении как представителя ППР к сотрудничеству ППР и ППС, к проблеме АК, к вопросу о союзе с СССР, который он расценивал как необходимое условие успеха польского народа в решении вставшей перед ним после победы в войне задачи «выиграть мир». Не обходит автор своим вниманием и вопрос об активном участии А. Завадского в борьбе с так называемым правонационалистическим уклоном.

В коротком заключении к книге автор приводит данные справочного характера о деятельности А. Завадского после 1948 г. Привлечение воспоминаний об А. Завадском позволило автору воссоздать его живой образ. Автор не раз говорит об удивительной скромности А. Завадского, приводя в подтверждение отдельные эпизоды воспоминаний — из периода его революционной конспирации (стр. 48), из периода эмиграции в СССР (стр. 103). Эта скромность в сочетании с большими знаниями, организаторскими способностями и другими деловыми качествами снискали ему авторитет и любовь тех, с кем он оказывался рядом.

К. В. Большакова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫПУСК «УКРАЇНСЬКОГО СЛОВ'ЯНОЗНАВСТВА»

Наш журнал уже информировал читателей о появлении нового славистического серийного издания «Українське слов'янознавство»¹. Рецензент его первого (исторического) выпуска, приветствуя это начинание украинской научной общественности, расценил выход в свет названного издания как своевременное и важное мероприятие, которое может значительно содействовать развитию науки в данной области исследований. Третий выпуск, посвященный литературе и культуре зарубежных славянских народов, дает основание подтвердить высказанное ранее

положительное отношение к этому изданию².

Широкий охват материала из истории восточных, южных и западных славян и дух интернационализма, который составляет отличительную особенность современной передовой славистики, — эти черты, характеризовавшие первый выпуск «Українського слов'янознавства», в полной мере проявились и в его третьем (филологическом) выпуске.

Этот сборник состоит из пяти разделов. Первый из них открывается статьей А. В. Горещкого «Образ героя-революцио-

¹ См. И. И. Поп. Новое славистическое издание на Украине. «Советское славяноведение», 1970, № 5, стр. 77—78.

² «Українське слов'янознавство». Література та культура зарубіжних слов'янських народів. Вип. 3, Львів, 1970.

нера в словацкой социальной прозе 30-х годов», где особое внимание уделено разработке этой темы в романах Прежихова Воронца. Н. Ф. Копыстьянская в своей работе о романе «Никола Шугай, разбойник» И. Ольбрахта исследует проблему традиций и новаторства. Ее главный вывод, достаточно убедительно обоснованный конкретным анализом произведения, сводится к той мысли, что здесь новаторство проявилось не в ломке традиционной романной формы, а наоборот, в ее продолжении и в новом взгляде на мир. Л. А. Пашковский, основываясь на архивных материалах, осветил историю советско-болгарских связей в области киноискусства до установления дипломатических отношений между обоими государствами и, в частности, показал, какое большое пропагандистское значение имела демонстрация первых советских фильмов в Болгарии. Статья Л. С. Кишкина «Масляная живопись Миколаша Алеша» знакомит читателя с классиком чешской живописи, несравненно меньше известным у нас, чем Йозеф Манес. Полности найдут в этом сборнике небезынтересный анализ польских переводов из Т. Г. Шевченко, который дан в работе Т. И. Пачовского «А. Гожялинский — переводчик поэзии Шевченко». Превосходно освещена одна из ярчайших страниц в истории возрождения самобытной украинской культуры в содержательной статье Т. В. Поляниной «„Путешествие по Галицкой и Угорской Руси“ Я. Ф. Го-

ловацкого и значение этого произведения для славяноведения».

Второй раздел составили «Сообщения»; в нем содержатся сведения о культурных, преимущественно литературных контактах славян.

В разделе «Публикации» обнародованы С. О. Вяловой некоторые письма деятелей словацкой культуры, в том числе Светозара Гурбана-Ваянского и Йозефа Шкультеты к известному русскому слависту В. И. Ламанскому.

«Обзоры и рецензии» в этом выпуске представлены лишь одним отзывом И. Н. Лозинского о книге Ю. Л. Булаховской «Проблематика польской сатиры 30—50-х годов XX в.» (1968). Это обстоятельная рецензия, написанная с пониманием тех трудностей, какие возникали перед видной украинской полонисткой, и справедливо подчеркивающая научное достоинство этого труда.

В заключительном, пятом разделе «Хроника. Научная жизнь» помещены информация В. А. Моторного и Р. Ф. Кирчова об изучении зарубежных славянских литератур во Львове и информация польского ученого Ежи Слизиńskiego «О деятельности Отдела западнославянских литератур Института славяноведения ПАН».

Статьи снабжены кратким резюме на русском языке. Редколлегией введена рубрика «Наши авторы», знакомящая читателей с участниками данного выпуска.

И. К. Горский

О. А. ГАНЦКАЯ. Народное искусство Польши. М., «Наука», 1970, 183 стр.

Книга О. А. Ганцкой — первый в нашей литературе опыт общей характеристики польского народного искусства. Основанная на богатом литературном материале, а главное, самостоятельном изучении польских музейных фондов и личных полевых исследованиях, она содержит систематический обзор современного состояния народного искусства в ПНР, характеризует его организационные формы, участие польских государственных органов и научных учреждений в сохранении и развитии народного искусства в стране, стремится выявить основные тенденции, наметившиеся в его эволюции после 1945 г.

Необходимость ознакомить советского читателя с большим фактическим материалом, в значительной мере собранным самим автором, определила преимущественно описательный характер рецензируемой работы, отчетливо сказавшись на структуре книги. Она состоит из девяти монографических глав, посвященных от-

дельным видам народного искусства — гончарству, художественной обработке металла, ткачеству, вышивке, а также плетению, вязанию и набойке, изделиям из меха и кожи, затем из бумаги, соломы и перьев, отдельно из теста, сыра, сахара и воска, художественной обработке дерева и народной живописи.

Во введении и заключении работы автор формулирует некоторые теоретические вопросы своего исследования, подводит основные итоги его.

Такое распределение материала в книге не вызывает возражений, тем более, что многих теоретических сторон темы автор так или иначе касается в монографических главах. В основном не вызывает возражений и распределение объема информации между самими монографическими главами. Наиболее подробно анализируется в книге народная керамика и художественная обработка дерева (включая скульптуру), что вполне обоснованно, ибо в первом случае речь идет о наиболее

массово представленном виде народного творчества, а во втором — рассматривается та его область, в которой особенно отчетливо проявляется специфика народной эстетики, приемы и методы народной художественной выразительности, главным образом, в изображении человека. Но в связи с этим нельзя не посоветовать на то, что народный живописи отведено в книге сравнительно мало места и не произведено действительного сопоставления принципов изображения человека в резьбе по дереву и народной живописи. Думается, что такое сопоставление помогло бы понять народный взгляд на человеческое изображение, выявить главные средства художественной выразительности, используемые при этом народными мастерами, а может быть, и представить себе доминирующие национальные, этнические типы, сформировавшиеся в народном сознании.

Во всяком случае, такое сопоставление, с учетом, разумеется, канонических установок, традиции, а также свойств материала, могло бы представить несомненный методический интерес.

Основное содержание монографических глав — современное состояние польского народного искусства. Это не значит, однако, что в книге не содержится важных сведений, касающихся его истории. Вместе с тем за небольшим исключением (керамика, вышивка, писанки и некоторые другие виды народного искусства) имеющийся материал не позволял автору заглянуть в прошлое народных промыслов, как правило, далее XVI—XVII вв. В иных случаях, как, например, в отношении так называемых выдранок из бумаги, можно определенно говорить о позднем — середина XIX в. — появлении отдельных видов народного творчества. Несмотря на лаконичность, исторические экскурсы, содержащиеся в книге, чрезвычайно интересны, поскольку позволяют представить живую картину развития искусства польского крестьянства в тесной связи с культурой города, с культурой и искусством господствующих классов. Характеризуя изменения, происходившие в заимствованных крестьянством из города или усадьбы произведениях художественного ремесла, автор много внимания уделяет и проблеме связей польского народного искусства с народным искусством соседних стран, прежде всего Словакии, Украины, Белоруссии и России. Многие наблюдения автора в этом отношении заслуживают серьезного внимания, особенно касающиеся искусства польских гуралей. Они дают основания для комплексного исследования проблем развития народной культуры в Карпатском регионе в целом.

Специального упоминания заслуживает методика картографирования современных и известных по историческим

источникам очагов народного ремесла и его орнамента, примененная при анализе гончарства. Бедность западных и северных польских земель в области керамики по сравнению с центральными, восточными и южными при этом становится совершенно очевидной. Невольно обстоятельство это хочется сопоставить с особенностями не только социально-экономического, но и политического и национально-этнического развития соответствующих регионов Польши. К сожалению, в других главах исследовательница отказалась от методики картографирования, чем, бесспорно, затруднила продолжение попыток такого рода сопоставлений, хотя имеющиеся в главах материалы описания сами по себе наталкивают на мысль о возможности достижения достаточно интересных общесторических выводов при планомерном сравнении судеб и специфики развития народного искусства в разных частях страны. Об особенностях народного искусства одного из таких регионов — гуральского — говорилось выше. Особенности эти, кстати сказать, очевидно, увязываются с общей спецификой его исторического развития.

Коренным вопросом каждого большого этнографического исследования, посвященного народному искусству, естественно, является вопрос о будущем этого искусства. Думается, что О. А. Ганцкая совершенно права, когда в результате анализа материала приходит к вполне оптимистическим выводам. Народное искусство, без сомнения, имеет свое будущее, хотя в течение последних десятилетий, начиная с конца XIX в., переживает существенную эволюцию. Одним из важных показателей этой эволюции является тот факт, что главным потребителем произведений народного художественного ремесла все больше становится город, а не деревня. Большим стимулом для его развития оказалось и сувенирное производство, быстрый подъем которого определяется массовостью современного туризма. Все это — хорошо знакомые советскому читателю явления, характеризующие и развитие наших отечественных промыслов.

В тесной связи с этими явлениями стоят и все более нарастающие изменения в функциональной области народного творчества. Произведения народного художественного ремесла явственно, хотя и не полностью, теряют свои утилитарные функции за счет усиления функций декоративных и сувенирных. В известной мере это касается даже тех отраслей народного искусства, которые связаны с религиозным культом. К сожалению, автор не коснулся вопроса о том, как отразилась на развитии этих отраслей народной художественной деятельности конкуренция с церковным производством. Одновременно происходит усиление чисто декоративных элементов в

самом стиле произведений народного творчества, даже в тех, которые в прошлом имели магическое и культовое значение, — обогащается и усложняется орнамент, изменяется и обогащается красочная гамма, применяются новые современные материалы и красители. Продолжается переосмысление, а чаще происходит полная потеря семантики традиционных орнаментов и цвета. Кстати сказать, автор почти не занимается изучением вопросов семантики народного орнамента, что, пожалуй, вполне понятно, учитывая сложность и очень слабую разработанность методики такого рода исследований.

Размышляя над судьбами польского народного искусства, О. А. Ганцкая много внимания уделяет широким мероприятиям, предпринятым для его сохранения и развития в народной Польше. Подробно характеризует деятельность государственно-кооперативного Центрального управления народного и художественного промысла («Цепелия»), музеев и искусствоведческих научных учреждений, значение научных исследований и практической помощи художников-профессионалов мастерам народного искусства. Автор обращает большое внимание на усилия польских музеев сохранить и развить в народном искусстве традиционные, канонические формы.

Такой, собственно музейный подход к произведениям народного искусства не только понятен, но и в известных пределах вполне оправдан. Иное дело, что он не должен сопровождаться — а это часто случается — определенным пренебрежением к новым явлениям в народном творчестве. Они тоже должны быть предметом постоянного и пристального изучения, в чем убеждает сам материал рецензируемой книги, свидетельствующий о том, что каноничность народного искусства нельзя понимать упрощенно. Народное, крестьянское искусство всегда развивалось не в стороне, не изолированно от искусства города, от профессионального искусства. Оно постоянно испытывало сильные импульсы от профессионального ремесла и профессионального искусства, адаптировало новые формы и новые художественные каноны, переосмысливая и стилистически перерабатывая их по законам своей, народной эстетики, народных приемов образительности и выразительности. Даже возникнув под непосредственным воздействием городского профессионального искусства, та или

иная область народного искусства в дальнейшем всегда умела найти свои пути развития. Примером такого рода в нашем современном отечественном народном искусстве может служить роспись по дереву мастеров из села Полховский Майдан и деревни Крутец Вознесенского района Горьковской области. Их расписанные анилиновыми красками солонки, копилки, коробочки, матрешки, писанки и детские игрушки пользуются широкой популярностью от Тюмени до Карпат и от Черного моря до Севера России. Показательно, что даже это, вполне оформившееся искусство продолжает испытывать сильное воздействие профессионального искусства. В частности, очень сильное воздействие на изобразительные элементы вознесенских писанок оказывает современная книжная графика, преимущественно графика детской книги, главным образом в образах, исполненных детьми, то же участвующими в ремесленном производстве.

Думается, что интерес к такого рода явлениям — долг музейных работников, тем более, что изделия народных художественных промыслов не потеряли, да, по-видимому, никогда и не потеряют полностью своего утилитарного, практического назначения в быту.

Из всего сказанного нельзя делать вывода о пассивности и полной зависимости крестьянского искусства от искусства города. Речь идет о его подвижности, динамичности, о его восприимчивости к новым художественным ценностям, о его жизненности. В свою очередь народное искусство оказывает огромное воздействие на профессиональную художественную культуру, особенно в последние десятилетия, свидетелями чего мы все являемся. Тема эта — воздействие польского народного искусства на современное изобразительное искусство Польши — только попутно затронута в рассматриваемой книге. Она требует, конечно, вполне самостоятельного, большого исследования.

Написанная хорошим, точным и деловым языком, книга О. А. Ганцкой легко читается и, как видно из сказанного выше, вызывает много размышлений и исторических ассоциаций. Это полезное и нужное исследование займет достойное место в ряду других работ, изданных Институтом этнографии АН СССР по проблемам истории народного искусства.

В. Д. Королюк

Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., «Наука», 1967, 400 стр., + 11 фотоснимков

В данном издании впервые полностью опубликована рукопись Синайского патерика (далее СП) — памятника XI в. — в 180 листов малого формата (17 × 21 см), хранящаяся в Государственном историческом музее (Москва). Издатели полагают, что «в рукописи недостает по сравнению с первоначальным ее составом, вероятно, не менее четырех листов: одного, первого, в I тетради и трех последних — в XXIII» (стр. 18). Поскольку почти все древнерусские рукописи в конце имеют записи писца, надо полагать, что утеря последних листов скрыла от нас имя человека, переписавшего данный манускрипт. Рукопись написана одним почерком, однако в ней есть и 24 вкрапления иных почерков (от 1,5 строк до 4,5 листов), которые не оказали влияния на словарный состав памятника (перечисление их см. на стр. 22). Памятник сохранился довольно хорошо, потухших мест в нем немного, некоторые выцветшие места текста позднее наведены по старым контурам.

Издание включает «Введение» (стр. 5—9), в котором рассказывается о публикации отрывков рукописи и ее изучении, а также иллюстрируются обильно отразившиеся в ней фонетические и морфологические особенности русского языка, «Сведения о греческом оригинале» (стр. 10—15), «Палеографическое описание» (стр. 16—36), «Принципы воспроизведения текста» (стр. 37—38), «Текст» (стр. 41—400) и 11 фотоснимков разных мест рукописи, иллюстрирующих основной почерк, смену почерков, а также наведенный текст.

Текст рукописи, воспроизведенный буква в букву, строка в строку, лист в лист, сопровождается подстрочными примечаниями, в которых отмечаются утраты букв из-за осыпания чернил, нечитаемые места; к труднопонимаемым местам приводится греческий текст или, если слово в написании испорчено, — отсылки к месту, где оно читается правильно, и др.

Как и «Изборник 1076 г.», рукопись СП издана современным шрифтом (корпусом) с добавлением всех недостающих букв, имеющих в памятнике. Рукопись передается с делением на слова, которое в отдельных случаях вызывает возражения. Так, на л. 21, 6 читает: *Ноуди тии тако сътворити и*. Контекст требует, по-нашему, такого чтения: *нѣсть бѣваемо оукоризна ѡмоу. ноудити и тако сътворити и*; на л. 47, 12 читаем: *въсхотѣша дѣмонии воини оуношо прѣже обѣситина древѣ* вместо *въсхотѣша дѣмони и воини*; ср. греч. δαίμονος καί, т. е. палачи и; на л. 68, 12: *безмльви постѣ* что *оуправи* вместо более точного *безмльви и постѣ*; на л. 174 об., 17—18:

блужениа насытивъ ся до коньца. нынѣ ся без оума ѡбломодръ творитъ вместо *безоума*, которому в старших памятниках старославянской письменности соответствует либо *ашютъ*, либо *спыти и соуе* в значении «зря, напрасно», а не «отсутствие ума»¹; на л. 112, 4: *Луко градъ ксть виваиды. в томъ гора ксть* вместо правильного *Лукоградъ* — названия местности. В целом же точная передача текста и подстрочные примечания делают изданный памятник надежным и общедоступным источником для дальнейших исследований. К сожалению, памятник издан без словоуказателя, что сильно затрудняет пользование им.

Большой интерес представляет вопрос о том, кто мог быть переводчиком и где был сделан перевод. Этот вопрос издатели не обсуждают, однако, ввиду его важности, уместно на нем остановиться и в данной рецензии.

Несколько лет назад Т. И. Иванова пришла к выводу о том, что перевод СП был сделан Мефодием². Она полагает, что «несмотря на обилие русизмов в фонетике и морфологии СП, в нем нет лексических особенностей, характерных для памятников, переведенных на Руси»³. Такое утверждение не соответствует действительности, ибо в СП есть ряд бесспорных восточнославянизмов, например, *въсьма* (л. 48, 2; л. 156 об., 19), *съпрѣва* (л. 147 об., 1; л. 165 об., 1; 176 об., 20), *дѣчька* (л. 151, 2), *поварьница* (л. 73 об. 13). Ср. также *грамотикъ* (л. 148, 1—2) — производное от *грамота*, древнерусского изустного заимствованного слова⁴. Южнославянские языки не знали и не знают слова *скомраѣ*; из западносла-

¹ Подробнее об этом см. нашу рецензию на «Изборник 1076 г.» (Советское славяноведение, 1966, № 6, стр. 85 и след.), а также: А. С. Л ъ в о в. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 20 и след.

² Т. А. И в а н о в а. Заметки о лексике Синайского патерика (к вопросу о переводе Патерика Мефодием). «Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 152.

³ Там же, стр. 149.

⁴ Подробнее об этих словах см. А. С. Л ъ в о в. История слова *въсьма*. «Сборник статей, посвященных академику профессору Яну Энгелину в связи с 85-летием со дня рождения и 65-летием научной деятельности»; Рига, 1959; е го ж е. Очерки по лексике..., стр. 130; е го ж е. К истории слова *грамота* в древнерусской письменности. «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., 1966.

вянских только в старопольском было *skomoroč, skomoroŋu*⁵, явно указывающие на его восточнославянский источник. В памятниках древнерусской письменности это слово употребляется в полногласном и неполногласном сочетаниях⁶. В СП трижды зафиксировано *скомрачь* (л. 19 об., 3; л. 32 об., 20; л. 20, 12), которое — едва ли можно в этом сомневаться — представляет собой искусственно переделанное на южнославянский лад др.-русс. *скоморохъ*.

Уже на основании приведенных примеров (общее же количество их намного больше) можно констатировать, что наличие восточнославянизмов в лексике СП бесспорно. При этом нет оснований рассматривать их как вторичные замены.

Т. А. Иванова обращает внимание на то, что «в СП сохранены многие архаичные слова, которые И. В. Ягич относил к „первичным“ словам кирилло-мефодиевских переводов»: *алкати, бесѣдовати, бисерьъ, ерѣтище, отъ вѣлагалища, въсь миръ, геона, година, етеръ, инъ, литоургия* (рядом *служьба: съвершивъ же служьбъ рекше литоургия*, л. 163, 12—13), *неплоды, непещеваник, неродити, рай, риза, старѣйшина* и др.⁷

Не вдаваясь в подробности, следует заметить, что большинство из приведенных слов зафиксированы в СП по одному разу, а некоторые из них не в том значении, в каком они встречаются в старших памятниках старославянской письменности (ср., например, *не имать, геона бо лъць, память, злоу имати к немю* — л. 112 об., 5—6, где *геона* явно не имеет отношения к γένηα). Если бы употребление указанных слов было преобладающим, то можно было бы говорить о бесспорной архаичности словаря. Однако этого нет. Так, *година* встречается в СП четыре раза (л. 88 об., 18; л. 95 об., 18; л. 152 об., 4, 5), но только один раз в конкретном определении времени: *пожъцу третѣиъ годиноу* (л. 95 об., 18), в то время как слово *часть* в этом же значении встречается более 25 раз: *въ третѣиъ часть* (л. 16, 4), *въ часть семьи* (л. 128, 5) и др. Слово *етеръ* в СП встречается всего пять раз, причем два раза оно представляет перевод не τὴς, а передачу ἑταῖρος 'товарищ, спутник', например, *Азъ и етеръ софрониѣ. въ александрии соуща* (л. 79 об., 1); в большинстве же случаев здесь, как и в других поздних памятниках, греч. τὴς переведено *нѣктожо, нѣкии, нѣкторыи*, ср.: *бѣ нѣкто живиѣи. въ манастѣри* (л. 3, 1—2); *бѣ нѣкии ошьльникъ въ пещерахъ икръ-*

даньскихъ (л. 7 об., 4—5) и др. Таково же положение и в Хронике Георгия Амартола.

Спорадическое употребление в поздних памятниках слов, характерных для первых переводов, по мнению А. Вайана, объясняется влиянием западнославянской редакции⁸. Это мнение имеет основания. В СП также выявляется значительный слой западнославянизмов: *вельми, воискыи, воинство, женима* 'наложница', *законьникъ, извѣстовати* 'свидетельствовать', *клепати* 'ударять', *комъкати, мънижъ, рачити, хопити* 'братъ, хватать' и т. п. Эти слова, между прочим, представлены и в Хронике Георгия Амартола, в числе переводчиков которой, как полагал Н. Н. Дурново, были и выходцы из Чехии. Возможно, сюда же следует отнести *господарь, житарь, златарь, рыбаць*.

Для подтверждения своего мнения о переводе СП Мефодием Т. А. Иванова делает выборочные сопоставления лексики СП с лексикой Номоканона, перевод которого Мефодием признается бесспорным.

Ближика. Этим словом в СП переведено γνήσιος 'родной, близкий': *Повѣда намъ старьць ... нѣкогда бо имѣтъ дѣккона ближикоу любима в Лаврѣ* (л. 162, 2—9). В СП оно встречается три раза. Впервые слово *ближика* для перевода οὐγγισίον находим в псалтыри, а также в Синайском требнике в цитате из псалтыри XXXVII, 12. В евангелиях его нет, там вместо него находим *искрьши*⁹. Не исключено, что *ближика* в памятники старославянской письменности вошло в Моравии. Неизвестно только, почему наличие этого слова в том или ином памятнике должно свидетельствовать, что оно переведено Мефодием.

Правая евра. В СП им переводится ὀρθή πίστις: *прѣлѣсти евагрия и съврати и съ правы евры* (л. 123 об., 6—7; см. также л. 136, 3). То же находим и в Синайском требнике (л. 83б, 10—11), в Супрасльской рукописи (207, 22—23) и др. Эти примеры свидетельствуют только о том, что *правая евра* — широко распространенный перевод указанного греческого слова.

Дшакониса, дшаконъ и дшакъ — широко употребительные слова во всех памятниках, начиная с календарей апракосов и апостола. Широко употребительны в древнейших памятниках слова *жидъ, жидовинъ, изволити, каженникъ* и многие другие из приведенных Т. А. Ивановой слов, которые не могут доказывать, что перевод СП был сделан Мефодием.

⁵ A. B r ů c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, s. 494.

⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1903, стб. 379—380.

⁷ Т. А. И в а н о в а. Там же; стр. 150.

⁸ А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 181; A. V a i l l a n t. Manuel du vieux slave, 2 éd. Paris, 1964, p. 152.

⁹ Slovník jazyka staroslověnského, t. I. Praha, 1966, s. 112 и след.

Слово *дъщерыша* (в СП, л. 90 об., 2 им переведено *дъщеря* 'двоюродная сестра'), действительно, кроме СП, встречается еще в Номоканоне¹⁰. Образования на *-ыша* < *-iša* особенно характерны для сербско-хорватского языка, но в современных словарях этого языка соответствующее слово *kčerša не зафиксировано. Каков источник этого слова и является ли оно типичным для языка Мефодия, мы не знаем.

Зарь (в СП, л. 162, 10 им переведено *зъръ*, кроме Номоканона, употребительно и в Супрасльской рукописи. По типу образования это — общеславянское слово, поэтому его употребление в СП ничего не доказывает.

Здесь нет нужды останавливаться на всех словах, приведенных Т. А. Ивановой для подкрепления выдвинутого ею основного тезиса, потому что «доказательная сила» их такова же, как и только что указанных.

Как известно, памятники позднего, так называемого некирилломефодиевского периода характеризуются тем, что в них обычно множество семантически неоправданных лексических вариантов. Много такого рода вариантов имеется и в СП. Ср., например, *калогерь* (л. 3 об., 13; л. 86 об., 10), *калогерь* (л. 16, 8; 31 об. 8; 88, 16 и др.); *чръньць* (40 об. 2; 125, 1; 170 об. 16 и др.) и *мъниць* (21 об. 9—10; 25 об. 1; 37, 16 и др.); *ниць* (8 об. 20; 36, 14; 90 об. 5); и *оубогъ* (24, 7; 58 об. 20; 131, 18 и др.); *нищета* (13, 8; 139 об. 14) и *оубожество* (141 об. 20); *съньмъ* (21 об. 15; 25, 4 и др.) и *съборъ* (14 об. 11—12; 18 об. 1 и др.); *съборище* (42 об. 18); *пастырь* (10 об. 16; 25, 16—17; 64 об. 4) и *пастухъ* (12, 19; 29 об. 15 и др.); *отожъ* (л. 7, 7) и *островъ* (л. 76, 13); *кръжити* (л. 9, 4 и др.) и *питати* (л. 41, 15 и др.); *гостиница* (л. 136, 5 и др.) и *виталяница* (л. 121 об., 3), *общезжитик* (л. 12 об., 13 и др.); *книгъчий* (л. 166, 12) и *грамотикъ* (л. 148, 1—2), *писъчии* (л. 148, 1); *гартица* 'письмо, послание' (л. 140, 16) и *кожа* 'то же' (л. 25, 8), *епистолица* 'то же' (л. 103 об., 4), *дъска* 'то же' (л. 61, 3), *питаць* 'то же' (л. 139, 7), греч. τὸ πτάχιον; как известно, первые переводчики в этом значении употребляли только *книги* и его производные; ср. далее *ради* (л. 47, 14 и др.) и *дѣла* (л. 82 об., 17 и др.); *порода* (л. 76, 12) и *раи* (л. 83 об., 3); *зѣло* (л. 51 об., 11 и др.) и *вельми* (л. 52, 16 и др.) и многие другие.

Таким образом, и обилие лексических вариантов, среди которых многие появились поздно, не может свидетельствовать о раннем происхождении СП.

Кроме того, в СП находим слова, которые не употреблялись первыми переводчиками. К ним относятся: *багъряница* (л. 32, 1; 35 об. 7 и др.); вместо него

первые переводчики употребляли *прѣлрждь*¹¹. *Кѣстантинъ градъ* (л. 25, 2—3; 30, 5, 18 об. 8 и др.) это слово известно только СП; первые переводчики писали *Цѣрградъ*, *въздоухъ* (л. 63, 17, первые переводчики писали *аеръ*). Едва ли Мефодий мог написать *затвориць книги* (38, 10), так как Л. IV, 20 во всех списках читается *съгънжъ кнѣги*; трудно также ожидать, что Мефодию принадлежит и написание *рече врьхоу брата* (139, 5), так как в классических памятниках старославянской письменности, в создании которых принимал участие Мефодий, предлога *врьхоу* нет. Не может принадлежать Мефодию и *и веде и въ коуцю* (л. 80., 11); потому что первые переводчики, как показывают Мк. IX, 5, Л. IX, 33, греч. σκῆνῆ оставили без перевода и, видимо, только позже стали передавать его словом *кровать* (см. Л. XVI, 9 и Мф. XVII, 4); в апостоле также фигурируют оба слова. Лишь в поздних списках евангелий — Тырновском, Добромировом и др. появляется слово *кѣща*¹². Не известны в старших списках евангелий, псалтыри и апостола наречия *бъшь* (л. 173 об., 17 и др.) и *бѣтъма* (л. 65 об., 10) — слова, впервые зафиксированные в Супрасльской рукописи.

Можно констатировать, что перевод СП выполнен не одним лицом. Доказательством этого является между прочим еще разнообразный способ передачи одного и того же греческого слова, например: σ' εὐνοῦχος — *каженикъ* (л. 128 об. 9; так же и в евангелиях), *скопъць* (л. 26 об. 20—21; употреблено в Супрасльской рукописи) и не отмеченные в других памятниках старославянской письменности *емногъ* (л. 114 об., 10; л. 129 об., 13 и др.); σ' αἰρετικὸς — *еретикъ* (л. 15, 15; 180 об. 3, обычное в памятниках слово) и *зѣловѣрный* (17 об. 2; 55, 18 и др.); τὸ κολῶβιον — *котыжица* (л. 64, 15), *риза* (л. 20, 16; 43 об. 8 и др.) и *колович* (л. 86 об. 5).

Значительный материал по этому вопросу представлен В. Ф. Дубровиной¹³.

Словом, доводы в пользу перевода СП Мефодием не состоятельны. По лексическим и другим особенностям СП тесно сближается с Хроникой Георгия Амартола, в которой также наблюдается изобилие лексических вариантов, характерных для восточноболгарской, древнерусской (восточнославянской) и западнославянской лексических систем.

¹¹ А. С. Львов. Очерки по лексике..., стр. 220—223.

¹² V. Jagić. Die Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, S. 318 и след.; Slovník jazyka staroslověnského, t. II, s. 99.

¹³ В. Ф. Дубровина. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 44—58.

¹⁰ Ibid., s. 536.

Приведенные данные склоняют нас к предположению, что СП переведен в том же переводческом кружке, что и Хроника Георгия Амартола, не ранее XI в. Таким образом, если дошедшая рукопись

СП — не оригинал, а список, то это список, стоящий недалеко от первооригинала. В этом особая ценность изданного памятника.

А. С. Львов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1971 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

Ганзел Л. Марксистская философия в кривом зеркале современной буржуазной марксологии. В кн. Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

Добрянов В. Ницета антиисторизма. В кн. Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

Ирибаджак Н. «Конец идеологии» или идеологическая диверсия? В кн. Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

Павлов Д. Концепция «формированного общества» — новый социальный миф империализма. В кн. Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

Понятовский З. Ленин и проблемы научного характера марксистской философии. В кн. Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Вайсгаупт У. Борьба социалистических государств в Организации Объединенных Наций за освобождение колониальных народов на Юге Африки. В кн. Против расизма и неокOLONИализма, за освобождение юга Африки. (Материалы междунар. научн. конференции. 22—25 мая 1968 г. Берлин.) М., 1971.

Верность принципам марксизма-ленинизма. (Краткое изложение резолюции XIV съезда КПЧ.) «Правда», 1971, 31 мая.

Денчев К. И. Патриотизм и пролетарский интернационализм в публицистике Георгия Димитрова. «Вопросы теории и практики массовых средств пропаганды», 1971, вып. 4.

Розе Г. Генезис, основные черты и компоненты «гибкой» экспансионистской политики в отношении социалистических стран Европы. В кн. Зарубежные

марксисты в борьбе против буржуазной идеологии. М., 1971.

Рябушкин Т. В., Галецкая Р. А. Проблема соревнования социализма и капитализма на современном этапе. В кн. Мировая социалистическая система. М., 1971.

Селянинов О. П. Сочетание интернационального и национального в политике социалистических государств. В кн. По заветам В. И. Ленина. М., 1971.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Аламлиев П. М. Экономические взаимоотношения наций при социализме. В кн. Мировая социалистическая система. М., 1971.

Бабушкин Т. А. Некоторые особенности социалистического переустройства сельского хозяйства Болгарии. В кн. Некоторые вопросы развития мирового революционного процесса. М., 1971.

Богомоллов О. Т. Ленинизм и некоторые проблемы развития и сотрудничества стран социализма. В кн. Мировая социалистическая система. М., 1971.

Валев Э. Б. Некоторые проблемы экономической интеграции социалистических стран. (На примере сотрудничества СССР и НРБ.) Вестн. Моск. ун-та. География, 1971, № 3.

Глебова И. В. Межотраслевые балансы социалистических и капиталистических стран. В кн. Проблемы международной статистики. М., 1971.

Дудинский И. В. Формирование и прогресс мировой социалистической системы. В кн. Мировая социалистическая система. М., 1971.

Захариев И. Значение фундаментальных научных исследований для развития народного хозяйства НРБ. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май 1968 г. Т. 2. М., 1971.

Ковальцев Г. Некоторые тен-

денции товарооборота машин и оборудования между СССР и странами — членами СЭВ. В кн. Научная конференция молодых ученых по проблемам перспективного планирования народного хозяйства и его отраслей. Москва, 1971. Материалы. М., 1971.

К о в а ч Л. Единство национальных и интернациональных интересов — закономерность экономического сотрудничества социалистических стран. В кн. Экономические законы социализма и хозяйственное руководство. М., 1971.

К у н ц В. Экономическая интеграция — новый этап сотрудничества стран СЭВ. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1971, № 5.

Л и п о в е ц к и й Э. Я. Творческое осуществление ленинского кооперативного плана в Народной Республике Болгария. В кн. Ленинский кооперативный план — основа социалистического земледелия. Одесса, 1970.

М а к с а к о в с к и й В. П. Некоторые проблемы развития энергетики социалистических стран зарубежной Европы. Экон. география. География промышленности, 1971, вып. 4—5.

М а р к о в Л. Н. Содержание соглашений между социалистическими странами по вопросам таможенного управления и их значение для практики деятельности советских таможенных учреждений. Тр. Ирк. ун-та, 1970, т. 77. Сер. юрид., вып. II, ч. 2.

М у ж и Н. Н. К вопросу о действии экономических законов в рамках мировой социалистической системы. В кн. Экономические законы социализма и хозяйственное руководство. М., 1971.

Н а з а р к и н К. Роль МБЭС в экономическом сотрудничестве стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1971, № 6.

Н е д е в И. Внешняя торговля Болгарии в шестой пятилетке. Внешн. торговля, 1971, № 5.

О л е й н и к И. П., Семенова Л. С. Строительство материально-технической базы социализма и индустриальное развитие социалистических стран. В кн. Мировая социалистическая система. М., 1971.

П о м а з а н о в С. Национальный хозяйственный комплекс как экономическая категория. (На примере соц. стран.) Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, М., 1971, № 5.

П р о х о р о в Г. М. Экономическое сотрудничество стран социализма с развивающимися государствами. В кн. Мировая социалистическая система. М., 1971.

П т и ч к и н Н. Международный институт экономических проблем мировой социалистической системы. Внешн. торговля, 1971, № 5.

Развитие народного хозяйства стран — членов СЭВ в 1970 г. Сообщения статистических органов о выполнении народнохозяйственных планов. Бюл. экон. информации СЭВ, 1971, № 2.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1971, № 2

Н. Тодоров, В. Трайков. Греческое восстание 1821—1829 гг. и болгары; Д. Ангелов. Возникновение и становление болгарской народности; И. Петков. «Акция Соболева» в Плевенском округе; М. Куманов. Восстановление дипломатических отношений между Болгарией и Турцией (1923—1926 гг.); Й. Венков. I Интернационал и деятели болгарского Возрождения.

«Литературна мисъл», 1971, № 2

И. Славов. Принципы литературной политики Маркса; Т. Жечев. Раковски, Восточный вопрос и болгарская уния; П. Зарев. Портрет Николая Райнова; Г. Димов. Д-р К. Крестев — Иван Вазов; В. Смоховска-Петрова. Две народные книги.

«Славяноболгарская история»; Х. Тодоров. Заблуждения антиромана. Е. Константинова. С уверенной критической мыслью.

«Език и литература», 1971, № 2

А. Ничев. Какую форму передает транскрипция *тържост* в «Четырехязычном словаре» Даниила; Й. Цонев. Александр Блок; К. Генев. Проблема социалистического романтизма в советском литературоведении; Р. Мутафчиев. Анализ лексики по семантическим полям; Р. Русинев. Субстантивные словосочетания с предлогом *без* в современном болгарском литературном языке; В. Велчев. О подходе к болгарскому фольклору как идеологическому явлению; О. Охрименко. Леся Украинка и Болгария; М. Виденов. О некоторых архаических формах в белградчикском подговоре.

ЮБИЛЕЙ ВИДНОГО СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО С. А. НИКИТИНА

25 июня 1971 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и более сорока лет научной деятельности доктора исторических наук, профессора Сергея Александровича Никитина, одного из крупнейших советских специалистов по истории России XIX в. и по истории южных славян. Как историк-славист С. А. Никитин главное внимание сосредоточил на изучении истории южных славян и истории их связей с Россией.

Перу С. А. Никитина принадлежит ряд серьезных капитальных исследований. Среди них монографии «Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг.» и «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в.», а также первый учебник по источниковедению истории СССР XIX в. С именем С. А. Никитина связано создание первого марксистского учебника по истории южных и западных славян и первых советских обобщающих трудов по истории Болгарии и Югославии. Работы С. А. Никитина отличаются обстоятельностью и глубиной исследования, четкостью позиции, убедительностью аргументации. Результаты исследований С. А. Никитина прочно вошли не только в советскую, но и в зарубежную историческую науку, обеспечили ученому большой международный авторитет.

С. А. Никитин первым из советских исследователей обратился к изучению истории славянских комитетов в России. При этом он подчеркнул, что благотворительность комитетов носила определенную политическую окраску и объективно сыграла положительную роль, ибо ее главной целью было, с одной стороны, укрепление русского влияния в кругах славянских национальных деятелей, а с другой — попытка поддержать национально-освободительную борьбу славян против турецкого ига. Своими работами по изучению русской и южнославянской периодической печати 50—70-х годов XIX в. С. А. Никитин открыл новую страницу в истории советского славяноведения. Эту интересную область славистических исследований в настоящее время продолжают разрабатывать его ученики — советские историки-слависты.

Наряду с научной деятельностью С. А. Никитин ведет большую научно-организационную и общественную работу. Он является заместителем председателя славянской секции Национального комитета историков СССР. В 1966 г. он был избран вице-президентом, а в 1970 г. — президентом Международной комиссии по славистическим исследованиям при Международном комитете историков.

В течение многих лет С. А. Никитин является членом правления Общества болгаро-советской дружбы. В 1963 г. он был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени за крупные заслуги перед болгарской наукой и за укрепление советско-болгарских научных и культурных связей.

28 июня в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось заседание Ученого совета, посвященное чествованию Сергея Александровича Никитина в связи с его 70-летием.

Открывая заседание, директор института, чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков в своем вступительном слове сказал: «Мы гордимся тем, что этот крупный ученый работает в нашем институте около 25 лет и вся его научная деятельность связана с институтом». Д. Ф. Марков отметил большую научно-организационную деятельность С. А. Никитина. Говоря о научной ценности трудов юбиляра, Д. Ф. Марков подчеркнул, что очень важно, когда результаты научных исследований органически входят в научный обиход других ученых-историков. Этому требованию отвечает вся научная деятельность С. А. Никитина.

С обзором научной деятельности С. А. Никитина выступил зав. сектором новой истории балканских народов института д-р ист. наук Ю. А. Писарев. Он подчеркнул, что многие сотрудники института работают с Сергеем Александровичем еще с университетской скамьи и являются его учениками. Другие связаны с С. А. Никитиным научными интересами и также считают себя его учениками. Далее Ю. А. Писарев охарактеризовал основные труды С. А. Никитина. Под непосредственным руководством и при участии С. А. Никитина вышли в свет

«История Болгарии», т. I и II, «История Югославии» т. I, «История Чехословакии» т. II, трехтомная публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига». В настоящее время под руководством С. А. Никитина готовится к изданию две публикации — по Первому сербскому восстанию 1804—1813 гг. и архиву М. Ф. Раевского. Всего С. А. Никитин опубликовал свыше 150 научных трудов.

Под научным руководством С. А. Никитина было подготовлено свыше 20 кандидатов и докторов наук.

Имя С. А. Никитина широко известно за рубежом, он принимал участие во многих международных конгрессах и форумах в Болгарии, Австрии, Франции и др.

С поздравлениями в адрес С. А. Никитина от имени кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова выступил зав. кафедрой канд. ист. наук доцент И. В. Воронков. Сергей Александрович — сказал И. А. Воронков — внес значительный вклад в становление кафедры истории южных и западных славян, куда он был приглашен в конце Отечественной войны. Вместе с основателями кафедры В. И. Пичетой и З. Р. Нефды он готовил специалистов по истории южных и западных славян.

В 1947 г. С. А. Никитин защитил докторскую диссертацию и возглавил кафедру, которой он успешно руководил на протяжении 14 лет. За это время Сергей Александрович и кафедра подготовили большой отряд славистов, в настоящее время работающих в различных вузах и научных учреждениях страны. Далее И. А. Воронков отметил большие заслуги С. А. Никитина в развитии источниковедения и изучения истории СССР.

В своем приветствии зав. сектором древней истории и средних веков института д-р ист. наук В. Д. Корольюк подчеркнул,

что недостаточно ценить ученого только по его трудам. Зная Сергея Александровича без малого 30 лет, В. Д. Корольюк сказал, что помнит его еще молодым, талантливым доцентом МГУ, который начал свою научную деятельность с истории СССР. Перед ним как историком СССР открывались блестящие перспективы. Но возникла новая кафедра — кафедра истории южных и западных славян, и Сергей Александрович пошел на нее твердо убежденный, что именно знания в области отечественной истории нужны для возрождения в стране славистических исследований.

Сергей Александрович оказался одним из немногих наших ученых, который в 1942 г. решительно выбрал предметом своих исследований славистику. Это был поворотный момент в его творческой биографии.

От имени сверстников С. А. Никитина самые сердечные и искренние поздравления юбиляру передал д-р ист. наук А. Ф. Миллер.

Говоря о заслугах С. А. Никитина, А. Ф. Миллер отметил, что он органически вошел в науку, воспитал много учеников. С. А. Никитин — один из тех специалистов, к которому можно всегда обратиться и получить надежный ответ, — заключил свое выступление А. Ф. Миллер.

В адрес юбиляра поступили многочисленные поздравления и приветствия из разных городов Советского Союза и из-за рубежа. Его приветствовали университеты Москвы, Львова, Харькова, Воронежа, Перми, Краснодара; архивные учреждения, исторические журналы, а также научные учреждения и ученые Болгарии, Югославии, ГДР и др.

Юбилей С. А. Никитина отметила научная пресса Болгарии и Чехословакии.

Н. В. Зуева, Н. П. Данилова

ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В этом году на филологическом факультете Ленинградского университета состоялось юбилейное (десятое) заседание, посвященное Дню славянской письменности. Инициатором проведения таких заседаний был проф. Ю. С. Маслов — один из советских славистов, награжденных болгарским орденом Кирилла и Мефодия. 10 лет назад доценты Т. А. Иванова, В. Д. Андреев и Е. А. Захаревич выступили с докладами на первом заседании, посвященном важнейшему

событию в истории славянской культуры, и положили начало хорошей традиции. С тех пор такие заседания, организуемые кафедрами славянской филологии и русского языка совместно со студенческим научным обществом (СНО) проводятся регулярно. На них выступают и ученые и студенты, делающие первые шаги в славистике.

Заседание, состоявшееся 19 мая 1971 г., было подготовлено сотрудниками кафедры славянской филологии доц.

Е. А. Захаревич, асс. Г. В. Крыловой, доц. Г. А. Лилич и студентами — членами жюри СНО «Славянские пятницы».

Его открыл доц. В. Д. Андреев. Он отметил общеславянское значение Дня славянской письменности и подчеркнул, что достижения культуры и литературы Болгарии являются составной частью культуры стран и народов социалистического содружества.

Затем были заслушаны рефераты студентов Л. Черкуновой «Емил Георгиев о происхождении глаголицы», Н. Ждановской «Основные черты древней болгарской литературы» (в основном по статье акад. П. Динекова «Взгляд на древнюю болгарскую литературу»), О. Антиповой и Н. Смирновой «О своеобразии и европейском значении древнеболгарской литературы» (о дискуссии на страницах болгарского журнала «Литературна мисъл» в 1969—1970 гг.).

С заключительным словом выступила доц. Т. А. Иванова, которая высоко оценила студенческие рефераты и поддер-

жала гипотезу Е. Георгиева, приведя в ее пользу несколько убедительных аргументов.

Заседание прошло живо и непринужденно. Дважды — до и после научных сообщений — звучали в исполнении студентов болгарские стихи, посвященные Дню славянской письменности («Славянская речь» Д. Пантелева и «Кириллу и Мефодию» М. Грубешлиевой). Участников заседания, среди которых были представители болгарского землячества в Ленинграде, приветствовал «славянский хор» факультета, исполнивший несколько народных песен.

Заседания, посвященные Дню славянской письменности, не только приобщают студентов к научной работе, но и прививают вкус, любовь и уважение к древней славянской культуре, развивают чувства славянской общности и братства, столь необходимые для воспитания настоящего слависта.

В. Мокиенко

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

22 февраля 1971 г. состоялась защита докторской диссертации М. М. Фрейденбергом на тему «Далматинский город и его сельская округа в XIII—XIV вв. (по материалам из Северной и Центральной Далмации)».

Работа М. М. Фрейденберга — многоплановое исследование, вносящее существенный вклад в разработку многих сложных, нерешенных и спорных вопросов средневекового развития Балкан. Опираясь на обширный круг разнообразных источников (некоторые из них еще не были введены в научный оборот), автор по существу впервые всесторонне и комплексно исследует развитие далматинского города и его сельской округи в период их расцвета.

Официальные оппоненты, д-ра ист. наук Л. А. Котельникова, А. П. Каждан, В. Д. Королук, А. Д. Люблинская и

С. А. Никитин дали высокую оценку работе М. М. Фрейденберга. Диссертация вносит много нового в разработку типологии городов феодальной Европы и, соответственно, типологии развития товарно-денежных отношений в эпоху зрелого европейского средневековья. Автору удалось достаточно убедительно вскрыть особенности социально-экономического и политического развития далматинских городов XIII—XIV вв., определить их место в экономической жизни Адриатики, наметить пути решения проблемы связи их развития с общепалканским экономическим развитием. Ученый совет института высказался за присуждение М. М. Фрейденбергу ученой степени доктора исторических наук.

Р. Н. Смирнова

ЯН ОТРЕМБСКИЙ

24 апреля 1971 г. в Познани на 82 году жизни скончался Ян Отрембский, выдающийся исследователь в области балтийского, славянского и индоевропейского языкознания.

Жизнь и научная деятельность Я. Отрембского связаны с Польшей и Литвой. Долгое время (1921—1945 гг.) он был профессором университета в Вильне. В годы войны сотрудничал в Институте литовского языка, участвуя в работе над «Словарем литовского языка». В 1945—1960 гг. был профессором университета в Познани, в течение 14 лет (1949—1963 гг.) редактировал журнал «Lingua Poznaniensis». С 1934 г. Я. Отрембский был членом Польской академии наук.

Вклад покойного ученого в языкознание поистине огромен. Его составляют свыше 270 опубликованных научных работ, и среди них — немало трудов, в своей области основополагающих.

Научные интересы Я. Отрембского были разносторонни и последовательны. Он много занимался (особенно в довоенные годы) вопросами сравнительной грамматики индоевропейских языков, историей древних языков — санскрита, греческого, латыни. Из большого числа работ ученого на эти темы в первую очередь должны быть названы «Indogermatische Forschungen» (Wilno, 1939), а также написанная вместе с Я. Сафаревичем превосходная «Gramatyka historyczna języka łacińskiego».

Но главное внимание Я. Отрембского было отдано балтийскому и славянскому языкознанию. Его труды в этих областях отличаются совершенное владение обширным языковым материалом, стремление к строгости сравнительно-исторического метода, ясное понимание насущных задач науки, надежность выводов.

И без сомнения, наиболее значительны и общепризнаны заслуги покойного ученого перед литуанистикой. Он является автором двухтомной монографии «Wschodniolitewskie narzeczce twreckie» (Kraków, 1932—1934), которая и поныне остается едва ли не единственным в литовской диалектологии образцом полного и всестороннего описания одного говора. Я. Отрембскому принадлежит трехтом-

ная «Gramatyka języka litewskiego» (Warszawa, 1958, t. I — Wiadomości wstępne, nauka o głoskach; 1965, t. II — Nauka o budowie wyrazów; 1956, t. III — Nauka o formach). Это первая научная грамматика литовского языка, фундаментальный труд, основанный на материале литературного языка, диалектов, памятников, с привлечением данных латышского, прусского, славянских и других индоевропейских языков. Создание научной грамматики литовского языка ученый считал своим долгом перед литуанистикой и перед литовским народом, и этот долг он с честью исполнил. Я. Отрембский внес свой вклад и в дело изучения и публикации литовских письменных памятников. Вместе с Ч. Кудзиновским им было осуществлено образцовое в филологическом отношении издание текста литовской библии Хилинского.

В области славянского языкознания Я. Отрембскому принадлежат ценные этимологические исследования, многочисленные этюды по сравнительно-исторической грамматике славянских языков, работы по топонимике, польской исторической лексикологии.

На протяжении всей жизни Я. Отрембский последовательно занимался проблемой балто-славянских языковых отношений, интересуясь как более поздними связями (ср. монографию о тверечском говоре, ряд работ о балтийских элементах в польском и белорусском языках), так и древнейшими. Будучи сторонником концепции балто-славянского праязыка, он посвятил многие свои работы выявлению черт, общих балтийским и славянским языкам, выступил с рядом убедительных балто-славянских этимологий, занимался разысканиями в области балтийской и славянской топониматики, а также реконструкцией переходных балто-славянских диалектов (в частности, языка ятвягов).

Смерть Яна Отрембского — одна из самых горестных утрат, которые выпали в последние годы на долю балтийского и славянского языкознания.

Т. Судник

УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ В 1971 г.

Статьи

Борковский С. А., Мальдис А. И. Поэтическое наследие Артемия Вериги-Даревского	№ 2
Валев Л. Б. Начало Великой Отечественной войны Советского Союза и Болгария	№ 3
Виноградов С. А. О некоторых вопросах развития торговли в Сербии в 20—30-х годах XIX века	№ 6
Гура В. Внутренние и внешние предпосылки образования народной власти в Польше	№ 5
XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза	№ 4
Дьяков В. А. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов	№ 5
Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском	№ 6
Живкович Д. Некоторые вопросы создания нового югославского государства	№ 3
Житник В. К. Мелодика в поэзии Антонина Софы	№ 2
Жуковская Л. П. Рукопись № 9 из собрания Григоровича	№ 3
Зарубин Л. А. Сходные изображения солнца и зорь у индоарийцев и славян	№ 6
Илюшин А. А. Из истории русско-польских литературных отношений (к 150-летию со дня рождения Достоевского и Некрасова)	№ 6
Каллош А. В. Из истории хорватской реалистической драмы 30-х годов	№ 1
Карасев В. Г. Сотрудничество Живоина Жувича в «Современнике» (1863—1865).	№ 1
Кеневич С. Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г.	№ 3
Киселев И. Сотрудничество Академии наук СССР с учеными Болгарии	№ 6
Клеванский А. К 50-летию создания Коммунистической партии Чехословакии	№ 3
Ковальский Ю. Польские коммунисты в борьбе за мир и безопасность своей страны (1935—1936)	№ 6
Копашева М. И. Антимилитаристская борьба чехословацкой революционной молодежи в начале 20-х годов	№ 5
Копашева М. И. Чехословацкая социал-демократическая молодежь в годы послевоенного революционного подъема (1918—1920).	№ 1
Королук В. Д. Волохи и славяне «Повести временных лет»	№ 4
Костюшко И. И. Ф. Энгельс об аграрном развитии Центральной и Восточной Европы	№ 1
Краснова Л. Н. Политика КПЧ в отношении сельской буржуазии в первые годы кооперирования крестьянства (1949—1953 гг.).	№ 4
Кучинко М. М. Население бассейна верхнего Сана и Вислока в IX—XIII веках	№ 3
Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI века	№ 2

- Лаптева Л. П. Табориты, их социальный состав и идеология в освещении русской литературы XIX — начала XX в. . . . . № 4
- Лещиловская И. И. О социальной сущности и периодизации хорватского национального Возрождения . . . . . № 5
- Липатов А. Проблемы периодизации литературы польского Просвещения . . . . . № 3
- Львов А. С. О пребывании Константина Философа в монастыре Полихрон . . . . . № 5
- Марков Д. Ф. Об основных направлениях научной деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР . . . . . № 5
- Марьяна В. Съезд в Любохне (К 50-летию создания Коммунистической партии Словакии) . . . . . № 1
- Милкова Ф. Чрезвычайное законодательство в Болгарии в 1924—1944 гг. . . . . № 5
- Морозов А. Основные задачи изучения славянского барокко . . . . . № 4
- Мыльников А. С. Еще раз о начальной дате возникновения Чешского общества наук . . . . . № 5
- Наумов Е. П. К истории аграрного переворота в Сербии в 30-х годах XIX века. . . . . № 5
- Попова Т. В. О предмете морфонологии, иерархии анализа и единицах описания морфонологической структуры языка . . . . . № 2
- Прокорьева Д. С. Из истории литературной жизни Польши второй половины XIX века (Корреспонденция издателей Завадских) . . . . . № 5
- Станкевич Е. Е. Текстильное производство в Силезии по данным Генеральных статистических таблиц 1787 г. . . . . № 1
- Станкевич Е. Е. Формирование промышленного пролетариата в Силезии (конец XVIII — первая половина XIX в.) . . . . . № 6
- Тальская О. С. Члены тайного Общества военных друзей в Сибири . . . . . № 4
- Титова Л. Чешский патриотический театр «Боуда» (1786—1789) . . . . . № 1
- Ходова К. Т. К проблемам славянской синонимии (синонимичность как стадия развития системы). . . . . № 1
- Шерлаимова С. А., Хорев В. А. К спорам о социалистическом реализме . . . . . № 6
- Ширяев Ю. С. Проблемы экономической интеграции стран СЭВ . . . . . № 2
- Яжборовская И. С. «Справа Роботничка» и формирование идейно-политических позиций Розы Люксембург . . . . . № 2

Публикации

- Жигунов Е. К. С. М. Кравчинский о польском социалистическом движении 70—80-х годов XIX века . . . . . № 4
- Львова Е., Конев И. Болгарская школа и «свиштовский период» Николая Павловича . . . . . № 4

Памятники славянской культуры

- Кишкин Л. С. Мозаика Староместской ратуши в Праге . . . . . № 1
- Островский Г. Польские экслибрисы В. А. Фаворского . . . . . № 2

Люди, события, факты

- Гогина К. П. Парижская Коммуна и чешское рабочее движение . . . . . № 2
- Карасев В. Г. Отклики на Парижскую Коммуну в южнославянской революционной печати . . . . . № 2
- Молок Ф. А. «Союз друзей СССР» в Чехословакии . . . . . № 4
- Немировский Е. Л. К историографии польского первопечатания . . . . . № 3
- Обушенкова Л. Польская литература об участии поляков в Парижской Коммуне . . . . . № 2

Критика и библиография

- Агапкина Т. Из истории польской публицистики 1918—1939 г. . . . . № 1
 А. Л. Рукописная пресса в Польше XVIII века . . . . . № 5-
- Бегунов Ю. К. Новый труд болгарского ученого о Владиславе Грамматике . . . . . № 4
 Бегунов Ю. К. Южнославянский перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина в издании немецкого ученого . . . . . № 1
 Библиография (составители: Калоева И. А., Коздовская И. И., Кошкина Е. А., Ларичева Н. М., Огнева А. Я., Павленко Г. И., Смирнова Р. Н.). . . . . № 1—6
- Большакова К. В. Н. Rechowicz. Aleksander Zawadzki. Życie i działalność . . . . . № 6-
 Булатова Р. В. Новые исследования по сербохорватской акцентологии . . . . . № 6
 Быстрицкий В. Словацкая историография 1960—1970 гг. о проблемах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы . . . . . № 2
 Бэлла И. Ф. К историографии межславянских культурных связей. О трудах Ярослава Прохазки . . . . . № 4
- В. Ф. Ујединена омладина српска . . . . . № 2
- Георгиева Е. Новый вклад в болгаристику . . . . . № 3
 Горский И. К. О продолжении нужных исследований . . . . . № 4
 Горский И. К. Филологический выпуск «Українського слов'язнознавства» . . . . . № 6-
- Йованович Н. «Токови револуције». . . . . № 3-
- Каллош А. В. Энциклопедия Хорватского национального театра . . . . . № 4
 Киршевская А. Н. Григор Пописаков. Экономические отношения между Народной Республикой Болгарией и Советским Союзом . . . . . № 1
 Кишкин Л. С., Ритчик Ю. И. Совместный труд советских и чехословацких историков культуры . . . . . № 6
 Конобеев В. С. И. Сидельников. Болгарский революционный центральный комитет (1869—1872 гг.) . . . . . № 5
 Копруковняк А. Wiesław Śladkowski. Kolonizacja niemiecka w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w latach 1815—1915 . . . . . № 2.
 Королук В. Д. О. А. Ганцкая. Народное искусство Польши . . . . . № 6
 Костюшко И. И. Полезные издания . . . . . № 6
 Куманецкий Е. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały . . . . . № 1
- Л. К. Книга о серболужицкой литературе . . . . . № 5-
 Л. К. Zdeněk Urban. Pozapomenutá tvář Boženy Němcové . . . . . № 4
 Львов А. С. Синайский патерик . . . . . № 6
 Львова Е. Новая книга о болгарском искусстве . . . . . № 2
- Мананчикова Н. П. К вопросу о Дубровницком Возрождении . . . . . № 1
 Можяева И. Е. Stankiewicz, D. S. Worth. A Selected Bibliography of Slavic Linguistics . . . . . № 5
 Мочалова В. «Studia poświęcone stosunkom literackim polsko-czeskim i polsko-słowackim» . . . . . № 4
 Мыльников А. С. J. Dolanský. Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisů královédvorského a zelenohorského . . . . . № 2
 Мыльников А. С. Книга о Чешском национальном совете . . . . . № 6
- Никончук Н. В. J. Maciejewski. Słownik chełmińsko-dobrzyński . . . . . № 2
- Обушенкова Л. М. Rózycka-Glassowa. Organizacja i wydajność pracy w rolnictwie wielkiej własności przed uwłaszczeniem w Królestwie Polskim . . . . . № 4
- Пердигер И. Б. «Komuniści. Wspomnienia o Komunistycznej partii Polski» . . . . . № 2
 Пилишек Е. «Rocznik Lubelski» . . . . . № 5
 Попков Б. С. Fr. Bronowski. Idea gminowładztwa w polskiej historiografii . . . . . № 2
 Почепко Г. П. Великопольское (Познанское) восстание 1918—1919 гг. в польской библиографии . . . . . № 5
- Ревзин И. И. Jadwiga Ziętarska. Sztuka przekładu w poglądach literackich Polskiego Oświecenia . . . . . № 2

Смирнов Л. К. Hovovštiaková, Bernolákovо jazykovedné dielo	№ 5
Смирнов Ю. О народной культуре Чехословакии	№ 3
Смяловский Ю. Состояние исследований по истории текстильной промышленности в Польше	№ 4
Татаринцев А. Немецкие слависты об эпохе Просвещения	№ 1
Филоненко-Алексеев Н. Ф. «Советское славяноведение».	№ 3
Флорья Б. Zb. Wójcik. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką	№ 2
Фрейдзон В. И. В. Крестинь. Хрватско-угарска нагодба 1868 године	№ 5
Хренов И. А. St. Kalabiński, F. Tych. Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja. Lata 1905—1907 na ziemiach polskich	№ 6
Чернявский Г. И., Вытяжков В. Т. «Герои на антифашистката борба»	№ 3

Научная жизнь

А. О. Встреча советских и польских историков в Познани	№ 3
Банк А. В. Выставка «Югославские средневековые фрески» в Эрмитаже.	№ 1
Бородина М. А., Попов И. А. Ареальные исследования в языкознании и этнографии.	№ 5
Г. В. Защита докторской диссертации по истории болгарского языка	№ 2
Демкина Е. И. Сорок лет в советском славяноведении	№ 3
Захаров В. В. Историко-славистические исследования в Кубанском университете	№ 4
Зеленин В. В. Заседание комиссии Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы	№ 1
Зуева Н. В., Данилова Н. П. Юбилей видного советского ученого С. А. Никитина	№ 6
И. К. К 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса	№ 2
Л. К. Научная конференция литературоведов в Словакии	№ 2
Маркова Л. В. Симпозиум по проблемам болгарского фольклора	№ 5
Мокиенко В. День славянской письменности в Ленинградском университете	№ 6
Мокиенко В. Летний семинар славистов в Брно.	№ 3
Моторный В. Конференция, посвященная Яну Амосу Коменскому	№ 2
Невская Л. Г., Судник Т. М. Вторая всесоюзная конференция по актуальным проблемам балтийского языкознания	№ 1
Обушеникова Л. Работа международной комиссии славянских исследований на XIII конгрессе исторических наук	№ 1
Попова Т. В., Ходова К. И. VII международный летний семинар по болгарскому языку и литературе в Софии	№ 3
Руколь Б. М. Кандидатская диссертация	№ 2
Смирнова Р. Н. Защита диссертации	№ 6
Тематика VII Международного съезда славистов	№ 2

Некрологи

Аристова Т. Ф. Василий Романович Ваврик	№ 1
Гудков В. П. Мате Храсте	№ 3
Ефремов Е. А. Владимир Петрович Султанов	№ 4
Злыднев В. И. Леонид Самойлович Ерихонов	№ 4
Корольков В. Д. Тадеуш Мантейфель	№ 2
Литаврин Г. Академик Иван Снегаров	№ 5
Пашуто В. Т. Памяти Ежи Антоновича	№ 3
Судник Т. Ян Отрембский	№ 6

Contents

A. A. Ilyushin. From the history of Russian-Polish literary relations (the 150-th anniversaries of Dostoyevsky and Nekrasov). [*I. Kiselev*]. The cooperation between the Academies of Science of the USSR and Bulgaria. *Józef Kowalski* (Poland). The Polish communists in the struggle for peace and security of their country (1935—1936). *E. E. Stankevich.* The formation of the industrial proletariat in Silesia (the end of the XVIII-th century — the beginning of the XIX century). *S. A. Vinogradov.* Some questions on the development of the trade in Serbia in 20—30-th of the XIX-th century. *S. A. Sherlaimova, V. A. Khorev.* Debates around socialist realism. *L. A. Zarubin.* The similar Slavic and Indo-Aryan images of the dawn and the sun. *V. A. Dybo.* Phrase accent modifications in Proto-Slavic. . . . .

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

R. V. Bulatova. New studies on Serbo-Croatian accent. *L. S. Kishkin, Ju. I. Ritshik.* A joint publication of the Soviet and Czechoslovak historians of culture. *I. A. Khrenov.* St. Kalabiński, F. Tych. Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja Lata 1905—1907 na ziemiach polskich. *A. S. Mylnikov.* A book on the Czech National Council. *I. Kostushko.* Useful publications. *K. V. Bolshakova.* H. Reczowicz. Aleksander Zawadzki. Życie i działalność. *I. K. Gorsky.* A philological volume of the «Ukrainske slov'anoznawstwo». *V. D. Koroliuk.* O. A. Gantskaya. Folk Art of Poland. *A. L. Lvov.* «The Sinai paterik» . . . . .

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1971 (continued). The contents of foreign periodicals . . . . .

SCIENTIFIC LIFE

N. V. Zueva, N. P. Danilova. The Anniversary of the well-known Soviet Slavist *S. A. Nikitin.* *V. Mokienko.* The Slavic letters day in the Leningrad University. *R. N. Smirnova.* The defense of dissertation theses. . . . .

T. Sudnik. [*Jan Otrębski*] . . . . .

Index of articles and materials published in the magazine in 1971 . . . . .

Технический редактор *Л. И. Глинкина*

Сдано в набор 11/VIII-1971 г. Т-15596. Подписано к печати 13/X 1971 г. Тираж 1150 экз.
Зак. 2710 Формат бумаги 70×108²/₁₆. Усл. печ. л. 10,5 Бум. л. 3,75 Уч.-изд. л. 12,3

2-я типогр. изд. «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

БОЛЬШАЯ ОРДЫНКА
34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ
70891
1-12

Цена 1 руб.
Индекс 70891

Издательство «Наука»

Готовится к печати:

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИМ ОТНОШЕНИЯМ
25 л. 1 р. 75 к.

В сборник включены материалы симпозиума «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Они освещают важнейшие вопросы славяно-германских отношений нового и новейшего времени, затрагивают как общетеоретические вопросы проблемы, так и ее политический и экономический аспект.

Специальный раздел содержит статьи по славяно-германским культурным и общественно-политическим взаимоотношениям.

Книга рассчитана на историков, международников, юристов, а также на аспирантов и студентов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.